Годъ 11-й. Кн. XLIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1899, № 4.

подъ редакціей

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. 22.
1900.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Къ вопросу о методахъ изученія исторіи семьи. *А. Максимова* 1

II. Бытъ болгаръ-поселенцевъ Феодосійскаго уѣзда I. Бракъ.

А) Характеристика отношеній между представителями различныхъ половъ до брака. *А. Музыченка* 36

III. Нѣкоторыя данныя по обычному праву крестьянъ нашего Сѣвера въ XVII. в. *А. Киселева*. 73

IV. Изъ области религіозныхъ вѣрованій горныхъ таджиковъ. *А. Семенова*. 81

V. Смѣсь:

Былины, записанныя *Е. Н. Косвинцевымъ* въ Пермской губерніи. I. Буянъ-богатырь. II. Чурило Пелёнковичъ. III. Дюкъ Степановичъ. Съ примѣчаніями *А. Маркова* 89

„Былина" о Стенькѣ Разинѣ, разбойникѣ, богатырѣ и чародѣѣ. Сообщилъ *Ф. Нефедовъ* 94

Обычай славить дѣтей наканунѣ Новаго года. *М. И. Успенскаго*. 108

Замѣтка о двухъ случаяхъ вѣдовства и порчи въ XVII в. *В. А.* 110

О свадебныхъ обычаяхъ у армянъ Эриванской губерніи. *Б. Халатьянцъ* 112

Грузинскія легенды о Соломонѣ Мудромъ. *А. Хаханова*. 115

Матеріалы для исторіи народнаго театра. VI. Вертепная драма въ с. Радче, Радинскаго уѣз. Сѣдлецкой губ. *В. А. Мошкова*. 117

VI. Э. Ю. Петри (Некрологъ). *Н. Харузина*. 124

Стр.

VII. Критика и библіографія.

1. Отчеты о книгахъ. . . . . 127—147

Эрнсть Гроссе. Происхожденіе искусства. Перев. съ нѣм. А. Е. Грузинскаго, изд. М. и Е. Сабашниковыхъ. *А. Максимова* (127) Я. П. Дуброва. Быть калмыковъ Ставропольской губ. *Н. Х.* (131).—Michał Federowski. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej T. I. Wiara, wierzenia i przesądy ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki *А. Д. Григорьева.* (137).—Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русс. Геогр. Общества, № XXV. *Н. Х.* (140).—Памятная книжка Семипалатинской области на 1889 г. *Н. Х.* (143).—Н. Н. Харузинъ. Очерки первобытнаго права. I. Семья и родъ. („Вопросы науки, искусства, литературы и жизни", изд. кн. маг. Гросманъ и Кнебель, № 14). *А. Максимова.* (145).

2. Новости этнографической литературы 147

3. Обзоръ газетъ и журналовъ. 150

VIII. Извѣстія и замѣтки. Къ вопросу о 1-мъ съѣздѣ славянскихъ филологовъ.—2-й международный этнографическій конгрессъ 152

IX. Прибавленіе: Библіографическій указатель литературы о башкирахъ (съ 1730 по 1899 г.). Составилъ *Д. П. Никольскій*. . . . . 1—26

Къ вопросу о методахъ изученія исторіи семьи.

I.

Научная разработка исторіи семьи началась только въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Въ это время нѣсколько ученыхъ, совершенно независимо другъ отъ друга, пришли къ выводамъ согласнымъ въ общихъ чертахъ между собою, но зато совершенно противоположнымъ общепринятымъ до той поры въ наукѣ мнѣніямъ. Главнѣйшими изъ этихъ выводовъ были: 1) отрицаніе существованія у первобытнаго человѣка индивидуальной семьи, которая лишь путемъ медленной эволюціи выработалась изъ первоначальной стадіи гетеризма или безпорядочнаго полового смѣшенія, и 2) признаніе предшествованія отцовскому праву—материнскаго, признающаго родство ребенка только съ его матерью. Сообразно съ этимъ новая теорія получила названіе *матріархальной* въ отличіе отъ старой, или *патріархальной*, согласно которой индивидуальная семья, основанная на принципахъ отцовскаго права, не только всегда существовала, но и является первоначальной ячейкой, изъ которой выработались всѣ другія общественныя организаціи.

Матріархальная теорія была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ въ ученыхъ кругахъ, и одно время можно было думать, что она составляетъ прочное достояніе науки. Но и тогда уже можно было констатировать слабыя стороны теоріи. Какъ мы уже сказали, къ этой теоріи пришло нѣсколько ученыхъ совершенно независимо другъ отъ друга, и всѣ они были согласны между собою только въ самыхъ общихъ чертахъ. Не говоря уже про второстепенныя частности, даже самыя крупныя явленія возбуждали между ними очень серьезныя разногласія. Такъ, подъ материнскимъ правомъ Бахофенъ понималъ не только извѣстный способъ веденія родства, но и первенствующую роль матери въ семьѣ и

отчасти въ обществѣ; для Макъ Леннана материнское право—признаніе родства только по матери, для Моргана же—и того менѣе, а именно простое включеніе ребенка въ родъ матери, а не отца. Въ пониманіи гетеризма или безпорядочнаго полового смѣшенія, правда, труднѣе указать крупныя различія между данными авторами, но не надо упускать изъ виду того, что этотъ моментъ въ исторіи семьи изображается ими въ самыхъ общихъ и неточныхъ выраженіяхъ. Болѣе опредѣленными становятся они въ характеристикѣ позднѣйшихъ стадій, переходныхъ формъ къ индивидуальной семьѣ, но зато тутъ разногласія между ними достигаютъ самыхъ крайнихъ предѣловъ, примѣромъ чего можетъ служить извѣстная полемика между Макъ Леннаномъ и Морганомъ [1]).

При такомъ положеніи вещей главной задачей для сторонниковъ матріархальной теоріи было согласованіе ея первоначальныхъ различныхъ редакцій и приданіе теоріи большей стройности и единообразія. На самомъ дѣлѣ случилось нѣчто совершенно обратное. Первоначальныя разногласія не только не сглаживались, а наоборотъ, все больше и больше увеличивались. Каждый новый изслѣдователь по своему понималъ исторію семьи и давалъ свою собственную схему ея развитія.

Съ другой стороны, съ конца 80-хъ годовъ появляется рядъ работъ, подвергающихъ критикѣ, и иногда съ успѣхомъ, самыя основныя положенія матріархальной теоріи. Подобная критика существовала и раньше, но болѣе ранніе противники матріархальной теоріи не столько возражали противъ нея въ полномъ объемѣ, сколько старались доказать неприложимость ея для объясненія первобытной исторіи арійцевъ, семитовъ и другихъ „историческихъ" народовъ. Центръ тяжести рѣшенія вопроса лежалъ во всякомъ случаѣ въ этнографическихъ данныхъ, а эти данныя долгое время игнорировались защитниками первобытнаго патріархата. Иначе обстоитъ дѣло въ трудахъ Старке, Вестермарка и др., но зато и результаты получились нѣсколько иные. Хотя пока и преждевременно считать матріархальную теорію сданной въ архивъ, какъ это предлагаютъ сдѣлать нѣкоторые наиболѣе рьяные ея против-

---

[1]) *J. F. Mac Lennan.* Studies in ancient history. The classificatory system of relationships, chapter I. pp. 331—371. *L. H. Morgan.* Die Urgesellschaft, S. 435—450.

ники, но во всякомъ случаѣ она сильно поколеблена въ самыхъ своихъ основаніяхъ и несомнѣнно нуждается въ пересмотрѣ.

Любопытенъ, однако, тотъ фактъ, что и среди сторонниковъ патріархальной теоріи очень мало единодушія, и построенія отдѣльныхъ авторовъ чрезвычайно сильно разнятся между собою. Оказывается, что и въ патріархальной, и въ матріархальной теоріи наиболѣе цѣнными являются критическіе элементы, и такое замѣчаніе приложимо не только къ обоимъ направленіямъ, взятымъ вообще, но въ большинствѣ случаевъ и къ отдѣльнымъ авторамъ. Въ сущности говоря, мы имѣемъ дѣло даже не съ двумя теоріями, а съ гораздо большимъ количествомъ ихъ, такъ какъ почти каждый новый изслѣдователь оказывается творцомъ новой теоріи. Сводить всѣ эти теоріи къ двумъ направленіямъ становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ, такъ какъ по многимъ частнымъ, хотя и крупнымъ, вопросамъ оказываются солидарными между собой отдѣльные представители обоихъ направленій. Такъ, Мэнъ и Морганъ одинаково смотрятъ на экзогамію, какъ на результатъ сознательнаго воспрещенія кровосмѣшенія, а въ отрицательномъ отношеніи къ этому объясненію съ большинствомъ сторонниковъ матріархальной теоріи сходятся и такіе видные противники ея, какъ Пешель и Старке. Помимо этого, нѣкоторые авторы прямо ставятъ себѣ цѣлью занять, такъ сказать, промежуточное положеніе и избѣжать крайностей обѣихъ теорій. Въ результатѣ получается, что рѣзкая грань, существовавшая раньше между матріархальной и патріархальной теоріями, постепенно все болѣе и болѣе сглаживается. Къ сожалѣнію въ подобномъ фактѣ нельзя видѣть сліянія обоихъ направленій въ одно общее русло, а приходится констатировать, что просто обѣ теоріи потеряли свою опредѣленность, разбившись на множество болѣе мелкихъ разновидностей. Сколько-нибудь значительнаго единодушія нѣтъ между изслѣдователями, и теперь вся литература по данному вопросу представляетъ рядъ мало связанныхъ между собою теорій, легко возникавшихъ, но также легко и погибавшихъ подъ ударами критики.

Что касается до причинъ указаннаго явленія, то на первый планъ необходимо, конечно, поставить характеръ того матеріала, съ которымъ приходится имѣть дѣло историку семьи. Матеріалъ этотъ чрезвычайно обширенъ и разнообразенъ. Первымъ изслѣ-

дователямъ, взявшимся за настоящій вопросъ, пришлось работать на совершенно невоздѣланномъ полѣ; они должны были сами собирать и классифицировать сырой матеріалъ, то-есть произвести кропотливую, но необходимую работу, размѣры которой таковы, что она подъ силу только цѣлому ряду ученыхъ. Главныя данныя доставляла этнографія, а всѣмъ извѣстно, какъ обширна и несистематизирована даже въ настоящее время эта наука. Пускаясь по неизвѣстному морю фактовъ, изслѣдователи должны были неизбѣжно сбиваться иногда съ правильнаго пути и приходить къ ошибочнымъ заключеніямъ. Предварительный подсчетъ данныхъ легко могъ привести къ тому, чтобы какое-нибудь частое, но тѣмъ не менѣе случайное или мѣстное явленіе разсматривать, какъ свойственное всему человѣчеству, и, наоборотъ, принимать за исключеніе какой-нибудь общераспространенный фактъ. Примѣромъ такого рода ошибки можетъ служить мнѣніе Макъ Леннана объ общераспространенности поліандріи. Количество народовъ, затронутыхъ имъ въ своемъ изслѣдованіи, очень невелико, и среди нихъ оказалось относительно большое число такихъ, у которыхъ существовала или существуетъ поліандрія. Поэтому вполнѣ понятно, что шотландскій ученый пришелъ къ такому взгляду, который въ дѣйствительности ошибоченъ. Съ другой стороны, абсолютной повторяемости соціальныхъ явленій нѣтъ, и даже тождественныя по существу явленія наблюдаются у разныхъ народовъ въ различныхъ формахъ. Въ виду этого крайне легко ошибиться въ характеристикѣ какого-нибудь явленія и принять его случайные признаки за существенные и, наоборотъ, существенное принять за случайное и второстепенное. Еще легче были ошибки, состоящія въ отождествленіи такихъ явленій, между которыми существуетъ лишь поверхностное сходство, и въ различеніи схожихъ явленій изъ-за несущественныхъ различій. Поучительной иллюстраціей въ данномъ случаѣ можетъ служить вопросъ о кувадѣ, за объясненіе которой брались очень многіе ученые, выдвигавшіе по произволу то одну, то другую сторону явленія и дававшіе сообразно этому самыя разнообразныя объясненія кувады. Въ то время, какъ одни (Бахофенъ, Жиро-Телонъ и др.) обращали главное вниманіе на то, что отецъ послѣ рожденія ребенка ложится въ постель вмѣсто матери, и смотрѣли поэтому на куваду, какъ на подражаніе родамъ, необходимое для установленія

родства между отцомъ и ребенкомъ,—другіе видѣли главную суть явленія въ томъ, что отецъ принимаетъ извѣстныя діэтическія мѣры и т. п., и смотрѣли на куваду, какъ на мѣру, принимаемую въ интересахъ ребенка (Тэйлоръ, Леббокъ); третьи, исходя изъ того, что отецъ ребенка долженъ былъ переносить тѣ или другія страданія, для чего съ его стороны требовалось извѣстное мужество, думали, что въ этомъ-то и заключается вся суть кувады, такъ какъ высказанное отцомъ въ данный моментъ мужество передается будто бы ребенку (Старке); четвертые (Липпертъ, Гельвальдъ) останавливались только на томъ, что отецъ ребенка постится и переноситъ извѣстныя лишенія и страданія, и объясняли куваду, какъ замѣну былого жертвоприношенія первенца, и, наконецъ, пятые (Летурно), видя въ кувадѣ просто странное и бросающееся въ глаза явленіе, считаютъ, что, благодаря своей несуразности и тому, что она привлекала къ себѣ общее вниманіе, кувада закрѣпляла въ памяти всѣхъ фактъ рожденія ребенка отъ даннаго отца, подвергшагося кувадѣ, и замѣняла, такъ сказать, наши метрическія книги.

Помимо всего этого состояніе самой этнографіи сильно измѣнилось за послѣднія десятилѣтія. Съ одной стороны, за это время европейцы впервые познакомились со многими народами, которые раньше были совершенно неизвѣстны. Вспомнимъ хотя бы тотъ фактъ, что внутренность африканскаго материка была изслѣдована только въ этотъ періодъ времени, и тутъ этнографы познакомились съ такими народами, которыхъ до той поры не знали даже и по имени. Съ другой стороны, и это особенно важно, наши свѣдѣнія о знакомыхъ раньше народахъ стали гораздо подробнѣе и точнѣе. Въ прежнія времена приходилось очень часто довольствоваться показаніями путешественниковъ, преслѣдовавшихъ тѣ или другія, только не этнографическія, цѣли. Такіе путешественники иногда находились слишкомъ недолго среди описываемыхъ ими народовъ, иногда же и долго, но не были знакомы съ туземными языками и мало интересовались нравами и бытомъ туземцевъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя такими путешественниками, особенно мореплавателями, часто оказываются прямо невѣрными и въ большинствѣ случаевъ неполными, отрывочными и неточными. Бывали, конечно, и прежде работы иного сорта, т. е. вполнѣ научныя описанія отдѣльныхъ народностей, но ихъ все же было мало. Въ

настоящее время положеніе дѣлъ значительно измѣнилось къ лучшему, и хотя еще цѣлый рядъ племенъ далеко не можетъ быть названъ обстоятельно изслѣдованнымъ въ этнографическомъ отношеніи, зато мы имѣемъ съ каждымъ годомъ все больше и больше вполнѣ научныхъ, точныхъ и подробныхъ этнографическихъ описаній, какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ и болѣе крупныхъ этническихъ группъ. Такимъ образомъ дальнѣйшее развитіе науки не только увеличиваетъ количественно тотъ фактическій матеріалъ, съ которымъ пришлось имѣть дѣло первымъ историкамъ семьи, но и вноситъ въ него иногда очень значительныя поправки, т. е. улучшаетъ его качественно. Въ общемъ этотъ процессъ собиранія, систематизаціи и критической провѣрки нужнаго фактическаго матеріала далеко еще не законченъ и понынѣ; а что сдѣлано все-таки много, въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ, напримѣръ, тотъ запасъ фактовъ, съ которымъ имѣли дѣло, съ одной стороны, Макъ Леннанъ или Леббокъ, а съ другой—Вестермаркъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ одну несомнѣнную причину неудачъ, которыми до сихъ поръ сопровождались всѣ попытки изобразить исторію семьи, а именно недостаточность, несистематизированность, а иногда и недостовѣрность фактическихъ данныхъ. Но можно ли все объяснить одной этой причиной? На этотъ вопросъ большинство современныхъ изслѣдователей даютъ отрицательный отвѣтъ и, упрекая своихъ предшественниковъ въ пользованіи ненаучными методами, стараются найти такіе пріемы изслѣдованія, которыми обезпечились бы болѣе достовѣрные выводы.

Что многіе изъ трудовъ по исторіи семьи страдаютъ крупными методологическими недостатками, въ этомъ легко убѣдиться однимъ двумя примѣрами. Возьмемъ хотя-бы теорію Леббока. Какъ извѣстно, она состоитъ въ томъ, что первоначальнымъ состояніемъ человѣчества былъ общинный бракъ, когда женщины принадлежали всему племени, и ни одинъ мужчина не могъ предъявить исключительныхъ притязаній ни на одну женщину, не нарушая этимъ правъ всего племени. Женщины, захваченныя на войнѣ, находились въ особыхъ условіяхъ; на нихъ не распространялись права племени, въ которое онѣ попадали, и онѣ всецѣло принадлежали захватившему ихъ мужчинѣ, который могъ ихъ убить, могъ и оставить въ живыхъ для своего исключительнаго пользованія. Такимъ образомъ индивидуальный бракъ могъ существовать только съ захва-

ченными женщинами, и переходъ отъ общиннаго брака къ современнымъ формамъ семьи совершился чрезъ посредство хищническаго брака и экзогаміи. Если мы обратимся къ фактамъ, на которыхъ Леббокъ основываетъ свою теорію, то, оставляя, конечно, въ сторонѣ вопросъ объ убѣдительности этихъ фактовъ, увидимъ, что они доказываютъ только существованіе общиннаго брака, хищническаго брака и экзогаміи. Та же связь которая предполагается Леббокомъ между этими явленіями, и даваемое имъ объясненіе совершенно независимы отъ этихъ фактовъ. Въ данномъ случаѣ Леббокъ стоитъ не на почвѣ фактовъ, а на почвѣ общихъ соображеній и догадокъ; въ своихъ объясненіяхъ онъ отрѣшается отъ конкретной дѣйствительности, беретъ общинный бракъ, экзогамію и т. д, какъ простыя абстракціи, и начинаетъ доискиваться „отъ ума" какая можетъ между ними существовать связь. Число приводимыхъ въ книгѣ фактовъ могло бы по произволу быть уменьшено или увеличено въ нѣсколько разъ, но достоинства *теоріи* автора отъ этого ничего ни выиграли бы, ни проиграли. Конечно, нельзя отказать въ извѣстномъ остроуміи и логичности объясненію Леббока, но тѣмъ не менѣе въ научномъ отношеніи оно стóитъ очень немного, такъ какъ указанное отношеніе между явленіями предполагается не на основаніи точныхъ фактическихъ данныхъ, а безъ всякихъ основаній; оно свободно отъ всякихъ доказательствъ и является просто *логически возможнымъ*, и только. Но логически возможныхъ объясненій тѣхъ или другихъ явленій можно придумать сколько угодно, и было бы очень грустно, если бы приходилось довольствоваться только ими, такъ какъ это значило бы обречь себя на совершенно безплодную работу. Остроуміе и логичность выкладокъ надъ абстрактными понятіями слишкомъ ненадежные руководители въ историческомъ изслѣдованіи, и все возможное еще далеко не дѣйствительное. Одинъ изъ позднѣйшихъ авторовъ— Каутскій перевернулъ всю схему Леббока и объявилъ, что не общинный бракъ путемъ экзогаміи и хищническаго брака перешелъ въ индивидуальный, а наоборотъ, первоначальная моногамія путемъ той же экзогаміи и хищническаго брака привела къ общинному браку. Въ объясненіяхъ Каутскаго, правда, мало даже логически возможнаго, но существуетъ много объясненій, которыя съ формально-логической стороны являются безупречными или во всякомъ случаѣ не ниже объясненія Леббока. Спенсеръ, напримѣръ, объясняетъ экзо-

гамію и хищническій бракъ тѣмъ, что бракъ съ захваченной на войнѣ женщиной, доставляя все то же, что и мирный бракъ съ женщиной своего племени, имѣетъ въ сравненіи съ нимъ и преимущество, такъ какъ служитъ въ то же время и трофеемъ, доказательствомъ воинской доблести. Поэтому онъ становится болѣе предпочтительнымъ, и у особенно воинственныхъ народовъ это могло повести къ тому, что въ пользу насильственнаго экзогамнаго брака выросло сильное предубѣжденіе, и всякій иной бракъ сталъ невозможнымъ. Если мы сравнимъ теоріи Леббока и Спенсера, то будемъ въ большомъ затрудненіи, какой изъ нихъ отдать предпочтеніе: обѣ онѣ одинаково стройны и логичны, но зато, какъ и оказалось впослѣдствіи, обѣ одинаково несостоятельны.

Другимъ примѣромъ можетъ служить Макъ Леннанъ, у котораго намъ еще легче различать факты, доказывающіе существованіе извѣстныхъ явленій, и совершенно независимые отъ какихъ бы то ни было фактовъ объясненія. На материнское право онъ смотритъ, какъ на результатъ недостовѣрности происхожденія ребенка со стороны отца и безпорядочности полового смѣшенія, но мотивируетъ свое объясненіе исключительно невозможностью никакого другого. Подобнымъ же образомъ онъ поступаетъ и съ поліандріей, причина которой, по его мнѣнію, вызванный истребленіемъ дѣвочекъ недостатокъ въ женщинахъ. Макъ Леннанъ не только ни разу не указалъ въ данномъ случаѣ сосуществованія причины и слѣдствія, но самъ же сознается, что всѣ извѣстные случаи убійства дѣвочекъ относятся къ позднѣйшимъ эпохамъ, когда они отнюдь не производятъ тѣхъ же результатовъ, что и раньше [1]). Такимъ образомъ и свое объясненіе поліандріи Макъ Леннанъ могъ бы мотивировать только его большей логичностью въ сравненіи съ другими. Но, не говоря уже про то, что другія возможныя и указывавшіяся въ печати объясненія поліандріи тоже иногда являются логичными, и даже очень, между разсматриваемыми Макъ Леннаномъ явленіями могла существовать и какъ разъ обратная связь. Конечно, истребленіе дѣвочекъ и недостатокъ въ женщинахъ могъ привести къ поліандріи, но зато поліандрія, дѣлая излишнимъ большое количество женщинъ, могла вызвать убійство дѣвочекъ. Логически возможна и та и другая связь между явленіями; какая же изъ

---

[1]) *Mac Lennan*, Studies... Primitive marriage, p. 210.

этихъ связей существовала въ дѣйствительности, да и существовала ли хоть одна изъ нихъ,—за разрѣшеніемъ этого вопроса мы должны обратиться къ какому-нибудь другому источнику, а не къ Макъ Леннану, который даже и не ставитъ этихъ вопросовъ и не даетъ никакого матеріала для отвѣта на нихъ.

Еще дальше, чѣмъ Макъ Леннанъ или Леббокъ, заходитъ Морганъ. Первые, по крайней мѣрѣ, стараются имѣть дѣло съ такими явленіями, существованіе которыхъ можно доказывать непосредственными фактическими указаніями; Морганъ же не стѣсняется и этимъ. Обративъ свое вниманіе на номенклатуру родственныхъ отношеній у нѣкоторыхъ народовъ, онъ рѣшилъ, что единственнымъ возможнымъ объясненіемъ ея является существованіе въ прошломъ опредѣленныхъ формъ семьи и брака. Этого ему было достаточно, чтобы дать подробную и детально разработанную исторію семьи, начиная съ самыхъ раннихъ временъ. Факты другого рода у него совершенно отсутствуютъ, и системы родства являются его *единственнымъ* аргументомъ. Вся даваемая имъ исторія семьи есть не что иное, какъ единственное логически возможное объясненіе системъ родства. Этимъ объясняется то обстоятельство, что, на-ряду чуть не съ восторженнымъ отношеніемъ къ Моргану нѣкоторыхъ ученыхъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ и такихъ, которые или прямо умалчиваютъ въ своихъ работахъ про Моргана, или упоминаютъ его только съ цѣлью заявить, что они не находятъ нужнымъ считаться съ его взглядами. Дѣйствительно, если допустить возможность иного объясненія системы родства или даже просто признать въ объясненіи Моргана извѣстныя логическія погрѣшности, то отъ всей его исторіи семьи ровно ничего не останется.

Было бы, конечно, слишкомъ смѣло сказать, что всѣ болѣе раннія работы по исторіи семьи состоятъ изъ однихъ произвольныхъ и ни на чемъ не обоснованныхъ положеній, но во всякомъ случаѣ произвольностью грѣшатъ очень часто чуть-ли не всѣ историки семьи. Оцѣнка отдѣльныхъ писателей будетъ въ этомъ отношеніи, конечно, не одинакова, но разница между ними—лишь разница въ степени. Впрочемъ, давно уже сказано, что критика легка, а искусство трудно, и этотъ афоризмъ какъ нельзя болѣе приложимъ къ работамъ по исторіи семьи. Если принять во вниманіе всю сложность задачи и огромную массу фактовъ, съ которыми

необходимо имѣть дѣло историку семьи, то въ значительной степени находятъ себѣ если не оправданіе, то, по крайней мѣрѣ, объясненіе всѣ отдѣльные промахи и произвольныя утвержденія. Въ массѣ этнографическихъ фактовъ весьма легко запутаться; страшно не только количество ихъ, а и ихъ разнообразіе и зачастую взаимная противорѣчивость. Большинство новѣйшихъ изслѣдователей предлагаетъ заранѣе обзавестись какой-нибудь путеводною нитью, чтобы избавиться отъ ошибокъ предшественниковъ; къ обзору предлагаемыхъ съ этою цѣлью средствъ мы и перейдемъ теперь.

II.

Самый простой способъ не запутаться въ массѣ фактовъ—это стать на готовую уже точку зрѣнія и освѣщать уже даннымъ принципомъ разрозненные факты. Такой путь, конечно, самый легкій, но противъ него говоритъ то обстоятельство, что выборъ той или иной точки зрѣнія всегда подлежитъ оспариванію. Необходимо имѣть сложившуюся теорію для того, чтобы ею пользоваться, а современное положеніе соціологіи таково, что даже самые общіе принципы въ ней недостаточно установлены. Поэтому, какимъ бы руководящимъ принципомъ мы ни вздумали воспользоваться, противъ него всегда могутъ быть сдѣланы тѣ или другія возраженія. Помимо этого, данный путь, легкій въ теоріи, на практикѣ встрѣчаетъ большія затрудненія, такъ какъ далеко не всегда легко приложить какой-нибудь общій принципъ къ конкретной дѣйствительности.

Для иллюстраціи этого мы остановимся на Вестермаркѣ, который въ значительной степени слѣдовалъ указанному пути. Выбрали мы именно Вестермарка на томъ основаніи, что всѣ недостатки этого автора являются, такъ сказать, не его личными, а присущи его научному методу. Въ самомъ дѣлѣ, точка зрѣнія его, хотя и вызываетъ противъ себя тѣ или другія возраженія, но во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ любая другая, такъ какъ естественный отборъ, которымъ онъ думаетъ объяснить всю исторію семьи, весьма возможно, игралъ нѣкоторую роль въ данномъ случаѣ; далѣе, въ его книгѣ собранъ громадный фактическій матеріалъ, и изъ-за предвзятой идеи онъ не забываетъ и не искажаетъ дѣйствительности; какъ этими фактами, такъ и своими руководящими

принципами онъ пользуется въ достаточной степени умѣло и осторожно и далекъ отъ тѣхъ крайностей, къ которымъ приходили нѣкоторые изъ его предшественниковъ, старавшихся связать дарвинизмъ и соціологію. Если же при всей своей эрудиціи и несомнѣнной талантливости авторъ приходитъ порою къ очень рискованнымъ выводамъ, то виной этому именно неправильность избраннаго имъ метода.

Одной изъ оригинальныхъ идей книги Вестермарка является признаніе существованія у людей въ древности сезона парованія [1]). Основаніемъ для такого вывода послужили факты двоякаго рода: во-первыхъ, повышеніе полового инстинкта въ извѣстныя времена года, какъ у дикарей, такъ и у цивилизованныхъ народовъ; во-вторыхъ, увеличеніе числа рожденій въ опредѣленные мѣсяцы. Такъ какъ факты, собранные авторомъ, носятъ болѣе или менѣе случайный и отрывочный характеръ и, что самое главное, зачастую допускаютъ возможность иного объясненія, то ихъ было бы, конечно, недостаточно, если бы на помощь не пришло соображеніе о выгодности сезонности парованія съ точки зрѣнія естественнаго отбора. Выгодность эту Вестермаркъ усматриваетъ въ томъ, что сезонность парованія обезпечиваетъ рожденіе дѣтей въ наиболѣе удобное время, т. е. болѣе богатое пищей или съ болѣе теплой температурой. Существованія этой выгодной стороны, разумѣется, нельзя отрицать, но изъ-за нея не надо забывать и невыгодныхъ сторонъ, вліяніе которыхъ должно было быть особенно значительнымъ для человѣка. При сезонности парованія отнимается возможность замѣстить раньше опредѣленнаго срока погибшаго дѣтеныша, и чѣмъ слабѣе плодовитость животнаго, какъ у человѣка, тѣмъ эта опасность серьезнѣе. Съ другой стороны, помимо даже того, что самый грубый дикарь все же менѣе зависитъ отъ перемѣны временъ года, чѣмъ другое животное, для человѣка сезонность парованія не могла имѣть такого значенія, какъ для животныхъ, еще и потому, что младенчество у человѣка продолжается не мѣсяцы, а больше года. Когда бы ни родился ребенокъ, ему все равно придется прожить безпомощнымъ и слабымъ и весну, и осень, и лѣто, и зиму. Когда бы онъ ни родился, его

---

[1]) *E. Westermarck.* The history of human marriage, 2 ed. 1894, chapter II. „A human pairing season in primitive times“, pp. 25—38.

все равно можно отнять отъ материнской груди въ то или другое опредѣленное время года, если это требуется, такъ какъ продолжительность кормленія грудью всегда длится больше года. Поэтому выгодныя стороны отъ сезонности парованія для человѣка меньше, невыгодныя больше, и въ концѣ-концовъ очень затруднительно сказать, что же, въ дѣйствительности, выгодна ли была бы для человѣчества въ прошломъ сезонность парованія, или нѣтъ? Вестермаркъ рѣшаетъ вопросъ въ извѣстномъ смыслѣ, но не потому, чтобы за это рѣшеніе говорили какія-нибудь фактическія данныя, а просто въ силу своего уже готоваго принципа. Факты ничего не говорятъ противъ такого рѣшенія, но они ничего не говорятъ и за него, и само рѣшеніе является апріорнымъ и произвольнымъ.

Другой примѣръ—экзогамія [1]). Вестермаркъ очень тщательно разсматриваетъ вопросъ о вредныхъ послѣдствіяхъ отъ кровосмѣшенія и рѣшаетъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, но съ очень серьезными оговорками. Дурныя послѣдствія кровосмѣшенія могутъ ослабляться особо благопріятными условіями и совсѣмъ уничтожаться даже самой слабой примѣсью чужой крови. Несмотря на эти оговорки, онъ все же объясняетъ экзогамію, какъ выгодное съ точки зрѣнія естественнаго отбора запрещеніе супружескихъ связей между родственниками. Опять таки и тутъ мы имѣемъ дѣло съ произвольнымъ и весьма спорнымъ утвержденіемъ.

Значеніе экзогаміи приходится нѣсколько ограничить; отсутствіе ея не равнозначаще тому, чтобы браки совершались непремѣнно между родственниками; болѣе или менѣе часто браки съ женщинами чужой группы имѣютъ мѣсто и у такихъ народовъ, которые не знаютъ экзогаміи. Этого не можетъ оспаривать никто и тѣмъ болѣе Вестермаркъ, по мнѣнію котораго лишь инстинктивно и *постепенно* вырабатывается предпочтеніе въ пользу браковъ съ иноплеменницами, завершающееся экзогаміей. Для того, чтобы выработалось постепенно такое предпочтеніе, необходимо, чтобы браки съ чужеплеменницами происходили болѣе или менѣе постоянно. Примѣсь чужой крови, слѣдовательно, была всегда и не въ малыхъ размѣрахъ. Кромѣ того, экзогамія, будучи въ большинствѣ случаевъ односторонней, т. е. запрещающей браки только по муж-

---

[1]) Ibid., ch. XIV и XV. „Prohibition of marriage between kindred“, pp. 290—355.

ской или по женской линіи родства, лишь отчасти ограничиваетъ кровосмѣсительные союзы, но отнюдь не уничтожаетъ ихъ совсѣмъ. Съ другой стороны, экзогамія имѣетъ несомнѣнно и дурныя стороны, дурныя съ точки зрѣнія естественнаго отбора. Добыть себѣ въ жены женщину чужой группы—дѣло нелегкое; самъ Вестермаркъ признаетъ, что экзогамія создала бракъ захватомъ [1]), а захватъ можетъ удаться, а можетъ и не удаться. Не говоря уже про то, что при попыткѣ захватить женщину можно поплатиться жизнью или, по крайней мѣрѣ, здоровьемъ, приходится иногда подолгу выжидать удобнаго случая, чтобы совершить похищеніе, т. е. откладывать бракъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. При болѣе мирномъ способѣ заключенія экзогамныхъ браковъ тоже иногда приходится долго ждать, чтобы имѣть возможность уплатить за невѣсту требуемую сумму. Запоздалые браки и рискованіе жизнью, во всякомъ случаѣ, невыгодны съ точки зрѣнія естественнаго отбора, а между тѣмъ это вполнѣ возможныя послѣдствія экзогаміи. Слѣдовательно, намъ опять приходится рѣшать вопросъ о томъ, какія же стороны перевѣшивали въ экзогаміи, дурныя или хорошія, и по произволу соглашаться или не соглашаться съ авторомъ.

Впрочемъ не совсѣмъ по произволу. Если даже согласиться съ Вестермаркомъ относительно дурныхъ послѣдствій кровосмѣшенія, то все же трудно видѣть въ нихъ причину экзогаміи, и ограниченіе ихъ можно разсматривать скорѣе какъ второстепенный, хотя, можетъ быть, и важный результатъ экзогаміи. Для объясненія ея *возникновенія* мы во всякомъ случаѣ должны предположить существованіе другихъ причинъ общаго характера, разъ мы признаемъ вмѣстѣ съ Вестермаркомъ, что такими причинами не могло быть полное пониманіе послѣдствій кровосмѣшенія и сознательное желаніе избѣжать ихъ. Ссылка на инстинктъ, конечно, ничего не говоритъ, такъ какъ причинность обязательна и для инстинкта, а экзогамія слишкомъ распространенное явленіе, чтобы можно было допустить для объясненія ея возникновенія случайныя причины. Нѣтъ, эти причины необходимо должны быть общаго характера, и только зная эти причины, мы могли бы оцѣнить ту роль, которую играло въ исторіи экзогаміи то обстоятельство, что она

[1]) Ibid., p 389.

ограничивала супружескіе союзы между родственниками. Поэтому приложенію точки зрѣнія естественнаго отбора въ данномъ случаѣ должно было предшествовать независимое отъ этой точки зрѣнія детальное выясненіе и объясненіе явленія.

Относительно экзогаміи мы имѣли возможность заподозрить объясненіе Вестермарка и допустить его невѣрность, даже не обращаясь къ анализу фактовъ, а руководствуясь одними общими соображеніями; но вѣдь могутъ быть такія положенія, когда общія соображенія ничего не будутъ говорить противъ даннаго объясненія. Какое-нибудь явленіе можетъ быть безусловно выгоднымъ съ точки зрѣнія естественнаго отбора, но это еще не значитъ, что мы имѣемъ здѣсь его объясненіе. Оно могло возникнуть въ силу какихъ-нибудь другихъ причинъ, а его выгодность могла быть лишь второстепеннымъ результатомъ, хотя и усиливающимъ дѣйствіе главныхъ причинъ. Помочь выясненію дѣла можетъ только строгій анализъ фактовъ, которому предвзятая идея не только не пособляетъ, но, наоборотъ, скорѣе вредитъ, такъ какъ подталкиваетъ брать возможныя рѣшенія вопроса за дѣйствительныя.

Чѣмъ для Вестермарка служитъ біологія и теорія естественнаго отбора, то же самое представляетъ для Муке [1]) психологія. Она является для него высшей инстанціей и рѣшаетъ для него вопросъ о воможности того или другого явленія у первобытнаго человѣка; даже больше того, она помогаетъ ему конструировать всю схему развитія семьи. Теоретически говоря, противъ метода Муке мало можно сдѣлать возраженій. Каково бы ни было значеніе психологіи, какъ самостоятельнаго историческаго фактора, она во всякомъ случаѣ придаетъ характеръ цѣлостности и постепенности человѣческому развитію и служитъ связующимъ элементомъ, какъ между различными ступенями послѣдовательнаго развитія, такъ и между различными сторонами жизни въ каждый данный моментъ. Поэтому, руководствуясь психологіей, можно было бы различить болѣе раннія и болѣе позднія явленія и даже уяснить ихъ значеніе, сопоставляя ихъ съ психологіей того народа, у котораго существуетъ данное явленіе. Но все это возможно только въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, на практикѣ же такой путь со-

---

[1]) *J. R. Mucke.* Horde rnd Familie. 1895.

вершенно невозможенъ. Какъ, дѣйствительно, опредѣлить тотъ уровень психическаго развитія, который предполагаетъ данное явленіе, и какъ, съ другой стороны, формулировать психологію первобытнаго человѣка? Муке рѣшаетъ только послѣдній вопросъ, и рѣшаетъ, надо признаться, очень смѣло. Но хотя и говорятъ, что смѣлость города беретъ, въ наукѣ все же, кромѣ нея, требуются и еще коекакія качества, которыхъ не оказалось у автора. Онъ ограничился чисто апріорнымъ построеніемъ первобытной психологіи, приписывая ей одни пространственныя представленія, какъ наиболѣе элементарныя, и съ помощью ихъ пускается истолковывать древнѣйшія формы семьи и родства. Мы, конечно, не знаемъ, существовалъ ли когда-нибудь зоологическій предокъ человѣка, одаренный лишь пространственными представленіями, но этотъ вопросъ и не имѣетъ для насъ никакого значенія. Поскольку мы знаемъ дѣйствительно человѣка, для него доступны гораздо болѣе сложные психическіе акты, и приписывать ему одни пространственныя представленія можно только въ томъ случаѣ, если апріорнымъ умствованіямъ придавать такое значеніе, которое дѣлаетъ излишнимъ всякое фактическое наблюденіе. Оригинально возраженіе Муке противъ теоріи безпорядочнаго смѣшенія половъ; это возраженіе состоитъ въ томъ, что изъ безпорядка не могло выработаться представленіе порядка. Это у нашего автора называется „экспериментальной“ психологіей и „статистическимъ“ методомъ. Вообще книга Муке самая претенціозная и въ то же время самая несуразная изъ всѣхъ написанныхъ объ исторіи семьи. Эпиграфомъ ея служитъ старинный афоризмъ: „Nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu“, но можно сказать, что если противъ этого положенія было когда-нибудь серьезное возраженіе, такъ имъ служитъ именно настоящая книга дерптскаго профессора. Откуда онъ взялъ всю свою замысловатую схему развитія семьи,—этого, вѣроятно, и Аллахъ не вѣдаетъ, но можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что „sensus“ тутъ ровно ни при чемъ.

III.

Очень многіе ученые возлагаютъ большія надежды на правило разсматривать отдѣльныя явленія исторіи семьи только въ связи съ общимъ характеромъ культуры даннаго народа. Въ зачаточномъ видѣ это правило можно найти уже у Макъ Леннана, въ его кри-

тикѣ лebбоковской теоріи „общиннаго брака", гдѣ онъ упрекаетъ Леббока въ томъ, что тотъ усматриваетъ слѣды общиннаго брака въ Аѳинахъ изъ высокаго положенія, занимаемаго тамъ гетерами въ эпоху Перикла. По мнѣнію Макъ Леннана, это равносильно тому, чтобы искать общиннаго брака въ современномъ Парижѣ или Лондонѣ [1]). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 441) онъ указываетъ на то, что явленія фаллическаго культа въ Индіи встрѣчаются только у болѣе развитыхъ народовъ, и притомъ тѣмъ чаще, чѣмъ больше подвигается впередъ исторія; въ силу этого и данныя явленія, по его мнѣнію, не могутъ быть поставлены на счетъ первобытнаго общиннаго брака. Эти замѣчанія Макъ Леннана, безспорно, вѣрны, и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ необходимости изучать семью въ связи съ общей культурой. Не говоря уже про то, что это необходимо для *пониманія* исторіи семьи, такъ какъ понять какое-нибудь явленіе можно, только зная условія, при которыхъ оно возникло,—безъ этого крайне трудно установить самую фактическую сторону исторіи семьи. Игнорируя такое правило, постоянно рискуешь отождествить явленія, имѣющія между собой лишь случайное, внѣшнее сходство, и повторить такимъ образомъ ошибку Леббока. Возникая при совершенно различной культурной обстановкѣ, институты могутъ имѣть нѣкоторыя общія черты между собою, и въ то же время быть глубоко различными по своей сущности. Было бы, напримѣръ, совершенно невѣрно судить по современному русскому общинному землевладѣнію объ этомъ институтѣ въ первобытныя эпохи, и однако подобныя ошибки встрѣчаются нерѣдко.

Какъ ни справедливо вышеприведенное правило, въ немъ содержится, однако, одинъ существенный недостатокъ: оно слишкомъ элементарно и обще. Конечно, не трудно убѣдиться въ невозможности переносить на первобытный строй черты русской общины, или видѣть остатокъ первобытныхъ отношеній въ положеніи аѳинскихъ гетеръ; но если отбросить въ сторону такіе рѣзкіе примѣры, дѣло обстоитъ не совсѣмъ просто, и задача разсматривать явленія исторіи семьи въ связи съ общей культурой оказывается не изъ легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, культура каждаго народа сама по себѣ очень сложна и состоитъ изъ

---

[1]) *Mac. Lennan.* Studies in ancient history.—Communal marriage, p. 443.

многихъ элементовъ, и со всѣми ими мы должны сопоставлять явленія семьи, а кромѣ того связь, которая можетъ существовать между семьей и общей культурой, не всегда одинакова. Иногда мы наблюдаемъ какой-нибудь институтъ именно въ той обстановкѣ, въ которой онъ и возникъ, иногда же, наоборотъ, онъ сохраняется въ видѣ переживанія среди чуждыхъ ему новыхъ условій. Для того, чтобы указанное правило могло имѣть большее практическое значеніе, необходимо придать ему болѣе точный и ограниченный смыслъ, что и дѣлаютъ въ своихъ работахъ Гильдебрандъ и Гроссе [1]).

И Гильдебрандъ и Гроссе—оба принадлежатъ къ числу экономическихъ матеріалистовъ, но въ то же время сильно разнятся отъ болѣе раннихъ авторовъ, пытавшихся объяснить исторію семьи съ экономической точки зрѣнія. Тогда какъ для Энгельса, Каутскаго и Зибера задача сводилась къ истолкованію уже готовой схемы исторіи семьи, т. е. къ тому, чтобы подыскать экономическія объясненія уже установленнымъ явленіямъ, Гроссе и Гильдебрандъ идутъ дальше и стараются реконструировать самую фактическую исторію семьи, руководствуясь своими общими соціологическими воззрѣніями и кладя ихъ въ основу особаго метода. На первый взглядъ между обоими этими авторами много общаго: оба они изучаютъ исторію семьи внутри извѣстныхъ группъ, при чемъ въ основу дѣленія положены одни лишь хозяйственные признаки; но въ то же время между ними есть и очень существенная разница. Гильдебрандъ вѣритъ въ единообразіе человѣческаго рода и ставитъ себѣ цѣлью изучить генетическую послѣдовательность отдѣльныхъ институтовъ и дать исторію развитія семьи. Гроссе же, наоборотъ, настаиваетъ на томъ, что человѣчество всюду шло своими путями, и дать исторію развитія семьи, по его мнѣнію, невыполнимая задача, такъ какъ невозможно ставить всѣ явленія исторіи семьи въ одинъ рядъ развитія. Это различіе весьма существенно именно по отношенію къ тому методу, на выборѣ котораго сошлись оба автора.

Если бы можно было допустить одинаковость развитія всѣхъ

---

[1]) *R. Hildebrand.* Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. 1896.—Idem. Эволюція права и нравовъ (Научн. Обозр. 1898 г. 2) *E. Grosse.* Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft. 1896.

человѣческихъ племенъ, то этимъ самымъ въ высшей степени упрощалось бы изученіе исторіи семьи. Тогда стоило бы только размѣстить всѣ тѣ формы семьи, которыя мы констатируемъ у отдѣльныхъ племенъ, въ одинъ хронологическій рядъ развитія, и добрая половина дѣла была бы сдѣлана; по крайней мѣрѣ, схема развитія, послѣдовательность отдѣльныхъ формъ была бы установлена, и оставалось бы только выяснить причины, вызывавшія тѣ или другія измѣненія. Какой именно признакъ взять для опредѣленія мѣста, которое нужно отвести данному народу въ единомъ ряду развитія,—это по существу все равно, но изъ практическихъ соображеній пришлось бы остановиться именно на хозяйственномъ или техническомъ признакѣ, какъ это и дѣлаетъ Гильдебрандъ, и отчасти по тѣмъ же самымъ основаніямъ, что у него. Въ самомъ дѣлѣ, хозяйственный признакъ имѣетъ на своей сторонѣ то важное преимущество, что сравнительная высота той или другой хозяйственной формы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ то время какъ, напримѣръ, религіозныя вѣрованія или политическіе институты подлежатъ, a priori, лишь субъективной оцѣнкѣ,—хозяйственныя формы находятся въ совсѣмъ иномъ положеніи. Мы знаемъ, что хозяйственная жизнь имѣетъ цѣлью удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, и съ полной объективностью говоримъ, что, разъ эти потребности удовлетворяются лучше, то соотвѣтственная хозяйственная форма является высшей и позднѣйшей, если... если только располагать всѣ формы въ одинъ рядъ развитія. Распредѣливъ всѣ народы въ этотъ рядъ по одному хозяйственному признаку, мы тѣмъ самымъ распредѣляемъ ихъ и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, такъ какъ единообразіе развитія человѣчества возможно только при условіи полнаго параллелизма въ развитіи различныхъ сторонъ жизни. Поэтому съ своей точки зрѣнія Гильдебрандъ былъ вполнѣ правъ, изучая семью въ томъ видѣ, какъ она существуетъ на различныхъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія, и его методъ подлежитъ возраженіямъ только постольку, поскольку можно спорить противъ основной его предпосылки, противъ единообразія развитія всѣхъ племенъ и народовъ.

Апріорное рѣшеніе этого послѣдняго вопроса намъ кажется совершено невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, сходство въ общихъ чертахъ физической организаціи человѣка, независимо отъ расы,

къ которой онъ принадлежитъ, основныхъ его потребностей и наиболѣе общихъ духовныхъ способностей, не подлежитъ никакому сомнѣнію и даетъ основаніе надеждѣ найти нѣкоторыя черты сходства въ развитіи отдѣльныхъ племенъ. Но въ то же время среда и внѣшнія условія, въ которыхъ приходится дѣйствовать человѣку, чрезвычайно разнообразны и говорятъ, что безусловнаго тождества въ развитіи народовъ не можетъ быть. Такимъ образомъ апріорныя соображенія допускаютъ только возможность *нѣкотораго* сходства, но велико ли оно, или, наоборотъ, настолько ничтожно, что о немъ не стоитъ и упоминать,—это такой вопросъ, на который могутъ отвѣтить только фактическія изслѣдованія, а никакъ не общія соображенія. Если прибѣгнуть къ поверхностному обзору фактовъ, то и этого оказывается недостаточнымъ, такъ какъ отдѣльныхъ аргументовъ можно набрать не мало и за, и противъ теоріи единообразія. Съ одной стороны, мы наталкиваемся на такія сходства въ мелочахъ, въ подробностяхъ какой-нибудь церемоніи или обряда, что готовы вполнѣ согласиться съ итальянской пословицей: „весь міръ есть одна страна", или съ отзывомъ испанскаго губернатора по поводу индѣйскихъ церемоній при чиханіи: „весь міръ одинаковъ" [1]). Съ другой, всѣ попытки хронологическаго распредѣленія даже наиболѣе главныхъ явленій оканчивались до сихъ поръ неудачей и встрѣчаютъ на своемъ пути непреодолимыя трудности. Къ какимъ ухищреніямъ приходится прибѣгать сторонникамъ теоріи единообразія, разъ они переходятъ отъ общихъ замѣчаній къ дѣйствительнымъ фактамъ, можно судить по Моргану, который, въ виду отсутствія у полинезійцевъ рода, ставитъ ихъ ниже австралійцевъ, а всю Африку совсѣмъ выкидываетъ изъ своего изслѣдованія на томъ основаніи, что тамъ только одна путаница и смѣшеніе различныхъ формъ [2]). Нечего и говорить, что въ дѣйствительности виновата, конечно, не Африка, а схема Моргана, подъ которую нельзя подвести африканскіе народы; но и всѣмъ другимъ берущимся за подобную задачу приходится считаться съ дилеммой: отказаться отъ своей схемы и теоріи, или же искажать дѣйствительность. Обыкновенно сторонники такихъ взглядовъ формулируютъ ихъ приблизительно такъ:

---

[1]) *Тэйлоръ*. Первобытная культура. Изд. 2-е. Т. I, стр. 5 и 90.
[2]) *Morgan*. Die Urgesellschaft. S. 316—317, 14, 313.

въ главномъ человѣчество шло всюду одними и тѣми же путями, но въ деталяхъ развитія есть между отдѣльными народами и различія, обусловленныя мѣстными условіями. Такая формулировка, въ сущности говоря, ничего собою не выражаетъ, потому что построена на игрѣ словами „главное" и „второстепенное", не заключающими въ себѣ никакого сколько-нибудь точнаго содержанія; она вполнѣ равносильна другой формулировкѣ: въ развитіи человѣческихъ племенъ есть нѣкоторое сходство, но есть и нѣкоторыя различія. И та и другая формула, конечно, попросту—пустое мѣсто, съ которымъ изслѣдователю нечего дѣлать: сколько-нибудь точное рѣшеніе вопроса о степени и характерѣ сходства въ развитіи отдѣльныхъ племенъ можетъ быть дано только послѣ фактическаго изслѣдованія. До такого же изслѣдованія самое лучшее придерживаться взглядовъ тѣхъ ученыхъ, которые думаютъ, что человѣчество всюду шло своими особыми путями. Такое рѣшеніе, принимаемое и Гроссе, разумѣется, слишкомъ категорично и односторонне; будущее, по всей вѣроятности, внесетъ въ него извѣстныя поправки, но пока, какъ *методологическій* пріемъ, оно имѣетъ за себя всѣ данныя, такъ какъ представляетъ собою не что иное, какъ отказъ отъ готовыхъ, апріорныхъ теорій по данному вопросу. Что касается въ частности до Гильдебранда, то онъ раздѣляетъ всѣ племена на охотниковъ, скотоводовъ и земледѣльцевъ и устанавливаетъ генетическую связь между охотой, пастушествомъ и земледѣліемъ. Какъ извѣсто, въ былыя времена такое мнѣніе было въ большомъ ходу, но теперь ни одинъ серьезный изслѣдователь не станетъ на немъ настаивать.

Гроссе разсматриваетъ семью внутри извѣстныхъ типовъ хозяйственной организаціи общества, между которыми, по его мнѣнію, нѣтъ генетической связи; въ этомъ его отличіе отъ Гильдебранда, отличіе, дѣлающее произвольнымъ методъ, которому онъ слѣдуетъ. Во-первыхъ, предпосылка о преобладающей роли экономическаго фактора получаетъ у Гроссе несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ у Гильдебранда, а противъ этой предпосылки можно сдѣлать очень вѣскія возраженія. Во всякомъ случаѣ она не можетъ быть названа общепринятой въ наукѣ, и потому лучше было бы, если бы можно было обойтись безъ нея. Во-вторыхъ, даже ставъ на точку зрѣнія Гроссе, мы мало подвинемся впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть экономическія условія обуслов-

ливаютъ ходъ развитія всѣхъ другихъ сторонъ жизни и въ томъ числѣ и семьи; въ такомъ случаѣ, спрашивается, какимъ именно различіямъ въ хозяйственной жизни будутъ соотвѣтствовать тѣ или другія различія въ семьѣ у отдѣльныхъ народовъ, или, иными словами, какъ мы будемъ группировать народы по ихъ хозяйственной жизни? Гроссе даетъ пять типовъ: низшихъ и высшихъ охотниковъ, скотоводовъ, низшихъ и высшихъ земледѣльцевъ; но онъ свободно могъ бы дать и большее, и меньшее число типовъ и былъ бы одинаково правъ или неправъ, потому что его дѣленіе является произвольнымъ и приблизительнымъ. И въ жизни охотника, и въ жизни скотовода, есть конечно, общіе элементы, и точно такъ же въ жизни отдѣльныхъ скотоводческихъ племенъ существуютъ крупныя различія. Почему мы должны игнорировать извѣстныя различія и придавать значеніе другимъ,—на этотъ вопросъ трудно дать какой-нибудь опредѣленный отвѣтъ. Тутъ даже нельзя сослаться на то, что такія-то различія важнѣе, чѣмъ другія. Положимъ, что дѣйствительно разница между скотоводомъ-кафромъ и земледѣльцемъ-негромъ больше и важнѣе разницы между осѣдлымъ кафромъ и кочевникомъ-самоѣдомъ, которые оба занимаются скотоводствомъ,—изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы семья кафра и самоѣда представляла больше чертъ сходства, чѣмъ семья кафра и негра. Пока вѣдь неизвѣстна *въ подробностяхъ* связь между семьей и хозяйствомъ, и неизвѣстно также, какія различія въ хозяйственной жизни обусловливаютъ собою различія въ семьѣ. Вѣдь даже небольшое измѣненіе въ хозяйствѣ можетъ вызвать значительныя перемѣны въ семьѣ, такъ какъ иной разъ и этого небольшого измѣненія можетъ быть достаточнымъ для того, чтобы семья перестала соотвѣтствовать новому хозяйственному строю, а, съ другой стороны, даже полный переворотъ въ хозяйствѣ не обязательно долженъ отражаться на семьѣ, которая можетъ вполнѣ соотвѣтствовать и новымъ условіямъ. Дѣло въ томъ, что самое большее, что можно сказать, это лишь то, что семья должна соотвѣтствовать хозяйству; разъ это соотвѣтствіе нарушается, семья, претерпѣваетъ измѣненія; но когда именно наступаетъ этотъ моментъ,—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы только крупныя измѣненія вызывали, но зато уже обязательно, измѣненія въ семьѣ; наоборотъ, можно допустить возможность, что крупныя различія не будутъ

играть никакой роли, а второстепенныя будутъ имѣть большое значеніе.

Въ виду всего сказаннаго мы думаемъ, что прійти къ какому-нибудь положительному выводу, пользуясь методомъ Гроссе, можно лишь случайно, т. е., группируя наудачу народы по какому-нибудь постороннему признаку, мы случайно можемъ набресть на такую группировку, которая именно и нужна. Если, дѣйствительно, экономическій факторъ играетъ ту роль, которую ему приписываютъ, то одна изъ *безчисленныхъ* возможныхъ группировокъ народовъ на основаніи ихъ хозяйственной жизни можетъ случайно оказаться таковой, что внутри каждой группы семья будетъ одинакова у всѣхъ народовъ, но зато отлична отъ семьи народовъ другой группы. Но такой результатъ возможенъ только случайно и потому возлагать на него какія-нибудь надежды совершенно невозможно; слишкомъ ужъ много возможныхъ группировокъ народовъ, и потому слишкомъ мала вѣроятность напасть на счастливую случайность. Гроссе это какъ разъ именно и не удалось, такъ какъ ему самому приходится констатировать глубокія различія въ семьѣ различныхъ народовъ, объединенныхъ имъ въ одну группу. А то обстоятельство, что примѣненіе этого метода требуетъ къ тому же обладанія готовой теоріей о преобладающей роли того или другого фактора, еще больше подрываетъ его значеніе.

Аналогичной книгѣ Гроссе является работа Кунова „Экономическія основанія материнскаго права" [1]); разница только въ томъ, что Куновъ беретъ болѣе мелкія дѣленія народовъ въ хозяйственномъ отношеніи, въ остальномъ же онъ слѣдуетъ тому пути, что и Гроссе. Судить, впрочемъ, о работѣ Кунова затруднительно, такъ какъ выполнена имъ только небольшая часть ея, да и той мы по независящимъ обстоятельствамъ принуждены были пользоваться въ плохомъ русскомъ переводѣ.

Отрицая полную одинаковость развитія человѣческихъ племенъ, и Гроссе, и Куновъ, и многіе другіе ученые считаютъ, однако, возможнымъ разсматривать нѣкоторыя племена, какъ стоящія на самой низшей ступени развитія, и придаютъ особое значеніе изученію этихъ племенъ, такъ какъ, знакомясь съ ними, мы въ то же время знакомимся съ наиболѣе ранними изъ доступныхъ изслѣ-

1) Научное Обозрѣніе 1898 г. 3.

дованію формами жизни. Неоднократно можно встрѣтить такой аргументъ, что такое-то явленіе встрѣчается или не встрѣчается у наиболѣе первобытныхъ народовъ, какъ рѣшающій въ вопросѣ о сравнительной древности или новизнѣ этого явленія. Къ числу такихъ народовъ относятъ обыкновенно: австралійцевъ, андаманцевъ, ведда, филиппинскихъ негритосовъ, бушменовъ, ботокудовъ, огнеземельцевъ, калифорнійскія племена и эскимосовъ; полнаго согласія между отдѣльными авторами нѣтъ: одни нѣсколько суживаютъ эту группу, другіе, наоборотъ, расширяютъ ее. Большихъ противорѣчій, впрочемъ, не встрѣчается, и всѣ указанныя племена разсматриваются обыкновенно, какъ стоящія на очень низкой ступени развитія.

Но дѣйствительно ли формы жизни, наблюдаемыя у этихъ народовъ, будутъ самыми ранними изъ доступныхъ нашему изслѣдованію? На этотъ вопросъ положительный отвѣтъ можно дать только съ значительными оговорками. Какъ ни грубы эти племена, они во всякомъ случаѣ имѣютъ уже за собой исторію, и, хотя бы они и стояли ближе всего къ исходной точкѣ человѣческаго развитія, мы еще не въ правѣ утверждать, что въ прошломъ все человѣчество прошло такую же фазу развитія, представителями которой являются, напримѣръ, бушмены. Считая недоказаннымъ единообразіе развитія человѣческаго рода вообще, мы считаемъ его недоказаннымъ и для болѣе раннихъ эпохъ. Поэтому бушменская или андаманская семья, хотя и представляетъ очень раннюю фазу, но не обязательно такую, которая была въ прошломъ всѣхъ другихъ народовъ. Возможно даже и такъ, что болѣе развитые народы сохранили—въ видѣ ли переживаній, или въ видѣ вполнѣ жизненныхъ явленій—формы гораздо болѣе низкія, чѣмъ тѣ, которыя можно наблюдать у андаманцевъ, калифорнійцевъ и т. п. Такое предположеніе отнюдь не является невѣроятнымъ; полнаго параллелизма въ развитіи различныхъ сторонъ жизни нѣтъ; прогрессъ въ одномъ направленіи можетъ сопровождаться регрессомъ или застоемъ въ другомъ. На это обстоятельство давно уже обращалъ вниманіе Тэйлоръ [1]). Напримѣръ, пластика у бушменовъ, австралійцевъ и эскимосовъ стоитъ гораздо выше, чѣмъ у многихъ народовъ, которые по своему развитію далеко опередили эти

[1]) Первобытная культура. I, стр. 24—25 и др.

племена; почему же этого не могло быть и съ семьей? Конечно, мы не думаемъ утверждать, чтобы семья андаманцевъ и др. была сравнительно высшей формой; единственное, что мы говоримъ, это то, что такое допущеніе логически возможно, и потому факты изъ семейной жизни андаманцевъ, бушменовъ и т. п. не могутъ опровергать безусловно тѣхъ выводовъ, которые получены отъ изученія несравненно болѣе широкаго круга народовъ. Если бы намъ вообще удалось доказать, что материнское право предшествуетъ отцовскому, то отсутствіе перваго у такихъ-то народовъ еще не доказывало бы невѣрности нашего вывода, такъ какъ это отсутствіе объяснимо и вышеупомянутымъ путемъ. Иными словами, мы настаиваемъ на равноправности всѣхъ народовъ въ глазахъ изслѣдователя и думаемъ, что особое вниманіе, придаваемое по тому или другому основанію извѣстному кругу народовъ, всегда рисковано, такъ какъ угрожаетъ возможностью принять мѣстныя и случайныя особенности за закономѣрныя, типическія явленія. Относительно бушменовъ, напримѣръ, существуетъ мнѣніе, что это выродившееся и регрессировавшее племя; разъ такое мнѣніе было бы вѣрно, то всѣ выводы, основывающіеся на изученіи этого народа, потеряли бы всякое значеніе. Но такую или подобную ей возможность всегда необходимо имѣть въ виду, и для избѣжанія ошибочныхъ обобщеній разныхъ случайностей и аномалій необходимо какъ можно больше расширять кругъ изслѣдованія, привлекать къ нему массы народовъ, а не отдѣльныя единицы. Единичные факты слишкомъ разнообразны и ими можно доказывать любое мнѣніе. Не мѣшаетъ также имѣть въ виду и то обстоятельство, что полнаго однообразія въ семьѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ народовъ нѣтъ; эскимосская семья сильно разнится, напримѣръ, отъ семьи ведда; среди австралійцевъ констатировано большое разнобразіе въ формахъ семьи, и одно племя иногда очень и очень сильно разнится отъ другого, такъ что была попытка прослѣдить эволюцію семьи у австралійцевъ, выдѣляя болѣе раннія и болѣе позднія фазы развитія [1]). Къ сожалѣнію, мы встрѣчаемся здѣсь съ такими фактами, что, напримѣръ, Howitt считаетъ племя курни однимъ изъ наиболѣе развитыхъ въ Австраліи, Куновъ же, наоборотъ, отводитъ ему одно

---

[1]) *H. Cunow.* Die Verwandtschafts-Organisationen der Austral. Neger. 1894.

изъ самыхъ низшихъ мѣстъ. Это показываетъ, насколько легка ошибка, если рѣчь идетъ о какомъ-нибудь отдѣльномъ народѣ.

IV.

Всѣмъ извѣстно, къ какимъ блестящимъ результатамъ приводитъ методъ переживаній въ умѣлыхъ рукахъ такихъ авторовъ, какъ Тэйлоръ, и въ то же время не менѣе хорошо извѣстно, сколькими ошибками мы обязаны этому методу. Истолковать переживаніе и очень легко, и очень трудно. Ни малѣйшаго труда не составляетъ придумать для объясненія какого-нибудь факта существованіе тѣхъ или другихъ исчезнувшихъ формъ, или связать его, руководствуясь поверхностнымъ сходствомъ, съ другими существующими формами, но крайне трудно дать дѣйствительно вѣрное объясненіе, опирающееся на какія-нибудь несомнѣнныя данныя. Особенно трудно это, конечно, въ томъ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло съ переживаніями такихъ явленій, которыя исчезли изъ жизни не только даннаго народа, но и всѣхъ другихъ племенъ. Тутъ ошибки чрезвычайно легки, и потому всегда надо соблюдать большую осторожность и относиться какъ можно строже къ своимъ аргументамъ. Это, къ сожалѣнію, не всегда дѣлалось, и можно было бы отмѣтить цѣлый рядъ злоупотребленій методомъ переживаній, самымъ крайнимъ примѣромъ чего можетъ служить, конечно, система Моргана, возстановившаго исторію семьи всего человѣчества по одному переживанію, по системамъ родства.

Злоупотребленія методомъ переживаній неоднократно вызывали противъ себя реакцію, и мы отмѣтимъ двѣ попытки внести больше научной строгости въ эту область. Первая изъ такихъ попытокъ принадлежитъ датскому ученому Старке, автору книги о „первобытной семьѣ“ [1]). Необходимымъ условіемъ научнаго изслѣдованія въ данной области онъ считаетъ обращеніе къ методу переживаній только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Только тогда, по его мнѣнію, можно смотрѣть на какое-нибудь явленіе какъ на переживаніе, если нѣтъ никакой возможности объяснить его изъ существующихъ условій жизни. Какъ предостереженіе противъ возможныхъ увлеченій, въ особенности противъ увлеченій

---

[1]) *C. N. Starcke.* La famille primitive. 1891, p. 16 etc

въ реконструированіи такихъ формъ, существованіе которыхъ совсѣмъ нельзя доказать непосредственными фактическими указаніями, правило Старке, конечно, имѣетъ нѣкоторое значеніе, но и на него нельзя возлагать особенныхъ надеждъ. Въ скрытой формѣ оно содержитъ въ себѣ сомнѣніе въ возможности прочныхъ выводовъ въ исторіи семьи, такъ какъ предлагаетъ выбирать изъ двухъ возможныхъ объясненій одно, какъ болѣе вѣроятное. Объясненіе должно вытекать, разумѣется, изъ какихъ-нибудь фактическихъ доказательствъ, и только при недостаточности этихъ доказательствъ можетъ быть рѣчь о предпочтительности истолкованія явленія изъ современныхъ условій, а не изъ переживаній. Когда же такихъ доказательствъ достаточно, мы и рѣшаемъ вопросъ для каждаго отдѣльнаго случая по-своему, не смущаясь тѣмъ, что какой-нибудь фактъ придется объявить переживаніемъ. Дѣйствительно истиннымъ можетъ быть только одно рѣшеніе, и чѣмъ меньше въ основѣ его будутъ лежать общія соображенія, тѣмъ лучше. Правило же Старке—только общее соображеніе и мало на чемъ основанное, такъ какъ широкой роли переживаній въ исторіи культуры никакъ нельзя отрицать.

Еще болѣе радикальное средство предлагаетъ уже упоминавшійся нами Эрнстъ Гроссе [1]), который рекомендуетъ, по крайней мѣрѣ на время, совсѣмъ отказаться отъ „метода истолкованій" (Methode der Deutung), т. е. отъ объясненія всѣхъ переживаній, и ограничиться одними непосредственно наблюдаемыми формами семьи. Нѣтъ сомнѣнія, что Гроссе руководился желаніемъ добиться большей строгости въ доказательствахъ, но тѣмъ не менѣе его средство черезчуръ ужъ радикально. Недостатокъ его въ томъ, что прежде, чѣмъ объявить какой-нибудь фактъ символомъ, переживаніемъ и т. п., необходимо изучить и уяснить его, а тогда его незачѣмъ уже отбрасывать въ сторону. Отличать переживаніе и символы отъ живыхъ явленій не всегда легко; на левиратъ, напримѣръ, нѣкоторые ученые смотрятъ какъ на переживаніе поліандріи, другіе же видятъ въ немъ простое наслѣдованіе вдовы братомъ покойнаго мужа; для Моргана системы родства—переживаніе прошлыхъ формъ семьи, Куновъ же пытается доказать, что, по крайней мѣрѣ у австралійцевъ, онѣ впол-

[1]) *Grosse.* Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft. S. 6-7.

нѣ сотвѣтствуютъ современному строю семьи и наличнымъ формамъ брака. Прійти къ какому-нибудь выводу относительно правильности того или иного взгляда можно только на основаніи изученія явленія; разъ же мы не предполагаемъ, а уже знаемъ что такое-то явленіе есть символъ или случайный остатокъ опредѣленнаго прошлаго, то нѣтъ никакой опасности вводить его въ наше изслѣдованіе, такъ какъ точности и строгости выводовъ оно уже не можетъ помѣшать. Съ другой стороны, переживанія несомнѣнно оказываютъ очень крупное вліяніе и на современныя формы жизни, поэтому, игнорируя ихъ, Гроссе тѣмъ самымъ выбрасываетъ за бортъ одинъ изъ немаловажныхъ факторовъ настоящаго и приходитъ къ неполному пониманію этого самаго настоящаго. Надо, кромѣ, того принять во вниманіе и то, что переживаніе очень много значитъ въ вопросѣ о распространенности какого-либо явленія. Отдѣльные народы развиваются не всегда однимъ и тѣмъ же путемъ (на этомъ, какъ мы видѣли выше, настаиваетъ самъ Гроссе): въ то время, какъ у одного племени извѣстная форма сохранилась въ полной силѣ,—у другого, въ общемъ мало отличающагося отъ перваго, она обращается въ переживанія, въ которыхъ не всегда легко бываетъ узнать остатокъ прошлаго. Теперь допустимъ, что для насъ нужно изслѣдовать вопросъ о взаимоотношеніяхъ между какими-нибудь явленіями, между которыми предполагается извѣстная внутренняя связь, напримѣръ, между материнскимъ правомъ и обычаемъ, согласно которому не жена поселяется въ домѣ мужа, а, наоборотъ, мужъ переходитъ въ домъ жены. Для того, чтобы доказать, что эти явленія дѣйствительно находятся въ связи между собою, необходимо установить какъ можно больше случаевъ ихъ сосуществованія. Но очень часто бываетъ, что изъ двухъ явленій, связанныхъ между собою причинной зависимостью, одно умираетъ, тогда какъ другое остается жить, поэтому мы встрѣчаемъ и такіе случаи, когда материнское право существуетъ, несмотря на то, что мужъ уже не селится въ домѣ жены, и, наоборотъ, такіе случаи, когда мужъ переходитъ въ домъ жены, а материнское право уже замѣнено отцовскимъ. Такіе примѣры могутъ быть приводимы, какъ возраженіе противъ предполагаемой между упомянутыми явленіями связи; но все значеніе этого возраженія падаетъ, разъ удастся показать, пользуясь переживаніями, что эти явленія существовали въ

прошломъ и у тѣхъ народовъ, у которыхъ въ настоящее время сохранилось только одно изъ нихъ.

Слѣдовательно, средство Гроссе оказывается неудовлетворительнымъ даже въ томъ случаѣ, если на него смотрѣть только какъ на временное; само собою разумѣется, что отказываться навсегда отъ объясненія переживаній было бы совсѣмъ ужъ нерезонно, такъ какъ такой отказъ ставитъ въ невозможность, съ одной стороны, изученіе наиболѣе раннихъ, уже исчезнувшихъ формъ семьи, а съ другой—заставляетъ отказаться отъ мысли поставить позднѣйшія формы въ нѣкоторую генетическую связь между собою, поскольку это, конечно, окажется возможнымъ.

V.

Теперь намъ предстоитъ перейти къ методу Тэйлора, уже знакомому читателямъ „Этнографическаго Обозрѣнія" по статьѣ самого автора, напечатанной во 2-й книжкѣ журнала за 1890 г. [1]). Сущность этого метода состоитъ въ томъ, что центръ тяжести рѣшенія вопроса переносится на *сосуществованіе явленій*. Но такъ какъ данныя этнографіи отличаются крайне большимъ разнообразіемъ, то необходимо убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло не съ случайнымъ совпаденіемъ явленій, а съ закономѣрнымъ ихъ сосуществованіемъ, обусловленнымъ существующею между ними причинною зависимостью. Убѣдиться въ этомъ можно, вычисливъ по опредѣленной формулѣ число случайныхъ совпаденій возможныхъ по теоріи вѣроятностей и сравнивъ съ полученнымъ результатомъ число совпаденій, наблюдаемыхъ въ дѣйствительной жизни. Формула эта будетъ имѣть такой видъ: $\frac{a\,b}{c}$, гдѣ *a* показываетъ количество случаевъ существованія одного явленія, *b*—число случаевъ существованія другого явленія, *c*—число всѣхъ народовъ. Для иллюстраціи заимствуемъ изъ статьи Тэйлора одинъ примѣръ, нѣсколько видоизмѣнивъ его.

Существуетъ обычай, согласно которому мужъ долженъ всячески избѣгать сношеній съ родственниками жены, и обратно; этотъ обычай констатированъ у 53 народовъ; другой обычай, предписывающій женѣ избѣгать родственниковъ мужа и обратно, существуетъ у 21 народа. Теперь сопоставимъ эти обычаи съ

---

[1]) О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій, стр. 1—31.

фактомъ поселенія мужа въ семьѣ жены или жены въ семьѣ мужа. Оказывается, что у 141 народа мужъ навсегда или временно поселяется у жены и у 141 же народа онъ сразу беретъ къ себѣ жену на домъ. Если бы упомянутый нами первый обычай былъ совершенно независимъ отъ поселенія мужа въ семьѣ жены, то 53 случая его существованія распредѣлились бы поровну между 141 народами, у которыхъ мужъ поселяется въ семьѣ жены, и 141 народами, которые не знаютъ такого обыкновенія. Въ дѣйствительности изъ первыхъ народовъ у 41 мужъ избѣгаетъ родныхъ жены, а изъ вторыхъ—только у 12. Далѣе, у 65 народовъ жена совсѣмъ не переходитъ въ семью мужа, у 217 она дѣлаетъ это сразу или черезъ нѣкоторое время. Если бы враждебныя отношенія жены къ родственникамъ мужа не находились вовсе въ зависимости отъ ея поселенія среди нихъ, то 21 случай существованія такого обычая распредѣлились бы приблизительно такъ: у первыхъ 65 народовъ было бы приблизительно 5 такихъ случаевъ, у вторыхъ 217 народовъ—16. На самомъ дѣлѣ среди первыхъ народовъ нѣтъ ни одного такого случая, и всѣ они относятся къ народамъ второй категоріи.

Для простоты представимъ все это въ видѣ таблички, гдѣ цифры въ скобкахъ указываютъ число возможныхъ случайныхъ совпаденій, а цифры безъ скобокъ—число дѣйствительныхъ совпаденій.

	Мужъ временно или постоянно поселяется у жены. (141 случай).	Мужъ совсѣмъ не селится у жены. (141 случай).
Мужъ избѣгаетъ родственниковъ жены (53 случая).	(26 —27) **41**	(26—27) **12**

	Жена совсѣмъ не селится въ домѣ мужа. (65 случаевъ).	Жена сразу или черезъ нѣкоторое время поселяется въ домѣ мужа. (217 случаевъ).
Жена избѣгаетъ родныхъ мужа (21 случай).	(5) **0**	(16) **21.**

Эти таблицы прямо говорятъ, что мы имѣемъ дѣло не съ случайными совпаденіями, и что избѣганіе мужемъ родственниковъ жены обусловливается поселеніемъ его въ домѣ жены, т. е. среди этихъ самыхъ родственниковъ; наоборотъ, жена избѣгаетъ родственниковъ мужа только въ томъ случаѣ, когда она селится среди нихъ. 12 случаевъ избѣганія мужемъ родственниковъ жены, хотя онъ и не селится среди нихъ, объясняются какъ *переживаніе*, и существованіе подобныхъ переживаній имѣетъ очень большое значеніе, такъ какъ даетъ возможность изучать явленія не только статически, но и динамически, въ ихъ развитіи. Въ самомъ дѣлѣ, сопоставляя разные обычаи 1) съ поселеніемъ мужа у жены, чему, какъ оказывается, вполнѣ соотвѣтствуетъ материнское право, 2) съ промежуточной формой, когда мужъ на время поселяется у жены, но потомъ беретъ ее къ себѣ въ домъ, чему соотвѣтствуютъ переходныя формы отъ материнскаго права къ отцовскому, и 3) съ поселеніемъ жены сразу у мужа, чему соотвѣтствуетъ отцовское право, Тэйлоръ констатируетъ, что первая группа чрезвычайно бѣдна всякаго рода переживаніями, тогда какъ послѣдняя, наоборотъ, очень ими богата, т. е. съ первой группой сосуществуютъ только такія явленія, которыя объяснимы изъ нея самой, тогда какъ со второй, и особенно съ третьей, и такія, которыя объяснимы при данныхъ условіяхъ только какъ остатки прошлаго. Это даетъ основаніе не только видѣть въ богатствѣ переживаніями послѣдней группы доказательство ея позднѣйшаго происхожденія, но и усматривать въ отсутствіи переживаній при материнскомъ правѣ доказательство тому, что оно является наиболѣе ранней стадіей. „Это доказательство,—говоритъ Тэйлоръ,—въ нѣкоторомъ родѣ геологическое. Совершенно такъ, какъ въ пермскомъ періодѣ можно найти слѣды живыхъ формъ и даже ископаемыхъ животныхъ каменноугольной формаціи, между тѣмъ какъ типы и ископаемыя пермской формаціи не встрѣчаются въ каменноугольныхъ слояхъ, образовавшихся прежде ихъ появленія, такъ здѣсь, наступи материнскій періодъ позже,— въ немъ замѣчалось бы переживаніе перехода вдовъ по наслѣдству и кувады, а потому отсутствіе этихъ обычаевъ и доказываетъ, что материнскій періодъ былъ первымъ по времени“ (стр. 14).

Что сосуществованіе явленій имѣетъ очень большое значеніе, а иногда играетъ и прямо рѣшающую роль, въ этомъ не можетъ

быть сомнѣнія. Напримѣръ, цѣлый рядъ ученыхъ (Макъ Леннанъ, Леббокъ, Спенсеръ, Вилькенъ, Зиберъ и др.) исходили изъ признанія связи между экзогаміей и хищническимъ бракомъ, и однако, по вычисленіямъ Тэйлора, оказывается, что эти явленія совершенно независимы другъ отъ друга; одного этого обстоятельства достаточно для полнаго опроверженія теорій, созданныхъ вышеупомянутыми авторами для объясненія экзогаміи и хищническаго брака. Или же на избѣганіе мужемъ родственниковъ жены и обратно часто смотрятъ какъ на переживаніе хищническаго брака (Леббокъ, Зиберъ, Вилькень, Липпертъ, Гельвальдъ, Ковалевскій), въ дѣйствительности же эти явленія не только не связаны между собой, а, такъ сказать, отрицаютъ другъ друга. Первый обычай имѣетъ, какъ мы видѣли, тѣсную связь съ поселеніемъ мужа въ домѣ жены, тогда какъ хищническій бракъ и аналогичные ему обычаи связаны, какъ и слѣдовало этого ожидать, съ поселеніемъ жены въ домѣ мужа. Опять мы имѣемъ доказательство невѣрности довольно распространеннаго мнѣнія.

Всякое *объясненіе* какого-нибудь явленія отчасти можно назвать догадкой; но, конечно, догадка догадкѣ рознь, и степень гадательности можетъ быть различна. Задача всякаго метода сводится именно къ тому, чтобы по возможности сузить кругъ возможныхъ объясненій и свести до минимума произвольность нашихъ толкованій. Этому условію методъ Тэйлора вполнѣ удовлетворяетъ. Дѣйствительно, если разсматривать ту же экзогамію изолированно, объяснять ее можно самымъ различнымъ образомъ; но разъ будетъ дано, что она находится въ связи съ такими-то явленіями и, наоборотъ, не имѣетъ никакой связи съ другими, то тѣмъ самымъ будетъ введено столько новыхъ условій, что число логически возможныхъ объясненій сразу сократится. Само собою разумѣется, что чѣмъ съ большимъ количествомъ явленій будетъ сопоставляться данное, тѣмъ вѣрнѣе будутъ объясненія, такъ какъ тѣмъ большему количеству условій они будутъ соотвѣтствовать. До нѣкоторой степени этотъ пріемъ аналогиченъ рѣшенію системы уравненій съ числомъ неизвѣстныхъ бо́льшимъ числа уравненій: число возможныхъ рѣшеній безконечно велико; но если мы поставимъ новыя условія вродѣ того, что всѣ рѣшенія должны быть цѣлыми и положительными, то тѣмъ самымъ количество возможныхъ рѣшеній становится сразу

гораздо меньшимъ, а иногда сводится и къ единственно возможному.

Теоретически методъ Тэйлора представляется намъ безусловно правильнымъ, но на практикѣ онъ встрѣчаетъ значительныя затрудненія, которыя, не уничтожая всего значенія этого метода, тѣмъ не менѣе заставляютъ относиться недовѣрчиво къ возможности его универсальнаго примѣненія и къ возведенію его на степень „соціальной ариѳметики" по его точности. Тэйлоръ, повидимому, придаетъ большое значеніе числовымъ выраженіямъ зависимости между явленіями, а эти выраженія нуждаются въ оговоркахъ. Дѣло въ томъ что у насъ для точнаго счета и вычисленій нѣтъ самаго необходимаго, а именно точной единицы счета. „Народъ", какъ единица, которой можно вести счетъ, величина въ значительной степени произвольная; и конечно никто не рѣшится дать точную цифру народовъ, населяющихъ земной шаръ, а между тѣмъ эта цифра необходима при полномъ проведеніи метода Тэйлора для опредѣленія по вышеупомянутой формулѣ числа возможныхъ случайныхъ совпаденій. Обыкновенно въ исторіи культуры трактуютъ мокшу и ерзю какъ одинъ народъ, и въ то же время различаютъ мордву и черемисъ. Дѣйствительно, между мокшей и ерзей разница, вообще говоря, меньше, чѣмъ между всей мордвой и черемисами, но можемъ ли мы быть увѣрены, что тою же степенью сходства и различія мы руководствуемся, соединяя или различая какія-нибудь два близкихъ между собою африканскихъ или американскихъ племени. Быть можетъ, мы въ однихъ случаяхъ считаемъ отдѣльными народами такія племена, которыя находятся между собой въ такихъ же отношеніяхъ, какъ мокша и ерзя, и, наоборотъ соединяемъ въ одинъ такіе народы, которые столько же отличаются другъ отъ друга, какъ мордва и черемисы. Вѣдь какого-нибудь точнаго критерія здѣсь нѣтъ, да и не можетъ быть; нельзя точно опредѣлить и формулировать ту степень сходства или различія, которая должна быть достаточна для соединенія или разъединенія народовъ. Самымъ обыкновеннымъ руководителемъ въ данномъ случаѣ бываетъ, конечно, языкъ, но опять-таки никто не станетъ настаивать на полной точности этого мѣрила. Съ одной стороны, степень діалектическихъ различій, необходимыхъ для различенія говорящихъ на схожихъ языкахъ народовъ, не поддается точной формулировкѣ и не можетъ поддаваться, хотя-бы въ виду того, что характеръ языковъ раз-

личныхъ группъ будетъ далеко не одинаковъ. Какъ, напримѣръ, сказать, какое различіе между финскими языками будетъ соотвѣтствовать такому-то различію между индо-европейскими или въ частности славянскими языками? За рѣшеніе подобныхъ вопросовъ, разумѣется, никто не станетъ и браться. Съ другой стороны, близость или отдаленность языковъ, которыми говорятъ два данные народа далеко не тождественна ихъ общей культурной близости и не рѣшаетъ окончательно вопроса объ ихъ происхожденіи.

Если очень затруднительно или, вѣрнѣе, сказать, прямо невозможно установить точныя условія, необходимыя для того, чтобы считать отдѣльными народами части болѣе широкой этнической группы, то не менѣе трудно бываетъ иногда и рѣшеніе вопроса о томъ, считать ли за одну единицу или за нѣсколько народы, различные по своему происхожденію, но объединенные общностью историческихъ условій. Различныя племена Дагестана несомнѣнно отчасти различнаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе общность многихъ вліяній, подъ которыми они находились, выработала среди нихъ значительное культурное сходство, которое въ извѣстныхъ смыслахъ позволяетъ смотрѣть на нихъ, какъ на одно цѣлое.

Главная бѣда въ томъ, что нельзя даже утѣшаться надеждой, что отдѣльныя неправильности и ошибки въ подсчетѣ народовъ, будутъ взаимно уравновѣшиваться одна другой, особенно если болѣе или менѣе послѣдовательно придерживаться одной системы, т. е. стараться по возможности брать или мелкія единицы или, наоборотъ, сравнительно крупныя. Теоретически же единственно правильнымъ будетъ такое рѣшеніе вопроса: считать такіе-то народы за одинъ, если обычай, о которомъ идетъ рѣчь, возникъ у нихъ въ то время, когда они были однимъ цѣлымъ, и, наоборотъ, различать ихъ, когда обычай возникъ послѣ ихъ разъединенія. Практически примѣнить это требованіе невозможно, такъ какъ для этого нѣтъ необходимыхъ свѣдѣній, да и по другимъ соображеніямъ, но оно говоритъ, что какой бы системы мы ни придерживались, мы необходимо будемъ наталкиваться на ошибки, которыя не будутъ уравновѣшивать другъ друга. Разъ идетъ рѣчь о болѣе древнихъ обычаяхъ, тогда нужно считать единицами какъ можно болѣе крупныя дѣленія, для новыхъ же обычаевъ необходимы, наоборотъ, какъ можно болѣе мелкія единицы. Въ одномъ случаѣ, когда обычай возникъ, напримѣръ, въ то время, когда финны представляли

одно цѣлое, ошибочно считать мордву и черемисъ за отдѣльныя единицы; въ другомъ же не менѣе ошибочно объединеніе мокши и эрзи, разъ такой-то институтъ выработанъ имъ самостоятельно, послѣ ихъ раздѣленія.

Всѣ эти замѣчанія, конечно, не уничтожаютъ положительныхъ сторонъ метода Тэйлора, а только имѣютъ цѣлью показать невозможность его универсальнаго примѣненія и необходимости извѣстной степени осторожности въ пользованіи имъ. Если, напримѣръ, неслучайность сосуществованія какихъ-нибудь явленій доказывается очень частымъ совпаденіемъ ихъ среди близкихъ между собою народовъ, то она является не особенно убѣдительною; но другое дѣло, когда эти народы далеки одинъ отъ другого. Немалое значеніе имѣетъ при этомъ, понятно, и рѣзкость отклоненія отъ числа возможныхъ случайныхъ совпаденій.

Въ общемъ методъ Тэйлора можетъ быть оцѣненъ какъ должно только въ будущемъ, если будетъ болѣе широко использованъ на практикѣ. Примѣненія метода, сдѣланныя самимъ Тэйлоромъ, не могутъ еще имѣть рѣшающаго значенія въ виду небольшого сравнительно количества народовъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Изъ другихъ авторовъ въ пользу этого метода высказался только Вестермаркъ, да и тотъ ограничился только платоническимъ выраженіемъ сочувствія и не примѣнилъ метода въ своей работѣ.

Итакъ, нѣкоторые методы, предложенные новѣйшими изслѣдователями для избѣжанія ошибокъ, сдѣланныхъ болѣе ранними историками семьи, прямо невѣрны; другіе болѣе или менѣе истинны, но во всякомъ случаѣ ни на одинъ изъ нихъ нельзя смотрѣть, какъ на панацею отъ всѣхъ золъ, такъ что универсальнаго лѣкарства отъ старыхъ болѣзней пока еще не найдено. Что будетъ дальше, и найдется ли, наконецъ, новый методъ, который сразу внесетъ коренныя измѣненія въ ходъ изслѣдованія, объ этомъ мудрено гадать, да мы думаемъ, что такое открытіе не составляетъ безусловно необходимаго элемента для возможности успѣха въ данной области. Старыя работы часто страдали бездоказательностью утвержденій, и этого-то и надо больше всего избѣгать. Откуда черпать доказательства своихъ положеній, это приходится рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по-своему, а

не руководствуясь какимъ-нибудь однимъ правиломъ. Въ одномъ случаѣ убѣдительны одни доказательства, въ другомъ—другія; несомнѣнно, что крайне важную роль можетъ играть здѣсь сосуществованіе явленій, но оно во всякомъ случаѣ не единственное возможное доказательство. Многаго можно ожидать отъ дальнѣйшей детальности изслѣдованій и отъ монографій, посвященныхъ изученію семьи у отдѣльныхъ крупныхъ этническихъ группъ, починъ чему сдѣлалъ уже Куновъ своимъ изслѣдованіемъ о „родственныхъ организаціяхъ австралійскихъ негровъ".

А. Максимовъ.

12 декабря 1899 г.

Бытъ болгаръ-поселенцевъ Θеодосійскаго уѣзда.

I. Бракъ.

А. Характеристика отношеній между представителями различныхъ половъ до брака.

Въ странѣ весны, въ краѣ,

Гдѣ дивы словомъ роковымъ
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока,

въ котловинѣ, среди горъ, покрытыхъ лѣсомъ, причудливо раскинулось болгарское село. Его пересѣкаетъ горная рѣчка Индолъ, но и кромѣ нея не одинъ нѣжно-журчащій ручеекъ, неслышный при дневномъ шумѣ, въ ночной тиши оглашаетъ окрестность шаговъ на двѣсти вокругъ себя. Изъ горныхъ нѣдръ бойко бьетъ фонтанъ, лепеча что-то на своемъ непонятномъ языкѣ, зато мертва поверхность небольшихъ родничковъ съ чистой и вкусной водой—символомъ молодой чарующей любви. Въ одинъ прекрасный день [1]), лѣтъ сто тому назадъ, сюда устало спускалась съ сосѣдняго кряжа толпа полунищихъ, загорѣлыхъ, съ истомленными лицами людей, повидимому сдѣлавшихъ не малый путь. Это были несчастные болгары-бѣглецы, которые не вынесли звѣрствъ и притѣсненій турецкихъ разбойниковъ-кâржелій и въ числѣ 69 семействъ покинули родину [2]). Послѣ долгихъ скитаній,—

---

1) Эту справку о прибытіи болгаръ и о пріемѣ, оказанномъ имъ Тавридой, я передаю со словъ стариковъ, придавъ имъ лишь болѣе литературную форму.

2) По „Ревижской сказкѣ о болгарахъ-колонистахъ колоній Кишлава и Стараго Крыму 1816 г.“ значится: „прыбыли 1804 г. въ Новороссійской край тогожъ (года) на мѣсто поселѣнія—69 семействъ; 1805 г.– 10 сем. 1805 въ новор. край и на мѣсто поселѣнія 1806 г.—28 с.“.

многія дѣти безъ матерей и жены безъ дѣтей, — достигли они Россіи, которая приняла ихъ подъ свое покровительство и стала ихъ второй матерью, давъ право выбрать себѣ мѣсто на Крымскомъ полуостровѣ. Болгары остановились въ описанной котловинѣ Таврической губ., Ѳеодосійскаго уѣзда, которая привѣтливо приняла ихъ у водъ своихъ подъ сѣнью кизила и орѣшника, и основали въ 1804 г. селеніе „Кишлавъ". Здѣшняя природа напоминала имъ родину, а окрестныя горы ревниво оберегали ихъ нравы, обычаи и обряды отъ сосѣднихъ культуръ, чѣмъ и объясняется присутствіе въ ихъ костюмѣ, характерѣ и особенно въ языкѣ такихъ національныхъ чертъ, которыхъ ужъ не найти у болгаръ, осѣвшихъ на равнинной части Тавр. губ. (Бердянскій уѣздъ); послѣдніе больше ассимилировались съ русскимъ населеніемъ, хотя и пришли на полвѣка позже. Въ Кишлавѣ же сохранились даже такія черты быта, которыя потемнѣли въ самой Болгаріи, гдѣ, по словамъ К. Иречка, „еще одно поколѣніе—и отъ традиціонной болгарщины во многихъ мѣстахъ видны будутъ лишь слабые остатки" (сборникъ К. А. Шапкарева, кн. VII, стр. VI).

Въ этомъ уголкѣ Тавриды, въ которой, по словамъ поэта, на землю тихо льется таинственная мгла съ темнѣющихъ небесъ, я провелъ дѣтство. И вотъ уже студентомъ отправился я туда, желая взглянуть на дорогія мѣста, а кстати и почерпнуть кое-что изъ обильной сокровищницы болгарскихъ обычаевъ, обрядовъ, пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ и другихъ формъ, въ которыя вылились народная жизнь и народный умъ. Черезчуръ строгія правила приличія кишлавскихъ дѣвушекъ (о чемъ рѣчь будетъ впереди), препятствующія записыванію пѣсенъ, повѣрья [1]), особенно же изумительная недовѣрчивость болгаръ на первыхъ порахъ осложнили мою задачу. И только провѣривъ чрезъ моихъ друзей дѣтства, что я подлинно сынъ того „даскал'а" (учителя), къ памяти котораго они относятся съ глубокой благодарностью,— старики стали оказывать мнѣ необходимое содѣйствіе, неоднократно напоминая, что „ты си нашъ, бѫлгарче", а другому де мы ничего не сказали бы. Трижды правъ Ю. И. Венелинъ, го-

[1]) Никто изъ мальчиковъ не соглашался спѣть колядки въ неурочное время (лѣтомъ), твердо вѣря, что это непремѣнно приведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ: на сидѣньи повскакиваютъ чирьи.

воря въ письмѣ своемъ къ г. Априлову [1]): „народныхъ пѣсенъ я успѣлъ собрать не болѣе 50, да и то еще съ величайшимъ трудомъ... Всякій разъ, когда я просилъ господъ болгаръ продиктовать мнѣ пѣсню,—то удивлялись, не понимали, къ чему это, и наконецъ заключали, что въ этомъ таится что-либо тайное, и... начисто отказывали. И дѣйствительно, мнѣ передавали, что нѣкоторые болгары искренне сокрушались, что у такого хорошаго учителя да такой чудаковатый сынъ, который только и дѣлаетъ, что записываетъ бабьи пѣсни [2]).

Собранный мною матеріалъ, иллюстрирующій намъ археологію, соціологію и исторію народа, я пробую обработать по возможности сравнительнымъ путемъ, и т. об. исторія колоніи „Кишлавъ“ въ миніатюрѣ представитъ намъ процессъ ассимиляціи народности. Кромѣ того, въ силу эволюціи явленій духовнаго порядка нынѣшнія сложныя явленія выражались когда-то въ очень простой формѣ, непосредственно опредѣляемой требованіями человѣческой природы и окружающихъ его условій. Чтобы добраться до прапрародителя, до ячейки наблюдаемаго теперь явленія, надо его постепенно очищать отъ скорлупъ позднѣйшихъ наслоеній, добираясь до ядра; иными словами, надо итти ретроспективнымъ путемъ, а для этого надо имѣть возможно больше сырого матеріала, собраннаго въ различныхъ мѣстахъ, чтобы путемъ сравненія выдѣлить наносное отъ основного.

Вотъ почему я рѣшаюсь внести скромную лепту въ изученіе быта болгарскихъ колонистовъ, тѣмъ болѣе, что В. Спасовичъ еще такъ недавно сѣтовалъ на то, что наше общество очень слабо по части знакомства съ бытомъ нашихъ братьевъ-славянъ, ихъ литературою, нравами и учрежденіями [3]). Начинаю я съ обрядовъ потому, что они, какъ и ритуальныя пѣсни, отличаясь косностью и консервативностью, полны пережитками и болѣе всего

---

[1]) Сборн. за нар. ум. наука и книж. 1889 г. I, 177.—Пр. Безсоновъ также жалуется на трудность получить свѣдѣнія отъ болгаръ. См. ibid. 34 стр.

[2]) При такомъ отношеніи населенія къ собиранію памятниковъ народнаго творчества тѣмъ сильнѣе долженъ я благодарить завѣдующаго кишлавскимъ минист. училищемъ Георгія Θеоктистовича Уралгина за его сочувствіе моей задачѣ и содѣйствіе лучшему ея выполненію, а также глубокоуважаемаго народнаго уч. Алекс. Ивановича Калинина и его сестру.

[3]) Вѣстникъ Европы 1898, X, 583.

сохранили слѣдовъ, освѣщающихъ намъ факты прошлаго и ихъ смыслъ полнымъ свѣтомъ.

Съ свадебныхъ обрядовъ я начинаю потому, что здѣсь у меня пока полнѣе подобранъ матеріалъ.

Жизнь болгарскаго колониста, какъ и русскаго поселянина, очень несложна, а чѣмъ проще формы, въ которыя выливается человѣческая жизнь, тѣмъ полнѣе и рельефнѣе выступаютъ ея рѣшительные моменты, которыхъ три: свадьба, рожденіе и смерть.

Всегда была и будетъ священна та минута, когда два человѣка даютъ торжественное обѣщаніе совершить рука объ руку весь жизненный путь. Но до этой минуты счастливая пара должна пройти сквозь цѣлый строй освященныхъ обычаемъ и этикетомъ установленій, разсмотрѣніемъ которыхъ мы и займемся, предпославъ краткій очеркъ характера отношеній между молодежью до женитьбы.

На этотъ счетъ у болгаръ въ силѣ самые суровые законы. Сближеніе между полами строго регламентировано извѣстными установленіями. Единственно, что парню дозволено внѣ ихъ,—такъ это попросить у идущей съ фонтана дѣвицы напиться изъ ведра воды; ни видѣться [1]), ни вступать въ разговоръ онъ не имѣетъ права, а дѣвушка видитъ въ парнѣ суроваго, далекаго отъ нея и даже страшнаго представителя силы, передъ лицомъ котораго можно находиться не иначе, какъ только стоя. Къ подругѣ, у которой братъ на возрастѣ, скромная дѣвушка не ступитъ и ногой.

---

[1]) Парень никогда не тронетъ и ничѣмъ не обидитъ дѣвушки; отъ ихъ отношеній вѣетъ трезвой чистотой. На первый взглядъ кажется, будто женщина у болгаръ находится въ приниженіи: еще недавно предъ мальчикомъ должны были подыматься почтенныя матроны,—теперь дѣвушки встаютъ предъ парнями, цѣлуютъ имъ руку (какъ то видно будетъ далѣе). Но на самомъ дѣлѣ мужчины вполнѣ удовлетворяются этими видимыми знаками почтенія, а фактически распорядительницей въ семьѣ является женщина. Мужъ, бьющій жену,—безпримѣрное явленіе. Напротивъ, онъ отдаетъ ей всѣ деньги вмѣстѣ съ подробнымъ отчетомъ своихъ расходовъ. Бѣда, если непроизводительно истрачена какая копейка: жена долго журитъ супруга, пока наконецъ тотъ философски не замѣтитъ: „стыга, марй, чѐ ше чу́jâт хóра, тâ ше сâ смеjâт за твá парáтыка рâбута („полно, жена, потому что услышатъ люди и будутъ смѣяться надъ этой пустой болтовней").

При такой строгой отчужденности между представителями различныхъ половъ внѣ обычая—они тѣмъ болѣе хранятъ въ чистотѣ и неприкосновенности тѣ установленія, гдѣ ближе можно узнать другъ друга. Это—„хóру“, „пупрéлки“, „дружйни“, „межâ“.

Хору.

Круглый годъ, за исключеніемъ постовъ, въ праздники и воскресные дни село послѣ обѣда представляетъ оживленную картину: со всѣхъ сторонъ стекаются удалые юнàки и чинныя „мóмите“, въ лучшихъ нарядахъ, на церковную площадь, или еще чаще на лужайку подъ горой, у фонтана. Здѣсь дѣвушки отдѣльно отъ парней составляютъ цѣпь; первыя берутся другъ съ другомъ за концы платка, а вторые прямо за руки. Затѣмъ составляютъ хороводъ, при чемъ соединительными звеньями между двумя цѣпями служатъ замужнія женщины, такъ какъ этикетъ запрещаетъ дѣвушкѣ и парню держаться не только за руки, но даже за одинъ платокъ. Въ средину „хòру“ входитъ „гайдарджія“ со своимъ инструментомъ [1]), и начинается танецъ, которымъ любуется толпа болгаръ всѣхъ половъ и возрастовъ. Танцуютъ подъ гайду и пѣніе [2]). Не отстаютъ отъ общаго веселья и дѣти, которыя смотрятъ на этотъ движущійся кругъ съ точки зрѣнія исключительно своихъ интересовъ, съ успѣхомъ эксплоатируя его для игры въ кошки и мышки. Сердятся дѣвицы на неугомонныхъ ребятъ, поминутно выбивающихъ у нихъ платокъ изъ рукъ, но не подаютъ и виду гнѣва, а сосредоточенно продолжаютъ плавное движеніе. Терпѣніе—достоинство, которое цѣнится парнями.

Зато замужнія женщины часто покрикиваютъ; „ми такá, брѐ!“ (не смѣй этого дѣлать), или пытаются пронять дѣтвору пословицей „шéга мéга — пу гол гѫз“, чтò походитъ на наше „шути, шути, да оглядывайся“, и означаетъ, что излишняя рѣзвость вле-

---

1) Гайда—національный болгарскій инструментъ, издающій рѣжущій ухо звукъ. Состоитъ онъ изъ козьей кожи, которая надувается черезъ трубочку, напоминающую нашу сопѣлку.

2) Хору зорко слѣдитъ за всѣми перипетіями общественной и семейной жизни, служа ея живымъ отголоскомъ: косятъ ли сѣно, собираютъ яблоки или близки свадьбы,—хору откликается пріуроченной сюда пѣснею, которая и поется только опредѣленное время.

четъ за собой непріятное прикосновеніе розги къ мягкимъ частямъ тѣла. Къ вечеру хору расходится, при чемъ Боже сохрани парню итти вмѣстѣ съ дѣвушкой. Послѣдняя съ подругами отправляется домой, а дома „недреманное око" старшихъ очень бдительно, и никакая Ганна не можетъ выйти къ своему Левку ни въ садокъ, ни за околицу, если бы даже хотѣла; но она и не захочетъ, потому что это значило бы пойти противъ освященныхъ временемъ, неписанныхъ, но свято хранимыхъ законовъ предковъ, оскорбить все село и подвергнуться всеобщему грозному осужденію.

Пупрéлки-те.

На исходѣ первой половины сентября, по окончаніи полевыхъ работъ, въ сумеркахъ, на улицахъ села можно видѣть тамъ и сямъ пылающіе костры. Отъ нихъ несутся взрывы смѣха, звуки незатѣйливой музыки и пѣніе, которое звонко раздается въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ; никакое болгарское сердце, а тѣмъ паче молодое, не устоитъ [1]) предъ чарующимъ призывомъ родной мелодіи, и поселяне все стекаются и стекаются къ кострамъ, образуя вокругъ нихъ плотное кольцо. По одну сторону огня располагаются на „прускефал'ахъ" (подушкахъ) или скамеечкахъ дѣвушки, опустивши глаза долу, и прядутъ пряжу. Напротивъ—парни, а между ними въ перемежку дѣти и женщины, которыя играютъ роль посредницъ въ разговорахъ, служа передаточными пунктами для рѣчей молодежи. Парень свободно говоритъ съ женщиной, а дѣвушка ограничивается на ея вопросы краткими отвѣтами, изъ которыхъ молодцамъ предоставляется самимъ заключать о характерѣ, вкусахъ и міровоззрѣніи дѣвицы. Доморощенные комики из-

---

[1]) Не даромъ въ одной болгарской пѣснѣ говорится, что даже монахъ, услыша дѣвичій звонкій голосъ, пожалѣлъ, что не слыхалъ такого пѣнія,

„До дѣ не бѣх покалугерил,
Покалугерил, име прѣмѣнил,
Дрѣхи прѣдрѣшил, дума потопил",

на что дѣвушка даетъ ему коварный совѣтъ:

„Хвърли гуния на жълта дуния
И калимавка в нова килия,
Та па си дойди кад мома Вела!"
(Сб. за нар. у́м. VIII, 238—239).

ощряются въ шуткахъ, — и время течетъ незамѣтно. Вотъ уже и вторые пѣтухи пропѣли, пора домой, а неугомонная молодежь еще долго сидѣла бы, черпая въ пѣснѣ отдыхъ отъ трудовыхъ дней.

Съ зимними холодами пупрѣлки прекращаются, и центръ сельскаго веселья переносится въ дома, къ теплымъ очагамъ. Собранія здѣсь бываютъ двухъ родовъ, отличныхъ по обстановкѣ, по смыслу и по характеру.

Дружѝни.

Старшіе уходятъ въ гости, въ домѣ собираются однѣ лишь дѣвушки, каждая съ собственной провизіей (хлѣбомъ) и принадлежностями для работы. Двери берутся на запоръ, и дѣвушки садятся за пряжу, которую изготовляютъ *для себя лично*. Ведутъ онѣ себя безъ парней сравнительно свободнѣе, живая бесѣда не умолкаетъ, и языкъ не уступаетъ быстрому веретену. Но хлопцамъ и здѣсь нужно посмотрѣть, у кого работа спорится, у кого рука ловчѣе и искуснѣе: и вотъ написанные мастерской рукой мороза узоры на стеклахъ оконца постепенно исчезаютъ подъ дѣйствіемъ дыханія и прикладыванія любопытныхъ носовъ парней. Они подпрыгиваютъ на стужѣ, но не отходятъ отъ окошка, услаждая обыкновенно слухъ дамъ своего сердца серенадами на музыкальныхъ инструментахъ и переходя поочередно отъ одной хаты къ другой. Дѣло къ полночи. Парни отошли отъ окна; подъемъ энергіи, вызванный присутствіемъ у окна зоркихъ глазъ, палъ. Наступила реакція, и вѣки дѣвушекъ смыкаются. Чтобы разогнать властный сонъ, онѣ поютъ [1]), а затѣмъ пускаются на выдумки и такъ говорятъ обыкновенно другъ другу:

---

[1]) Записывая пѣсни, я приложилъ возможное стараніе вѣрно и точно передать черты мѣстнаго народнаго говора, изображая и на письмѣ звуки такъ, чтобы они соотвѣтствовали живому произношенію. Для этого мнѣ пришлось ввести условныя начертанія, которыя и считаю долгомъ объяснить: 1) мягкость согласной обозначается значкомъ ', 2) мягкость гласной—іотомъ, 3) твердое „и" (какъ въ нѣмецкомъ Tisch) передается черезъ „ы", 4) потемнѣвшее „а," звучащее какъ нѣчто среднее между „а" и „ы",—черезъ â, 5) потемнѣвшее „е", среднее между „е" и „а", черезъ ê. 6) Звукъ средній между э и я изображается $\overset{\text{ə}}{\text{я}}$.

Вотъ для примѣра одна пѣсня, которую поютъ на „дружини". (Записана отъ Ксеніи Θеодоровой Маврешко, 15 л.).

Пручу́ла сâ я, ма̀лê$\overset{\text{ə}}{\text{я}}$,
Сулу́мка, ма̀лка дэвойка,

Чê хи је бя̀лу лӑцэ ту,
И хи сâ цъ̀рпи учѝ т$\overset{\text{ə}}{\text{я}}$,

— Про̀вуды ку̀кла за̀ вода.
— Ко̀лку ки́тки дунэ́с$^{э}_{я}$?
— Тэ́бе пэт и мэ́не пэт! (подъ числомъ этимъ подразумѣваютъ число намотанныхъ веретенъ).

И хи са̂ тэ̀н ки вѐж дя ту.
„Шу да си сто̀ря, ма̀лѐл$^{э}_{я}$,
Да зѐма̂ Сулу́мка, ма̀лка дэвойка?"
—„Си́пул$^{э}_{я}$, сину Студ̀ѐнэ,
Про́дай си, сину, има̀н я,
Та̂ гу сто́ри дрѐмна̂ дука̀та̂,
Та̂ фа̀ны хо́ра дюл'гэ́р$^{э}_{я}$,
Та̂ при́веды во́да през Балка̀н,
Та̂ сто́ри чюш'мѐ сре́барна̂
Са̂с мала́мяну чучю́р'ј̂ѐ,
Да варв'ѐт ма́лу и гуля́му,
Да глэ́да̂т чю́ду гуляму.
И мума̀ Сулумка шѐ до́йд$^{э}_{я}$,
И ты ј̂ѐ фа̀ны за ржка̂,
Та̂ ј̂ѐ на майци до́вэды
Майци хизмэ́т да вржсты".
И то́й си пруда́д$^{э}_{я}$ има́н'е,
Та̂ гу сто́ри дрѐмна̂ дука̀та̂,
Та̂ фа́ты хора дюл'гѐр$^{э}_{я}$
Та̂ прувѐд$^{э}_{я}$ во́да през Балкан,
Та̂ сто̀ри чюш'мѐ срѐбарна̂.
Са̂с мала̀мяну чучю́р'ј̂ѐ.
Варвяха̂ ма́лку и гуляму
Та̂ глэ́даха̂ чюду гуляму—
Мума̀ Сулу́мка пэ дойд$^{э}_{я}$.
—„Ма̀лѐл$^{э}_{я}$, ми́ла майчулэ!
Шю да си стор$^{э}_{я}$, ма̀лѐл$^{э}_{я}$,
Да зѐма̂ Сулу́мка, ма̀лка дэвойка?"
—Си́нул$^{э}_{я}$, си́ну Студ̀ѐнэ,
Про́дай си, сину, увцѐ тэ,
Та̂ гу сто́ри дрѐмна̂ дука́та̂,
Та̂ си фа́ны хора дюл'гѐр$^{э}_{я}$,
Да сто́р'ѐт цржкви гулэ́ми,
Да варв'ѐт малу и гуляму,
Да па́л'а̂т свѐшти на цржква.
Мума̀ Сулумка шѐ дойд$^{э}_{я}$
И ке свешт да па̀ли.
И ты ј̂ѐ, си́ну, фа̀ты за ржка̂,
Та̂ ј̂ѐ на майци довэды,
Майци ты хизмэт да вржсты".
И той си пруда̀д$^{э}_{я}$ увце тэ
Та̂ гу сто́ри дрѐмна̂ дука̀та̂,
Та̂ фа̀на хо́ра дюл'гэр$^{э}_{я}$,
Та̂ сто́ри цржкви гулэ́ми.
Варвяха̂ малу и гуляму,
Та̂ па̀лиха̂ свѐшти--
Мума Сулумка пэ уты́д$^{э}_{я}$.
Студ̀а̀н майци си гувор$^{э}_{я}$:
„Ма̀лѐл$^{э}_{я}$, мила майчулэ!
Шю да си стор$^{э}_{я}$, ма̀лѐлэ,
Да зѐма̂ ма́лка дэво́йка?"
Майка му ты́хум гувор$^{э}_{я}$:
—„Синул$^{э}_{я}$, сину Студ̀ѐнэ!
Сто́ри са̂, сину, жиф умрял;
Шѐ варв'ѐт ма́лу и гуляму,
Да пал'ѐт свѐшты—ламба̀ды
И мума Сулумка шѐ дойд$^{э}_{я}$
Свѐшт' да ты запа̀лы.
И ты ј̂ѐ за ржка̂ фаны
Та̂ ј̂ѐ на майци довэды,
Майци хизмэт' да вржсты".
И той са̂ сто́ри жиф умрял.
Та̂ ва̀рвяха̂ малу и гуляму
Та̂ палиха̂ свѐшти—ламба̀ды.
Мума Сулумка уты́д$^{э}_{я}$
Свешт да му запа̀лы.
И той ј̂ѐ фа̀на̂ за ржка̂
Та ј̂ѐ на майка ду̀вѐд$^{э}_{я}$,
Майци му хизмэт да вржсты.

По другой записи конецъ таковъ:

И той ј̂ѐ фа̀на̂ за ржка̂
Чѐ на попувя гувор$^{э}_{я}$:
„Попувя вія д'ј̂яковя,
Н$^{э}_{я}$ пейт$^{э}_{я}$ на препяван'ја,
Ми пейт$^{э}_{я}$ на вяччаван'ја.

Прэ́ды, да прјадэ́м!

Или:

— Хурнэ́ пàда!—Дэ пàда?—На край сѐлу.—Шу си ймаш шу си нѐмаш?—Имам си ймам (число) пулатки, (число) пѐтелы, стàрка и старец.

Смыслъ этого тотъ, что „хурнэ́" представляется павшимъ въ домъ, гдѣ есть извѣстное число сыновей (пѐтелы), дочерей (пулатка) и старшихъ (старецъ и старка). Подруга должна угадать, на чью семью загадываетъ задавшая ей эту мудреную задачу. И такъ какъ всѣ знаютъ точное число членовъ всѣхъ семействъ на селѣ, то загадка разрѣшается послѣ нѣкотораго напряженія памяти, которое разгоняетъ усталость. Потомъ переходятъ къ другимъ загадкамъ, содержаніе которыхъ берется преимущественно изъ домашняго хозяйства, напримѣръ:

1) Аннò йма тâркâл'цѐ, гж гу тỳпнэш, вйка: тилиляй, тилиляй [1]).

2) Тя́снâ яслâ—бя́сна кỳчка лàяшê [2]).

3) Ду́рлю ревэ́ на дурлюва барчйна, чỳхâ гу кушỳты-тэ, свàлихâ си ругàты-тэ [3]).

4) Тỳа бỳба, тàм бỳба,—лэ́гна буба, тâ заспà [4]).

Когда и это средство не дѣйствуетъ, то принимаются за сказки, предисловіемъ къ которымъ всегда служитъ веселый и задорный призывъ одной изъ работающихъ:

Кàзувайтэ прйказки, дòказки! Ѐлен' [5]) хòди пу бжрду, тыква нòси

---

1) Сито.

2) Тѣсныя ясла—(въ нихъ) бѣшеная собака лаяла, т.-е. станокъ для трепанія льна и конопли.

3) Это иносказательно значитъ: когда женщины услышатъ звонъ къ вечернѣ, то складываютъ свои „хỳрки", т.-е. приборы для пряжи.

4) Метла.

5) Къ народнымъ преданіямъ болгаръ принадлежатъ повѣрья о такъ называемыхъ „èлини", т.-е. исполинахъ. Преданія объ особенныхъ людяхъ, то чудовищно большихъ, то о карликахъ, ростомъ „съ пальчикъ", присущи не однимъ болгарамъ, а и евреямъ (Бытіе VI, 4), грекамъ (гиганты, титаны, циклопы), всѣмъ славянамъ (см. М. Драгомановъ, Малор. нар. пред. К. 1876 г. 283; П. Чубинскій, Труды этн.-стат. эксп. С.-П. 1872 г. I, 40 и 216; Гильфердингъ—Этногр. сб. V, 65—67; Krek, Enleit. in die sl. Lit. 1887 г. 704, 734) и туркамъ. А. Иліевъ въ статьѣ „Българск. прѣдания за исполини, нарѣчени елини, жидове и латини" (Сб. за н. ум. н. и кн. III, 179—205) приводитъ

за поясъ. Пр҄жннâ ѐлен҄, разбú ты́ква, ударисâ в чѐлу-ту, собрàхâ сâ сѐлу-ту! (Сказывайте сказки, присказки! Елень ходитъ по горамъ, тыкву носитъ за поясомъ. Пер... елень—разбилъ тыкву; та хвать его во челò, собралося все селò).

М е ж â.

Совсѣмъ другой характеръ носитъ межâ [1]). Слово это—терминъ юридическій, означающій особый видъ взаимопомощи, когда крестьянинъ по уважительнымъ причинамъ не можетъ самъ справиться съ косовицей, уборкой хлѣба и т. п., и село „міромъ" помогаетъ ему. Точно такъ хозяйка дома приглашаетъ на долгую зимнюю ночь къ себѣ дѣвушекъ, которыя работаютъ пряжу *на нее*, а взамѣнъ этого получаютъ даровую ѣду [2]), угощеніе и возможность посмотрѣть парней и себя показать. Дѣло въ томъ,

---

рядъ наглядныхъ примѣровъ, гдѣ собственныя имена дикихъ варваровъ перерабатывались съ теченіемъ времени фантазіей тѣхъ народовъ, на которыхъ эти варвары наводили ужасъ, въ нарицательныя имена со значеніемъ страшныхъ исполиновъ и великановъ: обри—у западныхъ славянъ; чуди (штоудъ) у болгаръ; татары—у влаховъ; хунни (Hünen)—у германцевъ; этимъ же процессомъ объясняется и слово „елини" изъ ἕλληνες, которое сперва отождествилось съ язычниками, идолопоклонниками, а потомъ съ врагами Бога, злыми духами, исполинами.

[1]) Въ самой Болгаріи термины „сѣдѐнки, посѣдѐнки, попрѐлки, прелкитѣ" очень спутаны и употребляются одинъ вмѣсто другого. (См. Сб. за нар. ум. VIII, 235; IX, 37—39). Къ нашей межâ больше всего подходитъ „тлъката" сопоставляемая г. Волковымъ съ „помочь" (великор.) и „толока" (малор.), которою такъ злоупотребляютъ въ послѣднее время на Украинѣ крупные хозяева, священники и мелкіе землевладѣльцы. Въ Ахж-Челебийско пупрелки, даже утратили свой общественный естественный характеръ, обратившись въ искусственный способъ выбиранія невѣсты, служащій интересамъ одного. Юноша проситъ родню позвать приглянувшуюся ему дѣвушку съ подругами для работы, пѣнія и игры, и приходитъ самъ. Расходятся лишь послѣ пѣтуховъ подъ пѣснь „Пеáтли пеíоăт соăвнува...", и парень сообщаетъ старшимъ въ домѣ о произведенномъ дѣвушкой впечатлѣніи. (Сб. за нар. ум. IX, 32).

Изъ такой неопредѣленности терминовъ для собраній молодежи въ Болгаріи и изъ отмѣченнаго измѣненія самого характера и цѣлей попрелокъ можно заключить, что и самые обычаи эти въ метрополіи потемнѣли, сохранившись въ бóльшей чистотѣ у кишлавскихъ колонистовъ.

[2]) Столъ для нихъ накрывается два раза, при чемъ ѣдятъ только работницы, а парни и не приглашаются хозяйкой раздѣлить съ ними трапезы.

что сюда сходятся и парни [1]), и тутъ-то всего ближе узнаютъ дѣвушекъ, которыя на этотъ разъ особенно слѣдятъ за собой: не могутъ ни высморкаться, ни перемѣнить положенія пересиженной ноги, ни смѣяться, а только сидятъ съ низко надвинутыми на лобъ платками и слушаютъ. По ихъ собственному признанію послѣ такого вечера спина и шея деревенѣютъ отъ усталости и напряженія. Такимъ образомъ въ „межâ" ясно видно сліяніе экономическаго учрежденія съ обрядовымъ установленіемъ, напоминающимъ малорусскія досвитки.

При входѣ представителей главенствующаго пола всѣ дѣвушки въ знакъ почета встаютъ и садятся лишь тогда, когда усядутся у лавки возлѣ двери ихъ усатые собесѣдники.

Всѣ являются въ лучшихъ одеждахъ, дѣвушки въ бѣлыхъ „хустан'эхъ", съ искусственными цвѣтами въ волосахъ. Сперва идутъ разговоры и шутки опять-таки не между молодежью непосредственно, а черезъ замужнихъ женщинъ. Парни угощаютъ работающихъ хозяйскими пряниками, орѣхами и конфектами, за что, по требованію этикета, дѣвушки должны цѣловать имъ руку. Въ противномъ случаѣ всякій скажетъ, что у ней „аннâ дъска йма яксик" (не достаетъ одной клепки). Затѣмъ составляютъ подъ звуки гайды или гармоніи „хôру", во время котораго для экономіи мѣста берутся не за руки, а за пояса въ вышеописанномъ порядкѣ. Кутерьма подымается невообразимая; на смѣну опять работаютъ. Затѣмъ парни въ одиночку отплясываютъ залихватскій танецъ.

Расходившаяся молодежь дѣлается смѣлѣе,— парни бросаютъ въ своихъ безотвѣтныхъ зазнобушекъ конфектами и орѣхами, причемъ по общему безмолвному соглашенію считается за законъ: сила удара прямо пропорціональна степени любви. Вслѣдствіе этого нерѣдко, говорятъ дѣвушки, приходится возвращаться домой съ синякомъ, краснорѣчивымъ послѣдствіемъ возбужденнаго ею въ чужой душѣ чувства.

---

[1]) Если кого изъ нихъ не впустятъ или чѣмъ рассердятъ, то они пускаются не на такія добродушныя шутки, какъ, напр., подражаніе реву скотины, на который выбѣгаетъ встревоженная хозяйка и т. обр. по неволѣ отворяетъ дверь непрошеннымъ посѣтителямъ (Сб. за н. ум. VIII, 38), но мстятъ тѣмъ, что ломаютъ ворота.

По просьбѣ присутствующихъ дѣвушки начинаютъ пѣсни, на которыхъ лежитъ печать чистаго первоначальнаго младенчества. Приведу одну изъ любимыхъ на межâ пѣсенъ, которая говоритъ намъ о томъ времени, когда дѣвушку выдавали замужъ безъ ея согласія.

Стȁнулê, марѝ хȗбава!
Тâ катȗ сядыш, Стȁнулê,
На тѫва межâ гуляма,
Гуляма, Стȁну, булярска,
Булярска тâ чурбажѝйцкâ,—
У вас, Стȁнулê, дойдѫхâ
Пѫлнâ кѫшта-тâ сеймен'ја
Та тэ̀бе, Стȁну, главяхâ.
За найкȁлку ту сейменча.
Тȁтку ты равон' брујешê,
Братяц ты свештâ даржèшê,
Сэ̀стра ты рѫкâ лю̀бяшê,
Майка ты дȁрба дарѐшê.
И Станка хи сâ нажолы.
(Расплэ̀тѫ кȍса ду зѐмя
Издȁдэ гласје ду нѐба) [1]).
И стȁна та си утѝдэ,
Чê на вратȁ-тâ пустујè,
Пустује та хи пуслушâ,
Пурунѝ сѫлдзи два рэ̀да,
Чê си в градѝнка прерѝпнê,
Чê си па слѝвка гувȍрѫ:
„Сливкулê, пусѐстринкулê!
Свѐди си, сливку, вржш'је ту
Да си пояс âт наключȏ
Да си са самâ ȍбясэ“.
Сливка си свэдѫ вржш'је ту
Тâ си наклю̀чи пояс âт,
Та си сâ самȁ убѐси.

(Записана отъ Степаниды Ѳеодоровой Маврешко, 46 л.).

Послѣ этого принимаются за „надпя̀ванье“, т. е. за пѣсни, гдѣ выливается продуктъ наблюдательности молодежи надъ тѣмъ, кто съ кѣмъ „сâ загȁлыли“ (т. е. кто кого любитъ). Для этого въ пѣснѣ подставляютъ имя парня и дѣвушки, которые или нравятся другъ другу, или, по мнѣнію поющихъ, подходятъ одинъ къ другому. Вотъ, напримѣръ, двѣ пѣсни на такой случай [2]):

1.

Тâ кой рȁны рану ф недэлѫ
Тâ пречэ̀рпи студэнâ тâ вȍдâ?
—Мария (или другая) рани рану ф педэлѫ
Тâ пречэрпи студэнâ тâ водâ.
Тâ кȍму јê пудыр̀ѫ нȍсешê?
—Пудырюм јê Ныколум носешê
Ји му юдгувȍрѫшê:
„Я стой-пастой, любялѫ Ныкола,
Дâ напиѐм студэна̀ тâ водâ.
Дâ нѫ рячэш, волюлём, за вода,
Ми да рячэш, волюлём, за любя.
На здрав'је ты, любялѫ Ныкола,
Ут цѫ̀рны тэ очи цȁрнȍки,
Ут тэн'ки тэ вѐжде склю̀чены“

[1]) Эти стихи добавляетъ дочь Степ. Маврешко—Ксенія.

[2]) Записаны съ голоса дѣвушки 18 л., Елены Георгіев. Маврешко.

2.

Си́н'у ми цве́т'je цветэ́ше
Междю́ два дола̂ да̂лбо̂ки
Междю че́т̥ри широ̂ки
—Та̂ кой цвет'jê-ту бярэ́ше?
Дина цвет'jê-ту бярэше,
Дур двѣ гу кітки віеше:
Янна̂ та̂ сама носеше,
Друга та̂ Стуя́нум да́ваше,
Оштэ му юдгувор̥ше:
„Носи любя̥ да носим,
Дудэ́ см̥ мла́ды з̥лэни;
Тва ти на здрав'je, Студеня,
Ут цжрны-тэ очи ца̂рноки,
Ут тэн'ки-тэ вежде склюцены".

Иногда бываетъ, что поющіе и вѣрно подмѣтятъ симпатію двухъ сердецъ, но отъ смущенія ни парень, ни дѣвушка не благодарятъ поющихъ. Тогда слышатся голоса старшихъ: „ха̂, мо̂мэ (имя), дай здравие", или „дай, момче, здра́вия" (благодари), на что парни, не желая обнаружить свои чувства, увертливо отвѣчаютъ: „чэ́сти ты мра́виê" (тьму муравьевъ тебѣ за это), или „я гу забравих" (забылъ я слово „благодарю").

Какимъ-то образомъ зашла сюда и одна русская пѣсня; однако ея никогда не запоютъ при всѣхъ, а дома, наединѣ, осмѣливаются выкрикивать и эту quasi-пѣсню,—продуктъ рифмачества россійскаго барда, напитаннаго фабричной или кабацкой цивилизаціей,—которую я и приведу здѣсь [1]):

За стѣничка̀ми, за дверичка̀ми
Стоитъ кривать съ подушичка̀ми.
На той кривати (имя) лежала,
На правой ручку дитё диржала.
Пришелъ (имя) съ кабакъ пьяный.
—„А стань-ка (имя), атвари двери!"
И (имя) встала, й будто не спала.
Исгирнула (имя), поцалувала.
Люблю я ви́но,
Люблю я грушу,
Люблю я (имя),
Какъ сво̀я ду́ша.

Бываетъ, что если пѣвуньи попали вѣрно, если угадали любящуюся пару, то послѣдніе подымаются и съ поклономъ отвѣтствуютъ: „да стэ здрави" (спасибо).

---

[1]) Пѣсню эту распространили за послѣдніе годъ—два тѣ же русскіе мастеровые, которые ввели и гармонику.

Безъ этой части собранія веселье для молодежи кажется неполнымъ [1]), и они не расходятся по домамъ. Но и послѣ надпяванья парней ждутъ еще пріятныя минуты. Смекнувъ, чьи сердца лежатъ другъ къ другу, женщины насильно выхватываютъ „ки́тки“ отъ дѣвушки и передаютъ парню, который сейчасъ же и показываетъ, насколько дорога ему обладательница цвѣтка: если даръ угоденъ ему, онъ кладетъ его за ухо, въ противномъ же случаѣ зажимаетъ въ рукѣ или засовываетъ въ карманъ.

Послѣ этого удовлетворенные парни начинаютъ расходиться, а затѣмъ отдѣльно отъ нихъ и дѣвушки; нѣкоторыя остаются ночевать у хозяевъ. О томъ, чтобы различные полы спали вмѣстѣ по парамъ, какъ-то бываетъ, по словамъ г. Боева [2]), въ Болгаріи, здѣсь и не слыхано. Вообще, судя по описаніямъ, въ метрополіи болгарскихъ колонистовъ уровень нравственности стоитъ ниже [3]): существуетъ, напримѣръ, побратимство и посестримство, которое служитъ лишь прозрачной занавѣской свободныхъ половыхъ отношеній до брака [4]).

Однако, характеръ всѣхъ бѣгло описанныхъ выше деревенскихъ сборищъ даетъ молодежи мало возможности узнать другъ друга и дѣлать выборъ. Правда, парни и здѣсь, и на полѣ, и на току присматриваются къ усердію и качеству работы дѣвушки, но

---

1) Какъ хочется каждому, чтобы его „надпявали“, видно изъ описанія свадьбы отъ Разложко въ Сб. за нар. ум. VIII, 39. Приведенный здѣсь разговоръ такъ типиченъ для кишлавскихъ болгаръ, что я приведу его здѣсь въ переводѣ: *хозяйка*: Гайда, дѣвушки, спойте каждому пѣсню, чтобы они уходили. —„Мы не знаемъ, кто кого желаетъ, чтобы намъ спѣть о нихъ“, отвѣчаетъ стыдливо какая-либо изъ дѣвушекъ. „Ахъ ты!..—съ укоризной вскрикиваетъ какой-либо ухарь,—а я развѣ не хочу тебя, а?! Чего-жъ ты лжешь! Не считывала ты развѣ, сколько разъ я пилъ изъ твоихъ ведеръ воду?..“ Комната наполняется шушуканьемъ и смѣхомъ. „Ни разу!“—отчаянно успѣваетъ воскликнуть зардѣвшаяся красавица и, вся пунцовая отъ срама и смѣха, закрываетъ глаза руками и со всѣхъ ногъ бросается въ другую комнату. Развеселившіеся парни сгоряча осмѣливаются не только обращать рѣчь прямо къ дѣвушкамъ, но даже тушить лампу въ комнатѣ.

2) См. Сб. за нар. ум. VIII, 239. Сб. мат. по этн., изд. при Дашк. Этн. Муз. I (1885).

3) Сб. за нар. ум. VIII, 236—238.

4) Любопытныя свѣдѣнія о посестримствѣ на Кавказѣ, а также въ Сербіи, гдѣ парень и дѣвушка цѣлуются сквозь вѣнокъ изъ ивовыхъ вѣтокъ, можно найти въ статьѣ Волкова (ibid. 242—243).

для провѣрки своихъ наблюденій имъ сплошь да рядомъ приходится обращаться за совѣтомъ къ сестрѣ или родственницѣ, которыя своей рекомендаціей и рѣшаютъ окончательно выборъ молодого человѣка. Но вотъ нетерпѣливому парню не въ мочь таить свое чувство, хочется открыть ретивое,—déclaration d'amour болгарскихъ Ромео и Джюльетты несложно: лишенный возможности сказать объ этомъ лично, Ромео прибѣгаетъ или къ символическому языку бросаемыхъ орѣховъ и конфектъ, или опять таки къ содѣйствію замужней родственницы.

Подводя итоги сказанному, можно думать, что хотя у болгаръ и нѣтъ той строгой соціальной организаціи молодежи, которая наблюдается у малороссовъ и переноситъ насъ въ область глубокой доисторической старины, но и у нихъ существуетъ нѣчто въ родѣ „дівоцькой и парубоцькой громады", какъ двухъ классовъ, держащихся совершенно обособленно: члены различныхъ лагерей не говорятъ другъ съ другомъ, сидятъ совершенно отдѣльно, каждый имѣетъ нѣкоторыя, только ему принадлежащія права и правила этикета. Эти намеки на организацію обращаются въ несомнѣнные факты, если принять во вниманіе время колядокъ, когда дѣвушки и парни имѣютъ свои отдѣльныя собранія, пиры, когда парни избираютъ „царя" и „главу". Проф. Сумцовъ въ своихъ сочиненіяхъ [1]) проводитъ мысль, что рѣзко выраженная организація малорусской молодежи и совмѣстное спанье дѣвушекъ и парней безъ особыхъ вольностей послѣ досвитокъ и посидѣлокъ—остатки болѣе древняго и менѣе цѣломудреннаго обычая, когда свободою половыхъ отношеній пользовались для испытанія способности дѣвушки къ продолженію рода. Но въ обычаѣ этомъ, по мнѣнію г. Волкова, надо видѣть остатокъ не „пробныхъ ночей", а „коммунальнаго брака". Въ описанныхъ мною собраніяхъ молодежи нѣтъ главной черты, обусловливающей выводъ гг. Сумцова и Волкова— сравнительной свободы въ отношеніяхъ между полами, этого „Богу и человѣкомъ ненавистнаго бѣснованія", а потому, если и можно пѣніе и пляску у огня съ остатками довольно опредѣленной организаціи возводить вслѣдъ за г. Волковымъ къ древнѣйшимъ формамъ брака, то лишь съ оговоркой: они суть остатки

---

[1]) Досвѣтки и посидѣлки. Кіевъ, 1886 г. стр. 10—11. Культурныя переживанія. К. 1890 г. стр. 180—189.

сѣдой старины, совершенно утратившіе свой первоначальный смыслъ и получившіе назначеніе доставить молодежи возможность веселья и выбора подруги жизни.

Иногда починъ въ выборѣ дѣлается со стороны дѣвушки: полюбивъ парня, она поручаетъ самому вѣрному другу (подругѣ, теткѣ или брату, взявъ съ нихъ слово хранить отвѣтъ въ тайнѣ) оффиціально сказать молодцу: такая-то желаетъ имѣть тебя мужемъ. Такой поступокъ дѣвушки отчасти напоминаетъ болгарскую „прйстанку“ [1]) и аналогичный ей особый видъ брака на Украинѣ, описанный Бопланомъ [2]).

Но обыкновенно первый шагъ принадлежитъ парню, который заранѣе справляется черезъ надежныхъ людей, какъ будетъ встрѣчено его предложеніе, и, смотря по отвѣту, или благоразумно отступаетъ, или дѣлаетъ рѣшительный шагъ, т. е. проситъ родителей о формальномъ сватовствѣ, къ описанію котораго мы и перейдемъ.

Б. Обряды до свадьбы.

Приподнявъ край завѣсы, скрывающей отъ насъ сѣдую старину, мы прочтемъ, что еще индійская народная мудрость и религіозныя воззрѣнія, поскольку они выразились въ священныхъ Ведахъ, въ семьѣ видѣли реальное осуществленіе идеи троичнаго Бога, а человѣка, имѣющаго потомство, считали безсмертнымъ.

Богатые источники болгарской народной литературы, отражая въ своихъ чистыхъ водахъ культурную жизнь и взгляды этой вѣтви славянскаго племени, скажутъ намъ, что и западные болгары неженатаго мужчину не считаютъ даже за человѣка, уподобляя его пню обгорѣлому [3]).

Въ Кишлавѣ бракъ точно также считаютъ чѣмъ-то обязательнымъ и неизбѣжнымъ: даже выборъ подруги жизни, по ихъ мнѣнію, зависитъ не отъ самого человѣка, а отъ высшаго существа, которое каждому предназначаетъ спутника еще на порогѣ

---

1) Сб. за нар. умотв. VIII, 228—229.

2) Ibid. III, 147—8.

3) См. *Мариновъ* Изслѣд. о зап.-болг. обычаяхъ. Жива Старина 1892 г. III, 5. См. статью почтеннаго изслѣдователя свадебныхъ обрядовъ славянскихъ народовъ *Ѳ. Волкова*. Сб. болг. М. Н. Пр. кн. XI, 473—4. Здѣсь же приведены взгляды на бракъ народовъ восточныхъ, классическихъ и др.

жизни, при появленіи ребенка на свѣтъ, черезъ таинственныхъ „нарачницъ", незримо опредѣляющихъ у родильнаго ложа судьбу новаго обитателя міра печали и слезъ. И ничьи козни не въ силахъ помѣшать выполненію ихъ предначертаній. Такъ, въ селѣ разсказываютъ сказку объ одномъ богатомъ касапинѣ (мясникѣ), который, покупая скотъ на убой, остановился на ночлегъ у бѣдняка, жена котораго только что родила мальчика. Всѣ заснули, а касапинъ подслушалъ совѣщаніе трехъ нарачницъ, изъ котораго понялъ, что и его жена разрѣшилась въ эту ночь дѣвочкой, и что новорожденному бѣдняку было наречено стать супругомъ касапинской дочки и владѣть его богатствомъ. Не по вкусу пришелся богачу такой суженый его дѣтища, и укралъ онъ дитя и покинулъ въ глухомъ лѣсу. Здѣсь кормила его коза [1]), пока, наконецъ, на ея тощее вымя не обратилъ вниманія удама̀нинъ (старшій надъ стадомъ) и не выслѣдилъ виновника непонятнаго явленія, которому далъ имя Найденъ. Къ стаду пріѣхалъ злой касапинъ и, узнавъ изъ разговоровъ въ юношѣ Найденѣ брошеннаго имъ ребенка, рѣшилъ погубить его, для чего отправилъ домой съ письмомъ, заключавшимъ въ себѣ приказъ убить посланника. По дорогѣ какой-то старичекъ прочелъ письмо Найдена и измѣнилъ текстъ въ томъ смыслѣ, чтобы его перевѣнчали съ дочерью касапина. Великъ былъ гнѣвъ послѣдняго, но жена сослалась на полученный приказъ. Тогда мясникъ далъ строжайшее приказаніе слугамъ своей бойни убить перваго, кто утромъ слѣдующаго дня явится въ бойню, убить, не глядя на него, и бросить въ печь. А зятю онъ велѣлъ чуть-свѣтъ пойти на бойню и взять мяса, чтобы какъ можно раньше приготовить изъ него на дорогу провизію. Два раза вставалъ Найденъ еще ночью, чтобы исполнить порученіе, и два раза, лежавшая около него жена не пускала его. Касапинъ же, горя нетерпѣніемъ посмотрѣть на обгорѣлыя кости зятя, самъ попалъ въ ловушку и очутился въ печи вмѣсто Найдена [2]).

---

[1]) Мотивъ о выкармливаніи козой и др. животными см. у *Потанина*. Восточные мот., стр. 238, 625—6.

[2]) Кромѣ того, въ Кишлавѣ передаютъ, какъ фактъ, дѣйствительно имѣвшій мѣсто, подобный же случай, когда одинъ „праматарь" подслушалъ голосъ нарачницъ, опредѣлившихъ родившуюся дѣвочку ему въ жены. Не желая ждать такъ долго, онъ посадилъ новорожденную на колъ и убѣжалъ. Къ счастью,

Конечно, не всякому удается подслушать имя своей суженой, а потому парень не зѣваетъ и недреманнымъ окомъ слѣдитъ за выраженіемъ лица дѣвицы во время упомянутаго уже „надпяванья“ или „грабуванья китки“ [1]) женщинами и передачи этой китки парню. Надо, впрочемъ, замѣтить, что, кромѣ этого потемнѣвшаго намека на былое насиліе, которое, собственно говоря, теперь является даже не насиліемъ, во-первыхъ, потому, что приходитъ на выручку молодежи, не имѣющей при строгомъ сельскомъ режимѣ иныхъ средствъ обнаружить свои симпатіи, а, во-вторыхъ, потому, что женщины удивительно удачно угадываютъ, чьи глаза чаще всего мерещатся дѣвушкѣ,—кромѣ этого блѣднаго отголоска насилія надъ дѣвичьей волей, кишлавцы не распоряжаются своими дочерьми ad libitum и вполнѣ разумно предоставляютъ имъ, напримѣръ, свободу выбирать мужа по желанію. Это, конечно, не исключаетъ возможности родителей участвовать въ этомъ важномъ вопросѣ совѣтомъ, особенно когда партія совсѣмъ неравна по состоянію или положенію въ селѣ. Даже парень, болѣе самостоятельный, чѣмъ дѣвушка, членъ семьи, слышитъ материнскіе совѣты, въ родѣ тѣхъ, что увѣковѣчены одной болгарской пѣсней:

„Но послушай, синко, що ща да ти кажем:
Помни коги влезнеш у мѫштини двори,
Да не гледаш кѫща дали ѥ голема,
Но ти гледай, синко, даль ѥ пометена;
И не гледай дрехи, ако мома има,...
Но ти гледай памет (умъ) ако она имат,
Защ' това ѥ, синко, голѣмо иманѥ [2]).

остріе задѣло только кожу на боку, и праматарь, которому долго не везло въ женитьбѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ по рубцу на боку своей жены узналъ въ ней ту, на чью жизнь покушался. Любопытно сравнить это со взглядами малороссовъ (Сб. М. Н. Пр. XI, 474) и китайцевъ (F. Liebrecht, Zur Volksk. стр. 358—Die Ehen werden im Himmel geschlossen).

[1]) Такое ритуальное насиліе, въ которомъ г. Волковъ видитъ символизацію прежняго увода невѣстъ, встрѣчается у зырянъ, кореловъ и др. и, по объясненію проф. Потебни, въ данномъ случаѣ похищаемый предметъ замѣняетъ собою саму обладательницу его. См. статью *Волкова* въ болг. Сб. М. Н. Пр. VIII, 231 и XI, 491—493.

[2]) *Миладин*. № 328.

Къ чести болгаръ надо сказать, что у нихъ вообще господствуетъ культурный взглядъ на права дѣвушекъ въ вопросѣ, ихъ, главнымъ образомъ, касающемся, и „актъ годежа у нихъ не можетъ произойти безъ согласія дѣвушки“ [1]).

Судя по упоминаніямъ въ описаніяхъ болгарскихъ свадебъ, изъ десяти мѣстностей Болгаріи [2]) въ семи выборъ предоставляется дочери. Если даже предположить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда ее спрашиваютъ въ присутствіи сватовъ, опрашиваніе это дѣлается лишь для внѣшняго соблюденія формальности, и тогда останутся горячія заявленія, что все дѣло зависитъ главнымъ образомъ отъ дѣтей, а не отцовъ (Дебърско, Перущица, Битолско и др. [3]).

Изъ остальныхъ трехъ округовъ лишь два (Ахж.-Ч. и Разложко) [4]) рѣшительно заявляютъ о томъ, что согласіе дѣвушки не необходимо. Да и то значеніе второго смягчается наличностью особаго условія: власть отца выдвигается тогда, когда онъ вводитъ зятя въ свой домъ, передаетъ ему все свое хозяйство съ тѣмъ, чтобы онъ на старость всѣхъ ихъ кормилъ.

Печальная вообще повѣсть болгарскихъ пѣсенъ въ данномъ вопросѣ нарисуетъ намъ несравненно болѣе свѣтлую картину, чѣмъ пѣсни великорусскія, гдѣ насильно выдаютъ за „чужого чужанина“, и гдѣ первые шаги замужества связаны съ дракой, кнутомъ и заигрываніями свекра [5]).

Правда, К. Иречекъ въ своихъ „Cesty po Bulharsku“ замѣчаетъ, что въ Брѣзничко и другихъ мѣстностяхъ мнѣнія моло-

---

[1]) См. д-ръ *В. Балджиевъ*, въ Сб. М. Н. Пр. VII, 118. Здѣсь же приведены указанія на пѣсни съ отголосками противоположныхъ взглядовъ.

[2]) Источникомъ мнѣ служилъ матеріалъ въ болг. Сборн. М. Н. Пр. кн. 1—XV, хотя нельзя не сказать, что на каждомъ шагу приходилось чувствовать недостаточность его для яснаго пониманія многихъ явленій, особенно когда надо бы было привлекать свѣдѣнія о способахъ веденія хозяйства, главномъ занятіи той или иной мѣстности, взглядѣ на женщину и ея чистоту, о возрастѣ брачущихся; указанія на это во многихъ случаяхъ были не достаточно полны.

[3]) Сб. М. Н. Пр. VII, X, XII.

[4]) Id. IX, VIII. Описаніе свадебъ.

[5]) См. *Волкова* въ Сборн. М. Н. Пр. XI, 475. Хотя надо замѣтить, что „однѣ“ пѣсни въ данномъ случаѣ надо привлекать съ осторожностью, помня возможность перенесенія литературныхъ мотивовъ и общія мѣста пѣсенъ, служащія однимъ изъ изобразительныхъ средствъ народнаго творчества.

дыхъ не спрашиваютъ, но это исключеніе объясняется еще дѣтскими лѣтами жениха (15 — 18), дающими основаніе заподозрить здѣсь слѣды снохачества.

Что касается болгарскихъ поселенцевъ Бессарабіи, то у нихъ судьба дочери зависитъ отъ родителей, и объяснить это надо, по мнѣнію профессора Богишича, вліяніемъ окружающихъ ихъ великорусскихъ раскольниковъ [1]). Главнымъ препятствіемъ для брака въ Кишлавѣ можетъ служить родство между любящими. Недавно еще дѣтямъ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ не позволяли жениться; запрещенъ былъ и бракъ между молодыми, которые имѣли одного и того же крестнаго отца. Бракъ между родственниками не остается безъ наказанія. Такъ, по преданію, поженились однажды родственники, но въ селѣ имъ не было житья. Удалились они въ лѣсъ, выстроили себѣ домъ и наслаждались счастьемъ. Пришелъ разъ къ нимъ Господь, понравилось Ему ихъ житье-бытье, и Онъ спросилъ ихъ о причинѣ такого уединенія. „Мы—родня", услышалъ Онъ въ отвѣтъ: „насъ пугали, что не будетъ ни дѣтей, ни добра, а между тѣмъ все это есть, а потому всѣ россказни односельчанъ нашихъ — пустяки". Господь вышелъ отъ нихъ,—домъ загорѣлся, и все погибло въ пламени.

Хотя надо замѣтить, что нивеллирующее вліяніе времени успѣло сильно подточить строгіе взгляды на этотъ счетъ,—и молодежь, къ ужасу стариковъ, смѣло вступаетъ въ бракъ, лишь бы онъ разрѣшался церковными правилами. Въ самой Болгаріи, по словамъ г. Бобчева, народная традиція не допускаетъ даже брака между дѣтьми, крещенными въ одной водѣ. Объясненіе такимъ взглядамъ надо, по мнѣнію г. Волкова [2]), искать въ продолжительномъ господствѣ экзогаміи, столь естественной въ странѣ, гдѣ семейная община держится до сихъ поръ.

Но врядъ-ли здѣсь нужно видѣть переживаніе столь отдаленной эпохи. — Съ принятіемъ христіанства, какъ мы знаемъ, наблюдается два переплетающихся теченія. Съ одной стороны, остатки язычества, разбѣгаясь, какъ туманъ отъ солнечныхъ лучей, подъ яркимъ свѣтомъ христіанской культуры, спѣшили пріютиться, становясь подъ знамя христіанства: такъ, напр., нѣко-

[1]) См. *Волкова* въ Сб. М. Н. Пр. XI, 476.
[2]) Ibid. 490.

торые христіанскіе праздники покрыли собою языческіе, такъ языческій обрядъ побратимства [1]) принялъ христіанскую окраску. Съ другой стороны, церковныя правила, перейдя въ массу, получили развитіе въ народно-христіанскомъ обычаѣ. Въ данномъ случаѣ народъ расширилъ [2]) рамки духовнаго родства, ставимаго церковью выше плотского.

Расширеніе это могло имѣть и реальныя основы. Чтобы понять это, вспомнимъ, что и теперь еще крестьяне часто приходятъ съ ребенкомъ, но безъ кума и кумы. Вотъ и приходится становиться сыну или дочкѣ священника и воспринимать всѣхъ принесенныхъ. Въ Болгаріи же, по разсказамъ хотя бы кишлавцевъ, у нихъ не было постояннаго священника, а таковой наѣзжалъ весьма рѣдко и невзначай. Тогда всѣ спѣшили къ нему съ новорожденными, боясь, чтобы они не умерли некрещенными, и неудивительно, что, при вѣчномъ страхѣ передъ турками, не было времени выбирать крестнаго, а потому у всѣхъ крестимыхъ (*въ одной водѣ*) былъ *одинъ общій* воспріемникъ.

Что касается возраста брачущихся, то жениху обыкновенно бываетъ 18—20 л., невѣстѣ 16—18 [3]). Время свадебъ и сватаній падаетъ приблизительно на вторую половину октября и ноябрь. Въ это время матери особенно зорко наблюдаютъ, чтобы ихъ дочери не сдѣлали чего-нибудь, отклоняющаго отъ дома приходъ сватовъ: такъ, напр., не позволяютъ дочерямъ сидѣть на порогѣ, лицомъ во дворъ. А дѣвушки еще раньше часто угадывали свое счастье, когда приходилось раздувать очагъ: если тлѣющее полѣно сразу вспыхивало огнемъ или хотя на 3-й разъ, то, значитъ, парни ее любятъ. А если не разгоралось,—пропадай надежда.

Хòру, это училище народной поэзіи, какъ эхо, отзывающееся на жизнь села, уже чуетъ веселое время и поетъ передъ этими

---

[1]) См. *А. Павловъ*, 50 гл. Коричей 187—189.

[2]) Въ 50 гл. Кормчей запрещается бракъ между крестными дѣтьми одного воспріемника, а болгары распространили (вѣрнѣе отождествили) это крещеніе и на дѣтей, крещенныхъ въ одной водѣ.

[3]) Въ Сб. М. Н. Пр. XI 485 есть любопытная таблица г. Волкова, изъ которой видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи женихъ значительно моложе невѣсты. Таблицу можно дополнить еще двумя датами: въ Перущица возрастъ жениха 17—20 л., невѣсты 15—18; въ Бистолско жениху и невѣстѣ отъ 16 до 20—22 лѣтъ.

днями (тоже поютъ и на хȍру, которое затѣвается на самомъ годэшѣ и главешѣ):

Снȍшти са Рȁда глави́ла [1]),
Глави́ла и гȍдяшь пи́ла
За любя за незнȁяну,
Знȁяну ня пузнȁяну.
Срȁмъ билу Рада, стрȁхъ билу,
Да попи́та майка си,
Майка си мȁштахата си,
Ми пупи́та брата си:
„Брȁтяля, братя Дими́тря!
Ми катȳ мя углави́хтя
За любя за нязнаяну,
Знаяну ня пузнаяну,
Ми хȳбави ли са хȍрата
Сгȍдни ли са скумшȉи [2])?“
—„Сȅструля, Раду помȁлка,
Помалка и поглу́пава
И хȳбави са хȍрата,
И са сгȍдни скумшȉи,
Ла я лю́бяту ти ня'му,
Рȁдуля, и глȳху“.
И ȍштя си дȳма дȳмаха—
И свȁтувату дȍйдяха
Рада бȳлка да зи́матъ.
Дя́ду хи тихомъ гувȍря:
„Прȉими, булку, бу́луту“.

Исполняя просьбу сына, родители поручаютъ почтенной пожилой родственницѣ или уважаемому мужчинѣ, а то и нѣсколькимъ, переговорить съ домашними дѣвушки. Посланники [3]) окольными путями и рѣчами о желаніи купить „инйчку“ (телушку) даютъ ясно понять цѣль своего прихода и возвращаются съ отвѣтомъ.

Если миссія сватовъ окончилась успѣшно, то приступаютъ къ первому акту высокаго у болгаръ свадебнаго обряда, называемаго „глȁвеш“.

Г л ȁ в е ш [4]).

Въ назначенный день отецъ и мать жениха, въ сопровожденіи близкихъ родственниковъ, съ подарками и запасами для пира

---

1) Записалъ для меня ученикъ кишлавскаго мин. училища Георгій Бѣглегчіевъ. Соблюдено его правописаніе, интерпункція моя.

2) Послѣ этого стиха нѣкоторые поютъ (моя запись): „пȏчетны ли сȃ сбрáтјȇ ту“.

3) Въ Болгаріи они носятъ названіе: стройники (Битолско), уду́мники (Перущица), мумаре (Ахж-Чел.), жинихли (Силистренско), просетики (Разложко), снобники (Пещерско), девеснопове (Чепино).

4) Въ Болгаріи этому термину соотвѣтствуютъ: годежъ (Велешко, Перущица, Чепино), запивъ (Перущица), малъкъ годежъ (Силистренско, Рупчоско), свършуванье (Скопскитѣ села), малъ нишанъ или менвенье (г. Скопие), малъ строй и строй, а также рака-факанье (Охридъ Струга, Кукушь, Битолско,

(порядочнымъ казаномъ вареной пищи виномъ, ракіей, орѣхами и хлѣбомъ) отправляются въ домъ невѣсты. Послѣдняя, заранѣе предупрежденная, выходитъ въ лучшей одеждѣ, съ „мрежей“ (кисея) на головѣ. Всѣ садятся. Не садится лишь одна невѣста. Она стоитъ около печи. Итакъ, уже съ этой минуты, по признанію женщинъ, начинается ихъ трудная доля, продолжающаяся въ день самой свадьбы, когда въ тяжелыхъ платьяхъ приходится простоять на мѣстѣ почти цѣлый день, тянущаяся потомъ въ заботахъ о дѣтяхъ, въ тяжеломъ трудѣ на нивѣ, за ткацкимъ станкомъ и веретеномъ.

Родители молодыхъ садятся рядомъ. Поговорятъ сперва немного о предстоящей свадьбѣ и о согласіи на нее, осыпая другъ друга похвалами, затѣмъ перейдутъ на частные вопросы, съ женитьбой связанные, напр.: думаетъ ли отецъ отдѣлить сына или хочетъ дать ему мѣсто въ своей избѣ; передаетъ ли сыну все хозяйство или только часть его, и пр.

Тогда родственники невѣсты, какъ бы подтверждая данное слово, посылаютъ за женихомъ. Тотъ является со штофомъ вина, которое вручаетъ будущему тестю, цѣлуя ему руку. Затѣмъ здоровается со всѣми, за исключеніемъ невѣсты, по отношенію къ которой этикетъ требуетъ держать себя такъ, какъ бы ея и въ комнатѣ не было. Но вотъ ее подзываетъ отецъ парня,—пора игръ и свободы миновала, наступило время нести свою куклу и мячъ Артемидѣ, охранявшей ее въ ея дѣтскіе годы.

Это тотъ моментъ, серьезный, торжественный и важный, когда съ румянцемъ на щекахъ, подъ взглядами всѣхъ присутствующихъ, дѣвушка своимъ повиновеніемъ зову этого недавно чужого ей человѣка признаетъ въ немъ второго отца. Она обращается лицомъ къ образу и осѣняетъ себя крестомъ. Затѣмъ

Деберско), бѫклица (Силистренско), тъкмежъ (Самоковско, Кюстенд.), углава и малъкъ главежъ (Дупничко и Ахж-Чел., Разложко), малъ армасъ (Кукушко, Костурско). (См. Сб. болг. М. Н. Пр. I—XV и Шапк. VII, 54). Отъ главеша надо отличать подготовительный къ нему актъ—засыланіе сватовъ, что имѣетъ мѣсто почти вездѣ въ Болгаріи и носитъ особыя названія (втасване, проштане). Г. же Волковъ, позволю себѣ замѣтить, кажется, смѣшиваетъ эти акты, если на-ряду съ вышеуказанными (годежъ, запивъ и цр.) приводитъ и „мумаре“, т. е. терминъ для момента, который я называю засыланіемъ сватовъ. А слово „мумаре“ не есть даже, какъ думаетъ г. В., обозначеніе дѣйствія (испроважданье на мумаретѣ), а названіе сватовъ.

цѣлуетъ руку своему отцу, матери и родственникамъ, какъ бы прощаясь съ ними (поцѣлуй всегда сопровождается прикладываніемъ лба къ рукѣ), подходитъ къ тому, кто ее подозвалъ, и цѣлуетъ ему руку точно также. Онъ вручаетъ дѣвушкѣ платокъ, гдѣ завернуты деньги (3—10 руб.), перстень [1]) и въ одномъ углу пшеница. Все это дѣвушка передаетъ съ цѣлованіемъ руки отцу. Тотъ считаетъ деньги и, сколько бы ихъ тамъ ни было, говоритъ: „текъ да е", т.е., неладно дѣло, ихъ четъ, а пусть будетъ нѐчетъ, и съ этими словами подбрасываетъ деньги отъ себя, а потомъ окончательно возвращаетъ все дочери, протягивая руку для поцѣлуя. Дочь идетъ къ печкѣ, вынимаетъ подаренный ей „главени́чъ" перстень и надѣваетъ на средній палецъ правой руки. Перстень этотъ имѣетъ на верху громадное украшеніе, величиною въ трехкопеечникъ, для работы неудобенъ и поэтому скоро снимается. Сами кишлавцы уже не понимаютъ, для чего собственно отецъ невѣсты добавляетъ дочери денегъ, обосновывая это желаніемъ, чтобы тамъ было нечетное число рублей. Нѣкоторые изъ нихъ видятъ здѣсь простой предлогъ увеличить дѣвичій капиталъ. Но этотъ „нечетъ" играетъ роль и въ другихъ случаяхъ: такъ, въ Болгаріи на празднованіе „перстенъ" въ Скопие со стороны жениха идетъ непремѣнно нечетное количество гостей [2]). Въ Разложко на малъкъ-главешъ свита со стороны женихова дома обязательно состоитъ изъ нечетнаго числа членовъ, а къ цвѣтку для невѣсты привязывается нечетное число монетъ (такъ же и на големъ-главешъ) [3]) По объясненію г. Волкова [4]) это имѣетъ не столько обрядовое, сколько символическое значеніе, выражающее желаніе скорѣйшаго прибавленія семейства молодыхъ: это намекъ на имѣющее быть нечетнымъ число членовъ новой семьи. Но врядъ ли есть надобность въ такомъ искусственномъ объясненіи. Не вѣрнѣе ли будетъ видѣть здѣсь остатки вѣрованія въ „тъкмъ" и "лихъ" [5]). Вѣдь извѣстно, что въ народномъ суевѣріи числа четныя—дурныя и неблагопріятныя, почему, напр.,

---

[1]) Сравни съ статьей *В. Балджиева* въ Сб. М. Н. Пр. VII, 115 и слѣд., а также описаніе свадьбы отъ Дупничко въ Сб. М. Н. Пр. VIII, 64.

[2]) *Шапкаревъ* VII, 88.

[3]) Сб. Болг. М. Н. Пр. кн. V, 37—38.

[4]) Ibid., кн. XI, с. 500 и 504.

[5]) См. проф. *М. Н. Сперанскій*. Изъ исторіи отреченныхъ книгъ I, 60—61.

у мусульманъ [1]) до сихъ поръ въ исчисленіи капиталовъ и наградъ, въ денежныхъ суммахъ принято избѣгать четныхъ чиселъ, прибавляя къ нимъ хоть одну лишнюю единицу. Наркъ примѣняетъ это даже къ международному обычаю пушечныхъ салютовъ, число выстрѣловъ въ которыхъ всегда нечетно.

Пока невѣста разсматриваетъ и надѣваетъ кольцо, мать ея даритъ отцу, матери жениха и ему самому хорошіе платки. Затѣмъ, родственникамъ — похуже и т. д. въ нисходящемъ порядкѣ, сообразуясь съ лѣтами и достоинствомъ каждаго, пока не дойдетъ до дѣтворы, которой достаются дешевенькіе цвѣтные платочки. Въ то же время наливаютъ рюмку водки сперва отцу невѣсты, потомъ отцу и матери жениха и затѣмъ всѣмъ остальнымъ. Не успѣла рюмка обойти всѣхъ присутствующихъ, какъ невѣста въ сопровожденіи женщины, несущей тарелку орѣховъ, обходитъ, начиная со своего отца, всѣхъ гостей и жениха, надѣляя каждаго орѣхами и цѣлуя руки жениху и всѣмъ прочимъ. Каждый кладетъ ей на тарелку монету—двѣ. Послѣ этого мужчины и женщины садятся за трапезу въ передней комнатѣ, а невѣста съ подругами остается въ свѣтлицѣ.

За пиромъ женщины поютъ пѣсни, которыя, однако, не пріурочены спеціально къ этому времени, но вообще поются послѣ трапезы въ гостяхъ, напримѣръ: мать говоритъ дочери:

Мари́, Манушку, Манушку [2])!
Манушку, бла̀гу благу̀шку!
Млѐгу ти здравія, Манушку,
Удъ Неча башъ-булѐринатъ,
Удъ синатѐкъ му Пѐрфана,
Ша дѐйдя да тя пуи́ска;
Я ку-гу зѐмяшъ, ня земяшъ
Баря му ки́тка на̀кичи
Сасъ двана̀дястя алта̀на
И съ тринадястя ру́пувя.
—„Ма̀ля-ля, мила майчуля!
Ста̀ра си, ма си глу́пава,
Ма̀лка самъ, ма самъ пѐхитра:
Ку-га му ки́тка на̀кича,
На̀кича да я прѐудя,
Хѐра та какъ ша рякатъ?
Ча кѣ гу рачи мума̀та,
Пакъ майкахи гу нэ ра̀чи [3]).

[1]) *Д. Шеппингъ.* См. Филолог. Записки. 1893 г. „Символика чиселъ“.

[2]) Сохраняю правописаніе кишлавскаго ученика Евстафія Бѣглегчіева, который написалъ для меня эту пѣсню, передавая по возможности точнѣе мѣстное произношеніе.

[3]) У ученика Гергія Бѣглегчіева въ его записи есть еще продолженіе, взятое очевидно изъ другой пѣсни:

Послѣ ѣды слѣдуетъ хо̀ру, главное участіе въ которомъ принимаетъ молодежь, хотя танцуютъ и повеселѣвшіе мужья и пожилыя жены. Отплясываютъ бойко и шумно подъ пѣсню, которая поется только на свадебномъ хороводѣ:

Удъ удо̀лу и̂да̂т
Два̀ма̂—трима̂ турци,
Трима̂ бустанджіи та̂
За̀ куна̀к пита̂т,
Кунак да кундыса̂т,
Вэ̀чер да вэчерът;
Питаха̂, на̀йдъха̂:
Кунак кундысаха̂,
Чада̂р размѐтнаха̂,
Пуд чада̂р сеннаха̂,
Вину пуйскаха̂
Вину хми да̀даха̂.

Пиха̂, упиха̂са̂
Мума̀ пуйскаха̂,
Мума ру́са-ко̀са,
Руса мела̀хръна̂.
Сѐлу ту са̂ сбра̀ха̂,
Та̂ са̂ чуду чу́дът,
Кујѐ да дада̂т?
Га̂тэ да дацэ́мя
Ху̀бава Тудо̀ра,
Чѐ к'е нэ́ма майка:
Майка да распла̀чѐ,
Баштя да разжѐлы! [1]).

Затѣмъ гости расходятся. Родные невѣсты ихъ провожаютъ и при этомъ всѣ поютъ:

Хай́дя, хайдя, Нэду [2]),
Хайдя да си по̀дямъ!
Н'эдуля, пиля-ля,
(j) Ёгняля галя́ну—мари́,
Утъ Бо̀га да найдяшъ.

Хайдя да си подямъ
На на̀шату селу,
Селу ярнау́тску!
Нэдуля, пиля-ля,
(j) егняля, галяну-мари

И бштя си дума думаха—
И слю̀мниците до̀йдяха
Ману́шка бу́лка да зѐматъ.
Слюмници на ва̀тря ѳля̀заха,
Манушка на ва̀нка и̂злезя
И си ѳъ гради́нка прери́пна,
Че си на сли̂ѳка гувора:
„Сливкуля, пусѐстринкуля!
Свѐди си сли̂ѳку врашьѐту,
Да си поясатъ на̀ключе,

Да си са сама́ о̂бяся
Удъ майчините гряхути́".
И ке си сведя врашьѐту,
Та си поясатъ наклю̀чи,
Та си са сама убѐси.
Майка хи ва̀нка излѐзя,
Кату си видя Манушка,—
Расплѐтя ко̀са ду зѐмя,
Издадя гласья ду небо.

[1]) Записана мною отъ неизвѣстной дѣвушки на улицѣ въ толпѣ; приказали ей пѣть женщины.

[2]) Получилъ отъ Евстаѳія Бѣглегчіева. Всѣ его пѣсни провѣрены мною, но передача болгарскихъ звуковъ остается его, такъ какъ любопытно знать, какъ самъ болгаринъ передаетъ русскимъ алѳавитомъ свой говоръ.

Утъ Бога да найдяшъ!
Ша ти купя,
Нэду, кулàнъ,
Трýцки кувàнъ
Нэдуля, пиля-ля и т. д.
`Оштя ша ти купя
Грúмни на ракитя,
Гримни (j) ентешёта (дутые, легкіе, по объясненію болгаръ)
Нэдуля, пиля-ля и т. д.
Гримни (j) ентешёта,
Гярдàнъ на шія та,
Нэдуля, пиля-ля и т. д.

Женихъ не уходитъ съ другими, а остается у невѣсты и вотъ тутъ то впервые имѣетъ право вступать съ нею въ разговоръ, и то, когда старшіе выходятъ. По окончаніи главеша дѣвушка называется „главенúца" „бýлка" (невѣста), а парень „главенúкъ". Онъ имѣетъ право ходить въ домъ невѣсты, но не болѣе одного раза въ мѣсяцъ, по праздникамъ [1]). Не знаю, какъ ведетъ себя женихъ наединѣ съ невѣстой, но при старшихъ онъ не обращаетъ къ ней своей рѣчи, а она стоитъ на ногахъ, хотя бы всѣ сидѣли.

Послѣ главеша невѣста помогаетъ дому жениха въ полевыхъ работахъ, но разрывъ между молодыми еще возможенъ. Поводомъ къ нему могутъ служить обстоятельства всякаго рода: клевета досужихъ людей на одного изъ будущихъ супруговъ, неизлѣчимая болѣзнь, оскорбленіе какой-либо стороны другою, запятнаніе себя какимъ-либо преступленіемъ или, наконецъ, сознаніе неудачнаго выбора и любовь къ другому лицу. Чаще всего играетъ роль первая и послѣдняя изъ указанныхъ причинъ.

Всякому знакомому, кто приходитъ въ гости первый разъ послѣ главеша, невѣста подноситъ дешевенькій платокъ [2]) и цѣлуетъ руку, за что принято давать ей деньги.

Чтобы рельефнѣе выступила характерная черта „главеша", сравнимъ его съ соотвѣтствующимъ ему обрядомъ въ Болгаріи.

---

[1]) Въ самой Болгаріи на этотъ счетъ нѣтъ ничего строго установленнаго. То главеникъ имѣетъ право до свадьбы явиться всего разъ и при томъ оффиціально (Скопие: Шапк. VII, 89), то можетъ даже засыпать у дѣвушки (Рупчоско), а то не долженъ даже смотрѣть при встрѣчѣ (Дупничко). Вообще же держатся золотой серединки, не забывая пословицы: „зето, ретко иди, да се гостишь пържени іаіца". Дѣло въ томъ, что матери невѣстъ угощали будущихъ зятьевъ „съ пържени яйца", блюдомъ лакомымъ, и расточали имъ медовыя рѣчи, майской росой падающія на сердце юноши. (См. сборн. М. Н. Пр. IV, 48. VIII, 46. IX, 36. XII, 38).

[2]) Сравн. Памятники Болг. нар. творч. *В. В. Качановскаго*, стр. 19.

Изъ 17-ти описаній, помѣщенныхъ въ Сб. М. Н. Пр. (I—XV) и у Шапкарева, видно, что этотъ обрядъ представляетъ рядъ переходовъ отъ простого обмѣна вина въ „бъклицахъ" до торжественной церемоніи, сопровождаемой опять-таки „обмѣномъ залога", троекратными поцѣлуями и объятіями (Охридъ, Струга, Кукушь и др.) и особо торжественнымъ ломаніемъ хлѣба (Ахж-Чел.). Между двумя сторонами, имѣющими вступить въ супружескій союзъ, заключается договоръ, а чтобы гарантировать его нерушимость, одна сторона (женихова) даетъ залогъ, состоящій чаще всего изъ денегъ и васильковой „китки" [1]). Взамѣнъ этого она или ничего не получаетъ (Дупничко), или уноситъ съ собою „китку" и мелкіе подарки. Что же касается переживаній [2]) похищенія невѣсты или купли ея, то намеки на нихъ въ болгарской свадьбѣ очень перепутаны.

Изъ того, что не только на главешъ (изъ 17 опис.—12), но и на переговоры, предшествующіе ему, идетъ отецъ жениха (Соф., Ахж—Ч.), очевидно всякое отсутствіе враждебности между двумя сторонами. Далѣе, у посылаемыхъ для предварительныхъ переговоровъ людей нѣтъ никакихъ парламентерскихъ знаковъ, которые бы позволили видѣть въ нихъ посредниковъ между врагами. Ясное дѣло, что обоюдное угощеніе и подарки говорятъ скорѣе о мирной торговой сдѣлкѣ купцовъ. Но такому заключенію, повидимому, противорѣчитъ бросающееся въ глаза отсутствіе жениха даже въ томъ случаѣ, когда на торжествѣ находятся и его родители, и сама невѣста (Рупчоско, Разложко, Дупничко, Велешко) [3]).

Итакъ, главешъ есть собственно оффиціальное, предъ многими свидѣтелями заявленное сватовство, которому, однако, предшествуетъ неоффиціальный запросъ черезъ довѣренныхъ посланцевъ родственниковъ. Этотъ запросъ, быть можетъ, вызывается публичнымъ характеромъ самого главеша, сопряженнаго съ обязанностью нести цѣлые запасы яствъ. Виновники всего этого слишкомъ упали бы во мнѣніи односельчанъ, если бы получили отказъ, а потому и стараются заранѣе заручиться согласіемъ невѣсты.

---

[1]) Перстень не такъ употребителенъ, и изъ 17 мѣстн. дается лишь въ шести.
[2]) См. интересныя страницы у *Волкова*, XI, 499.
[3]) Сравн. у. *Волкова* XI, 499.

Гȯдэш [1]).

Второй предбрачный обрядъ происходитъ черезъ мѣсяцъ, а то и черезъ годъ послѣ перваго.

Характерно, что онъ не обязателенъ, а такъ какъ требуетъ серьезныхъ матеріальныхъ издержекъ, то у людей небогатыхъ и совсѣмъ пропускается, а подарки жениха отсылаются къ невѣстѣ частнымъ образомъ. Богатые, напротивъ, пользуются случаемъ задать пиръ на весь сельскій міръ и, запасшись казаномъ—двумя мáнжи, боченкомъ вина, мѣшкомъ хлѣба, рисовымъ пилавомъ, водкой, орѣхами и изюмомъ, подъ звуки гайды, торжественно трогаются въ путь всѣмъ домомъ съ женихомъ и родственниками къ невѣстѣ. По дорогѣ поютъ:

Пи́лел$^{э}_{я}$, пилэ бил҆бил҆чê! [2])
Да мóга да т$^{э}_{я}$ у́лув$^{э}_{я}$,
Алтж́нян кафáш шê стóр$^{э}_{я}$,
Та теб$^{э}_{я}$ ф кафáш шê тур$^{э}_{я}$,
Стафи́ды шê ты купóвамъ,
Стафиды ȯшт$^{э}_{я}$ смȯкуви,
Тâ тэб$^{э}_{я}$ пилэ шê хран$^{э}_{я}$!

—Момел$^{э}_{я}$, момэ рỳмянку!
Я н$^{э}_{я}$ сâм пилэ бил҆бил҆чê,
Туку сâм мȯмч$^{э}_{я}$ лазȯвч$^{э}_{я}$ (?назỳвчê);
Пу гора хȯд$^{э}_{я}$ тâ пàсâ
Си́вуту стàду
И лâ гâ мàлкит$^{э}_{я}$ мȯми.

Около самаго дома поютъ:

Стàнкул$^{э}_{я}$ главены́цел$^{э}_{я}$!
Стàны ны, Стàнку, дȯчакай,
И ны нàряды, нàряды

Си́тны, дрѐмны стȯлув$^{э}_{я}$
И ны нàтучи ройну вину
Ройну вину и царвѐну.

---

[1]) Въ Болгаріи онъ называется: (официяленъ, голѣемъ) годежъ (Скопскитѣ села, Самоковско, Софийско, Рупчоско, Пещерско, Силистренско), года (Шуменско), строй и големъ строй (Велешко и Охридъ, Струга), големъ главешъ и углава (Ахж-Ч., Разложко, Дупничко), препивъ (Разложко) и пьрстепъ (гр. Скопие). Изъ сопоставленія этихъ названій съ ранѣе приведенными для перваго предбрачнаго акта видно, что чаще всего встрѣчается терминъ „годежъ“. Сопоставляя его съ малорусскими словами, „годувати, годованний“ съ румынскимъ „lagodna“ и польскимъ gody (свадьба), г. Волковъ, вслѣдъ за Кавелинымъ и Сумцовымъ (Свадебные обр. 61—62), высказываетъ взглядъ, что въ незапамятныя времена свадьба справлялась въ строго опредѣленное время и составляла часть языческаго праздника рожденія солнца. Срав. *Вестермарка* „Исторія брака“, 46—71.

Интересно употребленіе слова „годешъ“ для обозначенія особоторжественной „общей“ трапезы съ молитвою. См. Сб. М. Н. Пр. IX, 41.

[2]) Со словъ Степаниды Θеодоровой Маврешко, 46 лѣтъ.

Отсутствіе жениха на главешѣ не мѣшаетъ состояться послѣднему; дѣло обходилось и безъ парня, потому что роль его въ этомъ обрядѣ очень невелика: ему дается только со стороны невѣсты искусственная „китка" съ монетками, которую онъ прикалываетъ на груди [1]). Годешъ же немыслимъ безъ жениха, который непремѣнно долженъ явиться въ сопровожденіи свиты родственниковъ.

Хотя свита эта выходитъ изъ сборнаго пункта поздно, когда ночь ужъ совершенно развернула по небу свои темныя тѣни, все-таки приближеніе ея если не видно, то слышно. Однако родные невѣсты не выходятъ навстрѣчу до тѣхъ поръ, пока не услышатъ у воротъ шума и криковъ: „вътре ли стэ?" Тогда родители дѣвушки спѣшатъ отворить ворота и потчуютъ пришедшихъ виномъ приговаривая: „Дубрэ ны дойдъхтэ". Пьющіе изъ одного сосуда гости желаютъ при этомъ „óт Буга здравія", на что хозяева отвѣчаютъ „спулайтэ". Родственница невѣсты осыпаетъ гостей пшеницей, а они бросаютъ въ рѣшето деньги, идущія въ руки невѣсты.

Женихова свита и отецъ невѣсты разсаживаются въ передней комнатѣ: въ углу столовъ, расположенныхъ глаголемъ вдоль двухъ стѣнъ, садятъ отца жениха, направо отъ него мать жениха, рядомъ съ нею самъ виновникъ торжества, а за нимъ женщины; влѣво отъ отца жениха—отецъ невѣсты, а за нимъ всѣ мужчины. Въ свѣтлицѣ же находится невѣста со своей свитой родныхъ, при чемъ изъ ея свиты никто безъ крайней надобности не выходитъ въ комнату, гдѣ сидятъ родственники жениха. А изъ послѣднихъ ужъ и совсѣмъ никто не заглядываетъ въ свѣтлицу, кромѣ совсѣмъ молодыхъ дѣвушекъ, завлекаемыхъ женскимъ любопытствомъ и въ враждебный лагерь, гдѣ одѣваютъ невѣсту.

Мать жениха кладетъ на блюдце деньги и обходитъ всѣхъ своихъ родныхъ, производя сборъ въ пользу сына, который высыпаетъ полученныя деньги въ платокъ съ дарами для невѣсты. Отецъ жениха произноситъ „да дойдэ булка", и она выходитъ, цѣлуетъ руку свекру и всѣмъ старшимъ лѣтами, послѣ чего подходитъ къ жениху. А этотъ сидитъ, выставивъ правое колѣно, и важно держитъ на немъ узелъ съ подарками: тамъ—„сúньце, ку-

---

[1]) Любопытно, что въ сосѣдней колоніи жениху вмѣняется въ обязанность потерять этотъ цвѣтокъ въ знакъ того, что онъ навсегда разстается съ прежней холостой жизнью и прежними друзьями.

ла́нъ, у́шники, бу́лу, гри́мни васильковая китка и герданче". Три раза цѣлуетъ она руку [1]) парня—и рука снимается съ подарковъ, которые невѣста опускаетъ въ поднесенное ей изъ другой комнаты сито съ пшеницей и удаляется въ свѣтлицу. Отсюда она выноситъ жениху свой перстень, который надѣваетъ ему на указательный палецъ правой руки, и немного вина на блюдцѣ. Его онъ выливаетъ подъ правую ногу и крѣпко наступаетъ подошвой: это символически свидѣтельствуетъ, что они не должны выносить сору изъ избы, если даже и не будутъ ладить въ семейной жизни. Здѣсь же она даетъ ему „китку" васильковую, въ отличіе отъ той искусственной, что дается на главешѣ; китка эта богаче жениховой, унизана монетами и подается въ платкѣ опять таки съ цѣлованіемъ руки. Затѣмъ главеница при помощи родственницы надѣваетъ на себя всѣ подаренные наряды, а мать въ это время даритъ всѣмъ гостямъ [2]), вынимая ихъ изъ рѣшета съ пшеницей, шали и платки, непремѣнно краснаго цвѣта (не болгарамъ даютъ и пестрые), причемъ цѣлуетъ руку отцу жениха, который отвѣчаетъ на это тѣмъ же тогда только, если онъ молодъ. Свернувъ платки треугольниками, присутствующіе повязываютъ ихъ на шею и такъ сидятъ всю ночь. Родственники жениха и невѣсты подносятъ всѣмъ по чаркѣ ракіи, а невѣста выходитъ и всѣхъ одаряетъ мелкими орѣхами, которые за нею несетъ ея родственница. На блюдо, какъ и прежде, кладутъ деньги.

Пока не кончится вся эта церемонія, гости сидятъ за столами надъ пустыми мисками и разговариваютъ или наблюдаютъ за всѣмъ происходящимъ, напоминая иногда невѣстѣ о тѣхъ или иныхъ ритуальныхъ тонкостяхъ. Вообще надо замѣтить, что ни мужчины, ни дѣвушки не знаютъ точно всѣхъ подробностей обряда, которымъ поэтому руководитъ опытная женщина, все время указывающая и подсказывающая, что̀ кому дѣлать.

Послѣ раздачи орѣховъ родители жениха собственнымъ примѣромъ даютъ знакъ, что время подкрѣпиться ѣдой; ихъ прислужники „казанджіи" разносятъ въ обѣ комнаты запасы, принесенные изъ дома жениха. И горе ему, если ихъ недостаточно: онъ будетъ за-

---

[1]) Въ сосѣдней колоніи цѣлуютъ колѣно жениха.

[2]) Прежде всего жениху, потомъ отцу жениха, далѣе отцу невѣсты, матери жениха и т. д.

сыпанъ насмѣшками вкушающихъ отъ его блюдъ. Пить вино точно также начинаютъ родители парня, произнося приэтомъ короткое пожеланіе въ родѣ: „даса̂ рәдувамә са̂с булката̂ и вие са̂с зѐтет".

Янтарный виноградный сокъ обходитъ весь столъ, и всѣ отпиваютъ изъ одного кувшина, а въ это время родственникъ жениха угощаетъ своихъ родныхъ водкой и виномъ, а представитель невѣстиной партіи дѣлаетъ то же на своей половинѣ, обходя гостей съ штофомъ вина, изъ горлышка котораго всѣ отпиваютъ. Гости произносятъ благопожеланія: „Дай Боже здравье на млади тә, дәту не собйрат. Госпудь да хми дава дәне и гудыны и дуба̂р касмет'".

Отъ времени до времени старшій изъ жениховой свиты черезъ „казанджія" посылаетъ къ свитѣ невѣсты штофъ вина, который приказываетъ передать надежному лицу съ просьбой угостить всѣхъ родныхъ невѣсты. Получивши такое доказательство дружбы, членъ невѣстиной свиты отвѣчаетъ тѣмъ же, посылая своего представителя обнести кувшинъ вина среди родственниковъ жениха. Наконецъ въ свѣтлицу является и самъ женихъ и тутъ только обмѣнивается привѣтствіями съ пирующими здѣсь родными будущей жены.

Утоливъ свои аппетиты, гости начинаютъ пѣть; и здѣсь почин принадлежитъ родителямъ жениха. Гайдарджія настраиваетъ свой инструментъ и неутолимо дуетъ на немъ. По столу ходитъ горбушка хлѣба, куда всѣ возлежащіе за трапезой втыкаютъ мѣдные деньги, идущіе на долю музыканта. Поютъ всегда вдвоемъ, пѣсни выбираются по желанію пѣвца, но обыкновенно печальныя. Приведу двѣ пѣсни, изъ которыхъ первую, какъ историческую больше любятъ мужчины, а вторую—женщины.

1.

Ва̀лче серебряной пулей убиваетъ Янджѐ—войводу.

Янджәлә Янджә̀ войвода [1]),	Колку је бу̂л'ки разбу̂лѐл [3]),
Сега̀ са̂ дәвет гудыны [2]),	Колку је цр̂кви развалйл,
Ут ка̂ту̂ са̂ Янджә̀ ту пручу̂лу.	Колку је села разселйл,
Ко̀лку је майки распла̀ка̂л,	Колку је фора распла̀ка̂л!

[1]) Янджe (индже, по-тур. тонкій, subtilis) здѣсь погибаетъ отъ руки мальчика при переходѣ черезъ мостъ, какъ гласитъ и преданіе, приведенное П. Безсоновымъ. См. его „Болг. пѣсни" стр. 241, прим. 1-ое.

[2]) Каждый стихъ повторяется два раза.

[3]) Во время пѣнія слышится и—„елъ" и—„илъ".

Кол'му Янджѐ ту тыхум гувòр$^{э}_{я}$:
„Колюлэ [1]), баряхтàрюл$^{я}_{э}$!
„Навивай, Колю, бар'як âт
„Ф Іесекия тâ да под$^{и}_{э}$м:
„Ютрэ јe святâ нядѐля,—
„Моми на црҗва шê дойдят—
„Хỳбави бели балгàрки—
„Прэм$^{я}_{э}$нэни, прэб$^{я}_{э}$лэни,
„Сâс злату и сâс кныкàту,
„Ји сâс җҗл'ты ялтâн'$^{е}_{я}$,
„И сâс бели рỳпуви;
„Тâ шê хи, хòлам, фàтыме
„Да йми алтâн'я искâнэм,
„Алтâнья бели рупуве“.
Коля му тыхум гувор$^{э}_{я}$:
„Янджэл$^{э}_{я}$, Янджэ войвòда!
Іела ми, холам, пòслушай:
Іасакѝювци, кàзват, хòратâ
Чê сâ на парѝ сирмàси,
Пак на крушюн' сâ испрàвны“.
— „Колюлэ, баряхтарюлэ,
Навивай, Колю, бар'ѝк âт
Ф Есэкия тâ да подэм
Да йми мумѝтэ удб$^{э}_{я}$рэм“.
Нэ бѐша малу ны млогу,
Юбзѐл јâ Колю бар'як âт.
Вâрвя̀хâ шу пу вâрвяхâ—
Кату ря̀ка тâ стыгнахâ,
Енжѐту вâрвѐшê на муст âт,
Енжэ муст àт вâрвешê.
Дэ гу зачу аннò мумчѐнця
Тâ на майка си гувор$^{э}_{я}$:
„Малялэ мила майчулэ
С какâв крюшюн' да гу òбие?“
Майка му тыхум гувòр$^{э}_{я}$:
„Вҗлкулэ, сину, Вҗйчулэ!
Бя̀гай, сину, с хора тâ,
Кадѐ бягат хора тâ“.
Вҗлку си тыхум гувор$^{э}_{я}$:
Дай ми, малэ, јâ дай ми
Твои стари рупуве [2])
Крюшюнэ да си òбляе,
Да си туфя̀к âт нàпâл'н$^{э}_{я}$.
Да си Янджэ ту пòсрешнâ
На ерѝн'кюву на муст àт
Пòсрешна дâ гу òбия“...
Ѐнжю му тыхум гувор$^{э}_{я}$:
„Мумченце, холам, мумченце!
Фҗрл$^{и}_{я}$й, мумченце, не бойся,
Дудѐ бачу [3]) нэ фҗрлѝ.
Нэ јe лы язҗ̀к на тэбе?
Фҗрли, мумченце, не бойся [4]).
И мумченце му утпѐнâ,
Удàри мумченце ф сâрцэ ту,—
Пàнна Енджэту ут муст âт
И на мумченце пувѝкâ:
Мумченце, холам, мумченце!
Ела, холам, при мэне
Да тэ, мумченце, пударя
Моя т кемэр'я алтâн'я
И мойтэ пушки буйлѝйки,
Буйлики оштэ сребарны,
Сребарны омте везаны.

---

[1]) Имя байрактаря сохранилось тоже, что и въ сборникѣ Катранова. См. Болгарскія пѣсни *П. Безсонова* М. 1855 г. стр. 245.

[2]) Пѣвецъ пояснилъ, что серебряная пуля пробиваетъ даже заговоренный панцырь.

[3]) Батя.

[4]) Воевода былъ увѣренъ, что пуля его не беретъ.

2.

Стуян Стуянка залюби [1])
Сегâ ми ду три гудыны:
Вейке на вôвце нэ ходы
Тâ си стаду ту пѫр'яcâ,
Стаду ту и сирия тâ.
Стуянува тâ майчица,
Стуен'кинâ тâ душмàнка,
Трѫ̀гнâла бил'я да тѫрси,
Бил'е ǒмайну, ǒмрâзну.
На пѫт' си срешнâ циганка,
Циганка, цѫрна манàвка.
— „Да нэмаш бил'я ǒмрâзну,
Да си Стуянка нàсипе,
Да си Стуяна умрâзнэ?"
— „Старию, стàра старию,
Нэмам бил'ю ǒмайну,
Имам бил'ю смокуву".
— „Дай ми гу, цѫрну циганку".
Стуянка вѫнка стуѐшê
Тâ си сама зачулâ.
Утре бе святâ нядэля—
Стуянка Стуянум гувор:
„Любялэ, любе Стуенэ!
Утре јê святâ нядэля
Тâ сâ хора та прумэнят—
Хâ да сâ, любя, прумэным
Да лэгнеш, любя, ду стяна,
Пâк я шê легнâ ду вратâ".
Лэгнâхâ и си заспахâ.
Стуянува тâ майчица.
Ке си Стуянка престѫпи
Тâ си Стуяна насипâ.
Дудэ петли тэ да пејâт—
Стуян сâ за смок запѫстри.
Дудэ петли тэ пувтòрят—
Пѫстру смочê сâ извилу
И сâ пу стяна пуелу
И на Стуянка прудума:
„Да подэш, Стуянку, да подэш
На мой ту стàду гуляму
Да ми преснàчêц издујиш,
Издујиш да ми дунесэш,
Дâ си устà тâ рàскваcя
Чê ми сарцè ту изгурè".—

Молодежи на годешѣ, какъ и на главешѣ, не очень много, и держится она больше у стѣнъ, въ тѣни, потому что это праздники преимущественно старшихъ. Только и берутъ дѣвушки свое отъ свадебнаго веселья тогда, если устраивается хору, но и его часто не бываетъ. Долго не смолкаютъ пѣсни, музыка и веселыя выкрикиванья танцующихъ въ родѣ „гòрь-ря-ря̀, Арррь-ёпъ, и-ху-хỳ, и-хи-хи, тпюсь-тпюсь-тпюсь!"

Домой расходятся къ утру и часто передъ уходомъ затѣваютъ общій хороводъ на воздухѣ въ предразсвѣтномъ свѣжемъ сумракѣ.

И эта часть брачнаго ритуала носитъ характеръ торговой сдѣлки, гдѣ задатокъ беретъ невѣста (его вещи стоятъ рублей 50—70). Нарушеніе этого второго контракта признается народнымъ обычаемъ незаконнымъ. Если невѣста вернетъ свои по-

[1]) Со словъ Дины Добровой, 75 лѣтъ.

дарки, беря назадъ свое слово, женихова сторона судомъ можетъ требовать возмѣщенія затратъ. Если договоръ нарушается парнемъ, задатокъ его, конечно, пропадаетъ. Только хитростью удается ему освободить свои вещи изъ плѣна. Такъ, онъ беретъ будто-бы обмѣнять ихъ на лучшія и тогда отказывается отъ невѣсты; дѣло большею частію оканчивается въ волости.

Отличіе главеша отъ годеша состоитъ главнымъ образомъ въ большей торжественности: гостей больше, яствъ больше, вина больше и подарки драгоцѣннѣе. То же самое видимъ и въ Болгаріи. Второй актъ здѣсь не обязателенъ (Ахж-Ч.) или даже не принять совсѣмъ (Чепино), цѣль его видятъ въ болѣе широкомъ подтвержденіи заключеннаго договора [1]), а потому онъ въ большинствѣ случаевъ отличается лишь большею помпезностью: устраивается хору (Ахж-Ч.), къ невѣстѣ идутъ съ гайдой, чего нѣтъ на первомъ обрядѣ. И только въ одномъ мѣстѣ мѣняются перстнями (гр. Скопие), [2]) а въ двухъ торжество сопровождается особыми обрядами, мелкими обрывками чего-либо болѣе цѣльнаго: заговоромъ молодыхъ отъ бѣды (Софийско) и сливаніемъ воды невѣстой на руки жениха (Самоковско).

Такимъ образомъ подточенный временемъ обрядъ этотъ утратилъ былое значеніе и сталъ даже обходиться народомъ, главными же моментами брака считаются главешъ и самая свадьба, вокругъ которыхъ, какъ около фокусовъ, группируются предварительное засыланіе сватовъ и годешъ, съ одной стороны, меденица и послѣ-свадебные обряды—съ другой.

Таковъ главный, общій остовъ предсвадебнаго церемоніала. Но въ каждомъ частномъ случаѣ можно натолкнуться на ту или другую варіацію въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ.

Такъ, иногда для спѣха соединяютъ главешъ и годешъ (когда, напримѣръ, солдатъ пришелъ на побывку дней на десять): въ этомъ случаѣ обязательно долженъ быть и женихъ, который даетъ свои подарки такъ, какъ то имѣетъ мѣсто на годешѣ, но предварительно отецъ парня вручаетъ невѣстѣ отъ себя платокъ съ пшеницей и деньгами, какъ то бываетъ во время главеша. Случается, что и совсѣмъ ничего не затѣваютъ, если, напримѣръ,

---

[1]) См. Сборникъ М. Н. Пр. VIII, 47.

[2]) См. *Шапкарева*, op. cit.

выходитъ замужъ сирота въ чужое село: тогда все ограничивается вѣнчаніемъ въ церкви. Наблюдая въ этомъ году [1]) лично исторію двухъ сватаній отъ перваго момента, я видѣлъ, что сперва нѣсколько разъ отецъ и мать жениха ходили къ родителямъ невѣсты и получали все неопредѣленные отвѣты: пораспросимъ, увидимъ. Тогда тѣ же лица берутъ съ собой въ платкѣ перстень и два рубля денегъ для большей убѣдительности и даютъ этотъ, такъ называемый, „нишáнъ“ родителямъ невѣсты. Получивъ этотъ даръ, невѣста можетъ изъявить желаніе видѣть жениха, который и приходитъ, но это еще не главешъ. Невѣста передаетъ для жениха „китку“ и платочекъ съ нѣсколькими орѣхами.

Затѣмъ, на главешѣ отецъ жениха долженъ дать невѣстѣ такъ называемый „равóнь“ въ платкѣ, гдѣ обязательно долженъ быть и перстень отъ парня. Но такъ какъ перстень этотъ данъ раньше (съ нишаномъ), то при входѣ женихова поѣзда невѣстина мать возвращаетъ раньше полученное кольцо отцу жениха, и тотъ, прибавивъ его къ содержимому въ платкѣ, сейчасъ же снова даетъ дѣвушкѣ. Такая поспѣшность врученія перстня невѣстѣ опять-таки говоритъ въ пользу того, что болгары всячески стараются скорѣе закрѣпить состоявшійся союзъ, чтобы отрѣзать возможность отступленія, старáются, по ихъ выраженію, главить „вя́рну“.

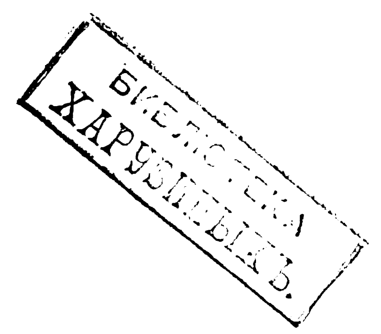
---

[1]) Въ этомъ же году при посѣщеніи межâ оказалось (чего не было лѣтъ пять назадъ), что цвѣтки, которые берутся у дѣвушекъ женщинами, раздаются не по усмотрѣнію послѣднихъ, а по опредѣленному закону: цвѣтокъ получаетъ тотъ, кто сидитъ визави съ дѣвицей, а если то родственникъ, то его минуютъ. Дѣлается это теперь такъ потому, что парни, по заявленію старшихъ, стали дерзки и громко заявляли неудовольствіе по поводу того, что ихъ обходятъ. Понадобился такой пріемъ, который бы исключалъ возможность обидѣть чье-либо чувствительное самолюбіе. Приспособляясь къ новому правилу, парни заранѣе въ окошечко высматривали, гдѣ сидятъ владычицы ихъ сердецъ, и при входѣ все норовили сѣсть противъ нихъ, какъ потому, что тогда имъ доставался дѣвушкинъ цвѣтокъ (который, кстати замѣтить, при уходѣ парней отбирался женщиной), такъ и потому, что надпѣвали ихъ съ той дѣвушкой, чей цвѣтокъ былъ заколотъ у нихъ на груди (теперь уже считается обиднымъ для дѣвушки спрятать цвѣтокъ въ карманъ). Т. обр. обычаи замѣтно видоизмѣняются. Точно также на двухъ главешахъ въ этомъ году отецъ невѣсты, принявъ отъ отца жениха деньги, старался довести ихъ до „четнаго“ количества, а не „нечетнаго“, обосновывая это тѣмъ, что желаетъ, чтобы не умеръ ни женихъ, ни невѣста, а составляли бы вѣчную пару (четъ).

Въ заключеніе считаю необходимымъ прибавить, что на вдовахъ жители Кишлава почти никогда не женятся. Но будь невѣста вдова,—всѣ обряды отмѣняются, молодые стараются лишь поскорѣе и какъ можно незамѣтнѣе повѣнчаться. Если же невѣста дѣвушка, а то хотя бы женихъ былъ вдовцомъ, свадебный ритуалъ не измѣняется ни на іоту: гласъ народа признаетъ дѣвушку достойной всѣхъ торжественныхъ обрядовыхъ дѣйствій только разъ въ жизни, когда ея голова окружена ореоломъ цѣломудрія.

Ал. Музыченко.

Нѣкоторыя данныя по обычному праву крестьянъ нашего Сѣвера въ XVII в.

При современномъ положеніи нашей литературы по обычному праву, для всѣхъ лицъ, интересующихся юридическимъ бытомъ русскаго народа и посвящающихъ свои силы разработкѣ вопросовъ народнаго права, спеціальное значеніе пріобрѣтаютъ статьи, замѣтки и даже случайныя указанія на прошлыя судьбы нашего обычнаго права. Труды, направляемые въ эту область историческихъ разысканій о правовомъ бытѣ нашего крестьянства, отъ письменныхъ памятниковъ реконструирующіе юридическія отношенія семейной и хозяйственной жизни нашего народа, разумѣется, полны были бы захватывающаго научнаго интереса. Но за отсутствіемъ ихъ приходится дорожить и тѣми немногими, подчасъ скудными, свѣдѣніями, которыя встрѣчаются иногда въ историческихъ экскурсахъ, не имѣющихъ прямой связи съ указанной нами цѣлью. Одна изъ такихъ работъ, озаглавленная: „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на Сѣверѣ въ XVII в.“, лежитъ передъ нами. Авторъ ея, г. Ивановъ, возстановляя земельный строй крестьянскаго хозяйства нашего далекаго Сѣвера, преимущественно на основаніи изученныхъ имъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ Сольвычегодскаго и Кеврольскаго уѣздовъ, попутно сообщаетъ и коекакія данныя объ юридическихъ обычаяхъ крестьянъ той эпохи, главнымъ образомъ регулирующихъ ихъ семейственное право. На нихъ мы и остановимъ вниманіе читателя [1]).

Судя по многочисленнымъ указаніямъ самого автора, крестьянское населеніе нашего Сѣвера въ XVII в. представляло крайне дробную картину по личному составу встрѣчавшихся тамъ въ то

---

[1]) Статья г-на Иванова была помѣщена въ третьемъ выпускѣ перваго тома Древностей — изданія Археографической комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за 1899-й годъ.

время дворовъ: населенію знакома была какъ сложная (большая) семья, такъ и простая (малая), иногда практиковавшая довольно широкое начало найма стороннихъ рукъ, какъ семья складочная, основанная на брачномъ родствѣ, такъ и чисто товарищескій „дворъ", опиравшійся на одно только договорное соглашеніе лицъ, въ него входящихъ. Субъектомъ, владѣющимъ землею, былъ семейный дворъ. „Въ содержаніе подаваемыхъ писцу старожильскихъ и крестьянскихъ сказокъ входили и сказки объ основаніи владѣнія каждаго крестьянина. Писецъ повѣрялъ ихъ, вѣроятно, показаніями самихъ владѣльцевъ или осмотромъ крѣпостей. Если послѣднія утеряны, сгорѣли или не представлены, жеребій записывался по однѣмъ сказкамъ: „сказали старожилы, что владѣютъ по купчимъ, а крѣпостей не положили". Въ книгахъ конца столѣтія такія показанія рѣдки". Крѣпостями назывались безразлично всѣ акты, какъ чисто-гражданскіе, такъ и правительственные и мірскіе (закладныя, мировыя, дѣловыя и т. д.), удостовѣряющіе законность владѣнія крестьянскаго дома данной площадью земли. Тѣ же земли, пріобрѣтеніе которыхъ не подтверждалось при опросѣ ссылкой на какую-либо крѣпость, формулировались въ книгахъ такъ: земли числятся за такимъ-то „по старинѣ" или по „писцовымъ книгамъ", или вмѣстѣ по „старинѣ и по писцовымъ книгамъ". Противополагаемое техническому термину нашей приказной администраціи „*крѣпости*"—слово „*старина*" означало преимущественно древній заимочный или захватный способъ усвоенія землей, способъ, находившій, видимо, еще въ началѣ XVII в. значительный просторъ для своего примѣненія на дальнемъ Сѣверѣ. Но этотъ первичный смыслъ свой слово *старина* далеко не всегда удерживаетъ за собой: въ актахъ конца XVII столѣтія (80-хъ годахъ) подъ рубрику „по старинѣ" включены, какъ свидѣтельствуетъ авторъ, такіе земельные жеребья, которые пріобрѣтены уже по сдѣлкамъ прежнихъ лѣтъ (20-хъ и 40-хъ годовъ), и самыя ссылки на *старину, какъ на самостоятельное основаніе для владѣнія землею*, частыя въ началѣ означеннаго столѣтія, все рѣже и рѣже попадаются къ концу его. Это, разумѣется, объясняется экономическимъ ростомъ нашего Сѣвера, главнымъ образомъ привлеченіемъ свободныхъ земель въ гражданскій и мѣновой оборотъ. Въ этомъ отношеніи заслуживающими интереса являются статистическія выдержки, которыми авторъ подчеркиваетъ происшедшія на протяженіи 100 лѣтъ измѣненія въ земельномъ хозяйствѣ сѣверянъ. Въ виду ближайшей цѣли нашей статьи мы, однако, принуждены ихъ опустить.

Сильная мобилизація земли, съ достаточной наглядностью констатируемая авторомъ, привела къ развитію въ послѣдней трети XVII в. такихъ сдѣлокъ, которыя только спорадически встрѣчались ранѣе въ быту этого населенія: мѣна земельными участками, купля-продажа, залогъ—не только часто совершаются

между владѣльческими крестьянами, но и между черносошными. Однако, на-ряду съ быстрымъ ходомъ хозяйственныхъ отношеній, сопровождающихся обычными, всѣмъ знакомыми результатами, въ народѣ еще живы остатки прежнихъ семейныхъ укладовъ жизни. Это особенно сказывается на *„вотчинѣ“* крестьянскаго двора, т. е. на той земельной единицѣ, за основаніе владѣнія которой писецъ принималъ не однѣ крѣпости, но и старину, и писцовыя записки, и наслѣдованіе, alias ту, которая составляла строго-семейное имущество. По отношенію къ этой *„вотчинѣ“* крестьяне почти постоянно настаиваютъ въ борьбѣ съ монастырями на свое право родовой преэмпціи и родового выкупа: „родственники, пишетъ г. Ивановъ, устраненные отъ всякаго вмѣшательства въ распоряженіе, сохранили за собой возможность возвращать отчужденное имущество въ свои руки путемъ выкупа,—право, не ограниченное, по обычаю, ни лицами, ни временемъ; оно одинаково принадлежало и самому отчуждающему, и тѣмъ, безъ воли которыхъ когда-то нельзя было совершить ни одной сдѣлки. Повидимому, несмотря на установленіе договорнаго срока выкупа по купчимъ и закладнымъ, для монастырей не мало было поводовъ жаловаться на то, что „многіе люди, ихъ сродичи и братья, которые въ монастырь къ нимъ деревни продавали и закладывали, и въ тѣ свои проданныя и закладныя деревни вступаются и бьютъ челомъ о выкупѣ ложно“... Желанія духовныхъ вотчинниковъ шли, однако, гораздо дальше простого ограниченія обычая нормами Судебника и Уложенія, т. е. 40-лѣтней давности и лишеніемъ выкупного права продавца и его нисходящихъ,—они стремились къ послѣдовательному проведенію идеи о неотчуждаемости духовныхъ вотчинъ. Крестьяне, въ свою очередь, крѣпко держались за старый обычай (т. е. обычай родового выкупа). (См. стр. 421 и 422, ibid.).

Иногда въ самыхъ сдѣлкахъ сквозятъ намеки на оставшіеся позади порядки родовыхъ ограниченій въ распоряженіи вотчиной. Такъ, въ одной купчей, приводимой г. Ивановымъ, говорится: „Приказываю братьи своей и племени своему Ларіону и Дмитру и зятьи своей и дочерямъ своимъ, буди вамъ вѣдомо, что есмь продалъ село“. Древнее право разрѣшенія родичами продажи семейнаго имущества здѣсь какъ-бы выразилось въ одномъ оповѣщеніи ихъ, иногда даже дѣлаемомъ post factum. Такія оговорки, налагающія на „родниковъ“ обязанность не вступаться, попадаются и въ духовныхъ завѣщаніяхъ.

Въ вопросѣ о внутреннихъ отношеніяхъ членовъ семьи разбираемая нами статья не даетъ много удовлетворительнаго матеріала. О системѣ посмертнаго преемства авторъ только упоминаетъ мимоходомъ, голословно перечисляя кругъ *„наслѣдниковъ по обычаю“*, но къ какому типу семьи онъ относится, можетъ ли онъ быть признанъ характернымъ по общности своего примѣненія, нако-

нецъ на одномъ ли и какомъ именно обычаѣ онъ покоится,—все это остается безъ освѣщенія: здѣсь необходима была бы и болѣе дробная и точная классификація лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, и болѣе обстоятельное описаніе случаевъ, какъ нормальнаго типа наслѣдованія, такъ и уклоненій отъ него. Сообщаемыя же авторомъ данныя о наслѣдственныхъ правахъ дочерей, видимо, устанавливаютъ только общее извѣстное начало — устраненіе ихъ при наличности братьевъ. Не лишеннымъ интереса является замѣчаніе г-на Иванова о распространенности, хотя и небольшой, но все же существующей, духовныхъ завѣщаній среди крестьянъ того времени: между ними попадаются и изустныя памяти. Но объ отношеніяхъ послѣднихъ къ первымъ авторъ умалчиваетъ, не пытаясь хоть сколько-нибудь ближе уяснить ихъ возникновеніе и степень распространенности. Равнымъ образомъ нѣтъ свѣдѣній, ближе затрогивающихъ вопросъ о субституціи, знакомой практикѣ того времени.

Развитіе отхожихъ промысловъ къ морю, сплачивавшихъ нерѣдко уходившихъ крестьянъ въ договорныя товарищества по охотѣ на звѣря и рыбной ловлѣ, добровольный и вынудительный отливъ населенія въ города и Москву — давали сильный толчокъ къ расширенію и накопленію личной собственности у членовъ семейныхъ общинъ: заработокъ на сторонѣ становился преимущественнымъ, если не исключительнымъ, источникомъ той „*собины*“, свободное, безконтрольное распоряженіе которой ея пріобрѣтателемъ и обладателемъ отмѣчается въ документахъ того времени. Всѣ правоотношенія, матеріальнымъ субстратомъ которыхъ являлась собина, были строго индивидуальными: они касались только лицъ, непосредственно въ нихъ участвующихъ. „Если, говоритъ г-нъ Ивановъ, долги отца уплачиваются сообща (т. е. всѣмъ личнымъ составомъ членовъ даннаго двора), то особые *кабальные* и *безкабальные* долги—самимъ коемужъ свой долгъ платити, на кого выляжетъ кабала, тому и платити“. Собина на сѣверѣ Россіи даже въ XVI в. играетъ значительную роль. Ассимилировались ли съ нею и долги членовъ въ нераздѣльномъ ихъ семейномъ имуществѣ (какъ утверждаетъ авторъ, хотя для причинной связи здѣсь, по нашему мнѣнію, и не можетъ быть мѣста), или нѣтъ, но крестьянскій дворъ, очевидно, къ концу XVII в. значительно уклонился отъ типа замкнутой семейной общины, покоящейся на родовыхъ устояхъ: въ рукахъ мужскихъ его членовъ уже числится достаточное независимое самостоятельное имущество. Это послѣднее передается часто въ общее семейное достояніе, при раздѣлѣ котораго, однако, принимается во вниманіе не возрастъ и трудоспособность наличныхъ членовъ двора, а степень ихъ родственной близости. Оговоримся,—эти же начала наблюдаются при раздѣлѣ и у современныхъ крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. Женщины, наоборотъ, имѣютъ только право собственности на приданое свое

и на ту землю, которая имъ отказывается по духовнымъ завѣщаніямъ. Но какая земля служитъ объектомъ послѣднихъ,—авторъ, къ сожалѣнію, этотъ вопросъ оставляетъ безъ отвѣта. Равнымъ образомъ обходится молчаніемъ этотъ же вопросъ при описаніи правоотношеній, вытекающихъ изъ приданаго, состоящаго изъ земли,—явленія, какъ извѣстно, почти совершенно незнакомаго теперешнему крестьянскому быту центральной и южной Россіи. Между тѣмъ посильное разрѣшеніе этого вопроса внесло бы новую струю въ пониманіе не только одной юридической природы этого института, но и всего правового строя крестьянской семьи того времени. За отсутствіемъ этого приходится довольствоваться только простымъ заявленіемъ самого автора, „что земельный участокъ (какой? кому и на какомъ титулѣ принадлежащій?) переходитъ въ качествѣ приданаго, отсюда: владѣніе деревней по рядной записи",—заявленіемъ, какъ видно, регистрирующимъ только самый фактъ и не дающимъ мѣста къ объясняющимъ его предположеніямъ. „Приданому животу составляется роспись, иногда вмѣстѣ съ нею данная, если выдача послѣдней оговорена въ росписи; отсутствіе ея влечетъ для мужа и дѣтей потерю права на приданый участокъ. Роспись въ приданомъ животѣ имѣетъ характеръ кабалы, пишется на мужа и свекра; одинъ списокъ передается лицамъ, выдающимъ замужъ, другой мужу. Значеніе ея заключается въ томъ, что, послѣ бездѣтной смерти жены, ея родственники и ихъ наслѣдники предъявляютъ по ней требованіе къ мужу и свекру; сама она, послѣ смерти мужа, если жила въ нераздѣльной семьѣ при свекрѣ, можетъ требовать возвращенія приданаго. Такъ что если у крестьянъ не выработался терминъ и формула гипотеки, принадлежащей женѣ и ея родственникамъ на имущество мужа, то существо ея признавалось. Отдѣльность приданаго живота и деревень проходитъ на всю жизнь супруговъ. По общему правилу всѣ сдѣлки совершаетъ мужъ, часто вмѣстѣ съ сыновьями,—жена въ нихъ не участвуетъ; но разъ предметомъ ихъ дѣлается приданое, рядомъ съ мужемъ, какъ товарищъ, выступаетъ жена. Въ этихъ случаяхъ взаимное положеніе супруговъ по приданому находитъ полную аналогію, по словамъ г-на Иванова, съ положеніемъ складниковъ (паевыхъ сотоварищей) при покупкѣ на общія средства: по крайней мѣрѣ формулы сдѣлокъ и супруговъ и складниковъ тождественны по своимъ выраженіямъ. Но этотъ аргументъ, на которомъ настаиваетъ авторъ, кажется намъ мало убѣдительнымъ. Мы не знаемъ, по всѣмъ ли сдѣлкамъ безусловно юридическая отвѣтственность падала на мужа, и не зависѣло ли это отъ степени „участія въ строеніи дома" самой жены. По крайней мѣрѣ литературѣ современнаго права извѣстны случаи, исключительно характерные для малой семьи, когда по долговымъ обязательствамъ (напр. займу), заключеннымъ ради общей семейной нужды, приданое становится ipso jure отвѣтственнымъ имуществомъ. Далѣе, страннымъ (чтобы не сказать мало-вѣроят-

нымъ) оказывается и утвержденіе г-на Иванова о „полной отдѣльности приданаго живота и деревень, проходящей въ теченіе всей жизни супруговъ“,—страннымъ потому, что самъ же авторъ категорически заявляетъ ниже: „приданая деревня отчуждается отъ имени обоихъ супруговъ“. Если мужъ не имѣетъ никакого права на приданую землю жены своей, то почему его соглашеніе требуется при отчужденіи этой земли? Очевидно, мужъ не является лицомъ совершенно безправнымъ по отношенію къ приданому своей жены и до момента его отчужденія, а слѣдовательно аналогія между положеніемъ супруговъ по приданому и взаимоотношеніемъ товарищей-складниковъ, которую усматриваетъ авторъ, только внѣшняя: пытаться на ней выяснить самую природу приданаго невозожно безъ серьезныхъ противорѣчій. Болѣе детальное изученіе относящихся сюда документовъ съ широкимъ привлеченіемъ новаго матеріала несомнѣнно точно вскрыло бы передъ нами специфическія свойства этого, мало разработаннаго въ исторіи нашего права, глубоко интереснаго института.

Рѣшающія въ извѣстномъ смыслѣ данныя сообщаетъ г-нъ Ивановъ о положеніи пріемнаго зятя въ семьѣ тестя. Въ литературѣ нашего обычнаго права вопросъ о квалификаціи положенія принятаго въ семью зятя (зятя—влазеня, пріймака, пріемыша, зятя вхожаго)—одинъ изъ самыхъ спорныхъ и, если можно выразиться, острыхъ вопросовъ. Большинство изслѣдователей уравниваетъ такого зятя съ положеніемъ наемнаго работника, иногда вносящаго и свой самостоятельный имущественный пай въ семью, но однако не пользующагося всѣми правами семьянина наравнѣ съ другими природными членами дома. Свое же право наслѣдованія послѣ смерти тестя (признаваемое многими мѣстными обычаями) онъ какъ-бы „*зарабатываетъ*“, т. е. получаетъ его уже спустя извѣстное количество лѣтъ (цифра лѣтъ или совершенно не опредѣляется или различно фиксируется въ различныхъ районахъ) послѣ своей „*работы*“ на семью тестя. На такомъ оттѣненіи именно этой стороны въ положеніи пріемнаго зятя поставленный нами вопросъ врядъ-ли разрѣшимъ: на немъ, какъ и вообще на всѣхъ образованіяхъ обычнаго права, отражаются часто новыя экономическія теченія крестьянской жизни, ранѣе не имѣвшія мѣста и сообщающія иную формулировку правовымъ отношеніямъ. Правда, выдвинутый тезисъ о положеніи зятя-пріймака подтверждается многими современными извѣстіями, но тамъ, гдѣ еще живы прежніе, близкіе къ родовому строю порядки, зять-пріймакъ, повидимому, является не простымъ работникомъ-наймитомъ, а членомъ, и, какъ кажется, полноправнымъ въ семьѣ тестя, хотя и получающимъ урочное вознагражденіе за свой трудъ, но не теряющимъ черезъ это ни одного изъ своихъ правъ, по крайней мѣрѣ самаго важнѣйшаго изъ нихъ—наслѣдственнаго: „Онъ вноситъ, пишетъ г-нъ Ивановъ, въ дворъ тестя свой вкладъ, преимуществен-

но движимостью, рѣже землею, вѣроятно тогда, когда онъ былъ самостоятельнымъ хозяиномъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ зять былъ работникомъ на старшую семью и получалъ вмѣстѣ съ женой полѣтную плату; если это обязательство кормить и поить стариковъ выполнялось имъ добросовѣстно, онъ получалъ еще при жизни тестя и отступной его участокъ, съ сохраненіемъ старыхъ обязательствъ. *Связь зятя со старшей семьей не прекращалась даже по смерти дочери; онъ въ такомъ случаѣ не только могъ, но былъ обязанъ жениться вторично и по прежнему жить въ семьѣ перваго тестя: къ нему, какъ къ наслѣднику, переходила и деревня*" (стр. 417). При сопоставленіи этого отрывка съ новѣйшими свѣдѣніями о положеніи зятя-приймака, заимствованными изъ современнаго намъ народнаго быта, ясно намѣчаются два теченія въ этомъ вопросѣ: слѣды перваго, указаннаго нами, болѣе ранняго изъ нихъ, и теперь еще попадающіеся [1]), напечатлѣлись, очевидно, такимъ строемъ семейной общины, корни котораго углублены въ сѣдую древность, когда семья упражняла свою власть съ одинаковой силой и надъ своими кровными членами, и надъ вошедшими въ нее извнѣ.

Приведеными нами извлеченіями почти исчерпываются всѣ данныя, находящіяся въ статьѣ г-на Иванова, по обычному праву нашего сѣвернаго населенія. Говоримъ почти, такъ какъ указанія нашего автора на юридическое положеніе матери-вдовы въ семьѣ, на ея права, какъ наслѣдственныя, такъ и на „вдовій прижитокъ", не представляютъ изъ себя чего-либо новаго, неизвѣстнаго ни нашей литературѣ обычнаго права, ни исторіи права. Къ тому же изложеніе этихъ вопросовъ у г-на Иванова позволяетъ желать улучшенія въ смыслѣ полноты матеріала и въ смыслѣ болѣе отчетливой постановки ихъ. Интересной, хотя и не подробной отмѣткой для той эпохи является упоминаніе авторомъ о „товарищескомъ крестьянскомъ дворѣ". „Въ одномъ дворѣ иногда жили посторонніе товарищи-складники, согласившіеся сообща владѣть землей и вести хозяйство. Иногда сообща только владѣли землей; на дворѣ же съ однимъ изъ товарищей жилъ и велъ хозяйство половникъ другого. Товарищество продолжалось до опредѣленнаго срока, послѣ котораго складники расходились, дѣля общее имущество, точно такъ какъ семейные (?). Нерѣдко товарищества создавались только съ цѣлью общаго пріобрѣтенія земли; по достиженіи этой цѣли, товарищества распадались, оставляя за собой тѣ же самыя послѣдствія, что и распаденіе семей" (?). Къ сожалѣнію, авторъ ближе не вводитъ читателя во внутреннюю организацію такихъ товариществъ, а его ссылки на параллели между товариществами

[1]) Статья *Довнаръ-Запольскаго*: Очерки семейственнаго права крестьянъ Минской губ. въ „Этногр. Обозрѣніи", кн. XXXII и XXXIII (1897 г).

и семьями въ моментъ ихъ распаденія не прибавляютъ ничего къ уясненію сути и взаимныхъ отношеній членовъ подобныхъ товариществъ.

Подводя итоги находящемуся матеріалу по обычному праву въ упомянутой статьѣ, замѣтимъ еще разъ, что задачей, поставленной авторомъ ad hoc, былъ экономическій анализъ одной изъ страницъ въ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на нашемъ Сѣверѣ. Но и тѣ попутныя свѣдѣнія, которыя найдутся въ этой статьѣ по отдѣльнымъ вопросамъ правового быта крестьянскаго неселенія, получаютъ свою цѣну въ виду двухъ вѣковъ, пролетѣвшихъ надъ жизнью того края съ момента взятой авторомъ даты.

А. Киселевъ.

Изъ области религіозныхъ вѣрованій горныхъ таджиковъ.

Религіозныя воззрѣнія горнаго таджика не сложны и крайне просты.

Тысячелѣтняя давность ислама среди таджиковъ Нагорной Азіи повидимому не оставила глубокихъ и прочныхъ слѣдовъ въ ихъ вѣрованіяхъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ міросозерцаніе Арабскаго пророка совершенно изгладило первобытныя религіозныя представленія народовъ. Что за причины того—многовѣковая ли замкнутность этихъ таджиковъ въ горныхъ трущобахъ и потому разобщенность ихъ отъ остального мусульманскаго міра, полнѣйшее ли невѣжество муллъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не желаніе—а иногда и открытая враждебность—принимать всякаго пріѣзжаго миссіонера изъ великихъ медресе священной Бухары и изъ Самарканда—судить не берусь. Во всякомъ случаѣ горецъ довольно равнодушно относится къ своей настоящей религіи—мусульманству—и свято чтитъ свои старые исконные вѣрованія и обычаи, которые почти исчезли у его сородича—равниннаго таджика. По мнѣнію горнаго иранца во главѣ всего міра видимаго и невидимаго стоитъ „Худо-Парвардигоръ" (Богъ-Питатель), существо вѣчное и всемогущее, доброе и грозное, смотря по обстоятельствамъ. Кто онъ, откуда? Смертнымъ не дано этого знать: „Онъ самъ появился", какъ объясняется самимъ его названіемъ „Худо". Его жилище—небо,—тамъ Его постоянный престолъ и пребываніе. Худо часто сходитъ на землю и слѣдитъ за людьми, за ихъ поступками, слѣдитъ своимъ всевидящимъ окомъ за дѣтьми и за домашними животными,—какъ съ ними обращается и какъ ухаживаетъ за ними „его рабъ—человѣкъ": бережетъ ли ихъ, кормитъ ли, заботится ли о нихъ. „И малыя дѣти и животныя языка не имѣютъ, своихъ нуждъ не

выскажутъ никому,—кто же о нихъ позаботится, какъ не вѣчный Худо-Парвардигоръ?"—наивно разсуждаетъ горецъ-таджикъ.

Слуги Худо, добрые духи, созданные имъ, раздѣляются на двѣ категоріи. Первые—*фириштя* (ангелы) прямые исполнители его велѣній, охранители людей. Когда дитя находится еще въ утробѣ матери, Худо, давъ младенцу жизнь, умъ и дыханіе, посылаетъ къ нему ангела, который даетъ ему глаза, языкъ и питаетъ его все время до появленія его на свѣтъ. По рожденіи, къ человѣку Худо посылаетъ двухъ ангеловъ, которые и остаются съ нимъ на всю жизнь, постоянно сидя у него на плечахъ. Это, по вѣрованію горцевъ, дѣлается безконечно добрымъ Худо для защиты человѣка отъ двухъ злыхъ духовъ, которыхъ посылаютъ къ каждому изъ людей темныя силы. По смерти человѣка эти ангелы возносятъ его душу на судъ праведнаго Худо. Въ звѣздныя, ясныя ночи всегда можно наблюдать дорогу святыхъ людей и дѣтей къ престолу Худо—это Млечный путь.

Близко къ фириштя стоятъ добрые духи болѣе низшіе, чѣмъ они. Это *пари*, или *парик*—благодѣтели людей и животныхъ, геніи-покровители каждаго семейства, невидимые покровители стадъ и пастуховъ. Пари горецъ-таджикъ представляетъ въ видѣ женскихъ существъ необыкновенной красоты. Ихъ свѣтозарное сіяніе такъ ослѣпительно, что человѣкъ не выноситъ его. Ихъ длинные бѣлокурые волосы напоминаютъ златокованную парчу. Ихъ синія очи сверкаютъ „какъ камни въ ризѣ вѣчнаго Худо", т. е. какъ звѣзды. Пари очень любятъ людей и если человѣкъ ведетъ добродѣтельную жизнь, если онъ добръ и милосердъ, то онѣ, тайно покровительствуя ему, приносятъ счастье и удачу во всемъ. При этомъ, если добродѣтельный человѣкъ бѣденъ и не имѣетъ жены, то пари ночью тайно замѣняетъ ему ее. Добрые люди иногда видятъ пари, злымъ же и отличающимся зазорною жизнью не дано такого счастья: пари отвертываются отъ нихъ и держатся вдали отъ такихъ людей. Представляя себѣ пари въ видѣ добраго генія, покровителя, горецъ-таджикъ допускаетъ и зло со стороны этого добраго духа, впрочемъ по отношенію къ однимъ только новорожденнымъ и роженицамъ. Когда подлѣ родившагося и родильницы нѣтъ людей, то пари заглядываютъ въ то мѣсто, гдѣ они находятся и ударяютъ ихъ по какой либо части тѣла, отчего происходятъ пораненія или увѣчья тѣхъ или другихъ членовъ тѣ-

ла, наприм.: отнимается рука или нога, появляется горбъ, перекашивается ротъ, бываютъ пораненія и т. д. И почти всегда по горнымъ кишлакамъ Каратегина и Дарваза при встрѣчѣ съ страдающими падучею болѣзнью, золотухою, огневицею и т. п. на вопросъ о причинѣ этого слышится всегда одинъ отвѣтъ: „въ дѣтствѣ съ нимъ пошутила пари".

Богъ-творецъ Худо и подчиненные ему добрые духи, его слуги, фириштя и пари или парикъ, составляютъ одинъ общій міръ— царство добра, свѣта и правды и ведутъ непрерывную борьбу съ темными силами, которыми наполнена вся земля и атмосфера. Всемогущій Худо поражаетъ и убиваетъ злыхъ духовъ во множествѣ, но изъ утробы земли, изъ нѣдръ горъ, изъ безпредѣльныхъ воздушныхъ міровъ темныя сила выставляютъ противъ творца міровъ все новые и новые отряды. Этотъ міръ темныхъ силъ, съ которымъ борются добрыя начала въ мірѣ, Богъ-Творецъ и подчиненные ему добрые духи, ведетъ также постоянную брань и съ „рабомъ земли" (бандаи-хок), человѣкомъ, и съ животными, двумя чистѣйшими твореніями Худо. Проявленіе дѣйствія злыхъ силъ на человѣка и животныхъ выражается или посредствомъ всевозможныхъ болѣзней, или психическимъ разстройствомъ, или же, наконецъ, внезапной смертью. И горецъ-таджикъ, на каждомъ шагу трепеща за свое существованіе, такъ или иначе старается избавиться отъ такого гибельнаго вліянія темныхъ силъ. Правда, онъ не прибѣгаетъ къ ихъ умилостивленію, не старается задобрить ихъ жертвами и молитвами, не прибѣгаетъ и къ заклинаніямъ, нѣтъ, онъ только молитъ Худо—повелителя двухъ міровъ: добраго и злого,—чтобы онъ спасъ его отъ козней злыхъ духовъ и далъ бы ему покровителемъ добраго духа. Какъ вещественное средство для отогнанія злыхъ духовъ (какъ наприм. въ Дарвазѣ по Пянжу) употребляютъ талисманъ („айкяль"), который носится всѣми безъ исключенія туземцами и ихъ домашними животными. „Айкяль" обыкновенно представляетъ собою клочекъ бумаги съ надписью: „Бисмиллаһир рахманір-рахими", или вообще какое либо изреченіе изъ Корана. Подобный клочекъ зашивается въ кожу или въ „мату" (бѣлая хлопчатобумажная ткань) въ формѣ равнобедреннаго треугольника и подвѣшивается у каждаго на правой рукѣ, или на правомъ боку, а нерѣдко даже и на правомъ ухѣ. У лошадей „айкяль" прикрѣпляется къ гривѣ, у ро-

6*

гатаго же скота къ рогамъ. Очень часто можно встрѣтить и людей и животныхъ, у которыхъ встрѣчается по нѣсколько подобныхъ талисмановъ. Имѣя такой талисманъ, по вѣрованію горцевъ-таджиковъ, можно быть застрахованнымъ отъ всякихъ козней злого міра, который составляютъ: *дэвы* или *деў*, *шайтаны джины* или *аджина*, *гули-явони* и *аждахор'ы* (драконы).

Дэвы—это духи-мужчины гигантскаго роста, сильные, могучіе, покрытые шерстью, съ острыми когтями на рукахъ и ногахъ; съ ужасными лицами. Ихъ обиталище—внутри горъ, въ утробѣ земли и на днѣ озеръ. Дэвы стерегутъ тамъ сокровища земли: золото, серебро и драгоцѣнные камни. Они великіе мастера дѣлать различныя ювелирныя вещи изъ находящихся въ ихъ распоряженіи благородныхъ маталловъ и камней. Порою случающіеся различные обвалы въ горахъ и сотрясенія почвы туземцы объясняютъ стукомъ дэвовъ въ своихъ мастерскихъ или же просто тѣмъ, что „дэвъ бунтуетъ". Дэвы ненавидятъ все человѣчество и при первой встрѣчѣ съ людьми убиваютъ ихъ, или уносятъ въ свои мрачныя жилища. Чувство жалости и состраданія имъ невѣдомо; страха возмездія за свои поступки отъ Худо они не знаютъ. Въ многочисленныхъ памятникахъ народнаго творчества горныхъ иранцевъ, называемыхъ то „Обсана", то „Осуна", рисуются многочисленныя сцены кровавыхъ битвъ дэвовъ съ различными царями и героями. Въ нихъ то дэвы одолѣваютъ людей, то сами гибнутъ въ жестокихъ битвахъ. Пища дэвовъ, по вѣрованію горцевъ, состоитъ исключительно изъ человѣческаго мяса, и внутри ихъ жилищъ всегда есть темницы, гдѣ томятся сотни людей, удручаемые страхомъ каждодневной смерти, такъ какъ каждый день дэвъ выбираетъ себѣ по два человѣка, одного на обѣдъ, а другого на ужинъ. Звонъ цѣпей заключенныхъ, ихъ стоны и мольбы не трогаютъ сердце дэва, и на всѣ воззванія невольниковъ къ дэву о жалости и состраданіи, на всѣ заклятія его именемъ Худо, дэвъ отвѣчаетъ страшными богохульствами. Похищая людей, чтобы они служили имъ пищею, дэвы также съ помощію только имъ извѣстныхъ чаръ нерѣдко уносятъ въ свои недоступныя убѣжища и свѣтлыхъ пари, которыхъ и дѣлаютъ себѣ женами. Проливая каждый день жемчужныя слезы, пари томится десятки, сотни лѣтъ въ тяжкой неволѣ у дэва, моля и прося Худо послать ей избавленіе. И милосердый Худо въ концѣ-концовъ шлетъ на помощь доброму духу свое

созданіе — „раба земли“, человѣка, и при томъ героя (палавон'а), который убиваетъ дэва и освобождаетъ пари.

Вмѣстѣ съ дэвами, духами-мужчинами, существуютъ злые духи-женщины. Это—*шайтаны*. Они страшнаго вида, ихъ туловище напоминаетъ что то полузвѣриное, получеловѣческое; на рукахъ и на ногахъ у нихъ острые когти; на головѣ, вмѣсто волосъ, извивающіяся змѣи. Шайтаны не имѣютъ опредѣленныхъ жилищъ и вѣчно странствуютъ по воздуху и по землѣ, разнося зло и грѣхъ. Каждое совершившееся беззаконіе, каждая сдѣланная вопіющая несправедливость на землѣ—„это слѣдъ пролетѣвшаго шайтана“, говорятъ горцы-таджики. Шайтаны—это причина всѣхъ проявленій враждебности между людьми; ненависть, злоба, зависть, скрытая и явная вражда, убійства, война и т. п.—все это носитъ одно общее названіе „сѣмя шайтана“ (тухми шайтан). Если бы не было шайтана, то, по вѣрованію горцевъ, на землѣ было-бы царство взаимной братской любви между человѣчествомъ,—всякія бы проявленія зла между людьми отсутствовали, такъ какъ остальные злые духи имѣютъ вліяніе только на физическую сторону человѣка, съ чѣмъ можно еще примириться. Таковъ общій взглядъ у всѣхъ горцевъ-таджиковъ на шайтана. Позволю себѣ привести здѣсь другое воззрѣніе на шайтана у другого народа, именно у арабовъ племени Курайшъ, живущихъ въ долинѣ р. Яхъ-су, на границахъ Дарваза и Бадахшана. По вѣрованію этихъ арабовъ, шайтанъ есть отвлеченное понятіе, и за духа его считать никакъ нельзя. Шайтанъ есть общее собирательное имя мірового зла, въ чемъ бы оно ни проявлялось. Ссора, драка, война, смятеніе, различныя тайныя и явныя омерзительныя проявленія человѣческихъ страстей—все это носитъ одно общее названіе „шайтана“.

Третью категорію темныхъ силъ составляютъ существа болѣе низшія, чѣмъ дэвы или шайтаны, это—*джины* или *аджина*. Они живутъ въ покинутыхъ, не жилыхъ помѣщеніяхъ. Джины—это тѣни нѣкогда жившихъ здѣсь людей, которыхъ Худо за различные проступки и грѣхи на землѣ обрекъ вѣчно скитаться вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили. Джины представляются горцами-таджиками въ видѣ существъ мужского и женскаго пола; они очень злы, не любятъ людей и при первомъ удобномъ случаѣ всячески стараются вредить имъ. Случается, что люди ихъ видятъ, при чемъ въ тотъ самый моментъ, когда че-

ловѣкъ увидитъ джина, тотъ ударяетъ его рукою по тѣлу, и человѣкъ, отъ боли и испугавшись ихъ страшнаго вида, дѣлается сумасшедшимъ (дівона) на всю жизнь. По вѣрованію горцевъ, джиновъ въ особенности можно встрѣтить въ сумерки и ночью подлѣ кишлаковъ, на развалинахъ старыхъ домовъ и на кладбищахъ. Глубокая увѣренность въ существованіи джиновъ и страхъ предъ ними такъ велики, что горецъ ни за что не согласится подойти къ старымъ развалинамъ послѣ того, какъ солнце скроется за горными вершинами, изъ опасенія, что могутъ встрѣтиться озлобленныя тѣни нѣкоторыхъ его предковъ и сдѣлать его калѣкой на всю жизнь. Только лишь одни „урусы", которые въ состояніи убивать дэвовъ, не хуже „палавоновъ", не боятся джиновъ и даже могутъ порою подчинить ихъ своей власти. Это повѣрье встрѣчается во многихъ горныхъ кишлакахъ. Помню, напримѣръ, какъ въ Дарвазѣ, въ верховьяхъ Оби-Хингоў, одинъ таджикъ пресерьезно увѣрялъ меня, какъ ему пришлось быть въ „очаровательномъ Кокандѣ", и помимо всякихъ чудесъ онъ видѣлъ тамъ громадную шкуру дэва, желтаго цвѣта съ поперечными темными полосами, которую продавалъ русскій въ своей лавкѣ, да видѣлъ еще, какъ водилъ какой-то человѣкъ по улицамъ на веревочкѣ „джина", такого маленькаго (надо полагать еще ребенка), черненькаго и очень присмирѣвшаго, который подъ музыку плясалъ и кувыркался.

Въ горныхъ лѣсахъ и рощахъ, въ чащахъ прирѣчныхъ кустарниковъ живутъ лѣсныя существа, подобныя человѣку, покрытыя черною шерстью, съ когтями на рукахъ и ногахъ, необычайной силы, всегда вооруженныя тяжелыми дубинами. Это *гули-явони*— лѣсные демоны, соотвѣтствующіе нашимъ лѣшимъ. При встрѣчѣ съ людьми они безжалостно убиваютъ ихъ. Причемъ тѣло человѣка, погибшаго отъ руки этого лѣсовика, дѣлается чернымъ и покрывается мѣстами кровавыми полосами, которыя есть ничто иное, какъ слѣды когтей „гули-явони". По этимъ признакамъ всегда можно узнать, что человѣкъ погибъ отъ руки страшнаго обитателя лѣсовъ. И только сильный духомъ и тѣломъ человѣкъ— герой (палавонъ) можетъ въ долгомъ и ужасномъ бою одолѣть „гули-явони" и убить его мечомъ, простымъ же смертнымъ нечего и думать избѣжать смерти отъ руки этого лѣсовика.

По берегамъ горныхъ рѣчекъ, въ мрачныхъ ущельяхъ горъ, гдѣ зарождаются шумные потоки, обитаютъ драконы *аждаһор* —

духи въ видѣ большихъ змѣй безъ ногъ, съ длинною гривою, съ громадною головою и страшною пастью, которая усажена острыми и крѣпкими зубами. Изъ пасти дракона выходитъ дымъ и огонь и постоянно истекаетъ желтая ядовитая слюна. Пасть дракона и глотка такъ велики, что проглотить человѣка для него ничего не значитъ. Драконы очень любятъ лакомиться человѣческимъ мясомъ и потому, какъ только завидятъ человѣка, стараются втянуть его въ себя, съ необыкновенной силой вбирая въ себя воздухъ. Попавъ въ эту воздушную струю, человѣкъ какъ перо летитъ къ пасти дракона и отуманенный зловонными испареніями, выходящими изо рта послѣдняго, обожженный его огнемъ, безъ чувствъ падаетъ въ ротъ аждаһор'а, который и пожираетъ его.

Всѣ драконы и змѣи горъ подчиняются живущему въ недоступныхъ для людей заоблачныхъ высяхъ горъ, змѣиному царю (Шоһи-моро), который обитаетъ въ своей станицѣ „Змѣиномъ городѣ". Онъ великій волшебникъ, и окружающая его свита старается превзойти другъ друга въ совершеніи различныхъ невиданныхъ и небывалыхъ проявленій волшебной силы.

Всѣ эти перечисленные добрые и злые духи неразрывно связаны съ религіозными представленіями горныхъ иранцевъ. Безъ этихъ добрыхъ и злыхъ силъ трудно представить себѣ жизнь горца-таджика, который всѣ дни своего существованія проводитъ въ туманѣ поэтическихъ легендъ, наивныхъ преданій старины и мистическихъ религіозныхъ образовъ. Во всѣхъ памятникахъ туземнаго народнаго творчества, во всѣхъ этихъ многочисленныхъ *обсана* или *осуна*, главные герои: дэвы, пари, драконы, цари, герои и проч., которые ведутъ безпрерывную войну между собою, и всегда почти проявленія злыхъ силъ, въ чемъ бы они ни выражались, побѣждаются добрыми началами. И горецъ-таджикъ свято вѣритъ въ простотѣ своей младенческой души, что когда-нибудь, чрезъ много, много лѣтъ всемилосердый Худо и подчиненные ему добрые и свѣтлые духи побѣдятъ темныя силы, которыя господствуютъ въ мірѣ въ видѣ дэвовъ, шайтановъ, джиновъ, гули-явони и драконовъ. Худо заключитъ ихъ въ пустынныя, дикія горныя области, съ мрачными ущельями, съ бездонными пропастями, съ шумящими водопадами, наложитъ на нихъ великое заклятіе, и они не выйдутъ оттуда никогда, не будутъ больше терзать человѣчество, разносить зло по землѣ, убивать людей или дѣлать ихъ

уродами. Всякое зло, въ чемъ бы оно ни проявлялось, навсегда исчезнетъ изъ міра, уступивъ мѣсто царству добра, свѣта и правды во главѣ съ милосердымъ Худо-Парвардигор'омъ и подчиненными ему добрыми духами. Когда же исчезнетъ изъ міра зло, скоро ли воцарится въ немъ добро и правда? На эти скорбные вопросы мятущагося духомъ человѣчества горецъ-таджикъ съ глубокимъ убѣжденіемъ наивно отвѣчаетъ: „скоро". Драконы ужъ стали встрѣчаться рѣдко. Не замедлитъ дойти очередь и до другихъ темныхъ силъ: ужъ Худо и добро стоятъ у вратъ Нагорной Азіи.

А. Семеновъ.

СМѢСЬ.

Былины, записанныя въ Пермской губерніи.

Предлагаемые вниманію читателей три былинные отрывка записаны лѣтомъ 1897 г. въ Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи и доставлены въ Этнографическій Отдѣлъ *Е. Н. Косвинцевымъ*. Они заслуживаютъ несомнѣннаго вниманія изслѣдователей русскаго эпоса уже по одному тому соображенію, что до сихъ поръ не было извѣстно *ни одной* былины изъ этой губерніи, если не считать сборника, приписываемаго Киршѣ Данилову и составленнаго во второй половинѣ прошлаго вѣка, вѣроятно, на Уралѣ, но со словъ „сибирскихъ людей“. Впрочемъ о существованіи былинъ въ Пермской губ. можно было догадываться на томъ основаніи, что извѣстны двѣ пермскія сказки, представляющія изъ себя не что иное, какъ разложившіяся былины [1]). Съ этимъ фактомъ разложенія пермскихъ былинъ интересно сопоставить свѣдѣніе, даваемое г. Косвинцевымъ о томъ, что лица, сообщавшія ему былины, „разсказывали ихъ на-распѣвъ“. Очевидно, чисто-пѣсенная былинная традиція исчезла уже въ Кунгурскомъ уѣздѣ и замѣнилась разсказываніемъ на-распѣвъ, подобнымъ речитативу дѣтскихъ прибаутокъ; сообразно съ этимъ и былинный стихъ долженъ былъ приблизиться къ размѣренной рѣчи, которая характеризуетъ прибаутки и побасенки. Именно такимъ характеромъ стиха отличаются новыя записи, особенно № 1. Для сравненія выберемъ нѣсколько стиховъ изъ матеріаловъ, записанныхъ въ той же Пермской губерніи: „Байки, басенки, побасенки (правильнѣе—пабасенки) и скороговорки“ [2]):

1. У кота, кота
Колыбелька золота:
Какъ у нашей Машеньки
Лучше того:
Кольца то́ченыя,
Позолоченыя...
Будешь въ золотѣ ходить,
Чисто сѐребро носить,
Нянькамъ да мамкамъ
Обноски давать,
Старымъ старушкамъ
На повойники.

---

[1]) *Кирѣевскій*, V, Прил., стр. I.—Пермскій Сборникъ, II, отд. II, 166, № 6.
[2]) Записки И. Р. Географич. Общества по отдѣленію Этнографіи, I, 663 666.

2. Няньки, мамки
Качаютъ дитю,
Сѣнныя дѣвушки
Прибаукиваютъ,
Приговариваютъ.
3. Гдѣ-ка кучка ржи,
Тутъ пива жди.
Кошка въ лукошкѣ
Маялась;
Мышь въ горшкѣ
Успокоилась.
4. Барыня за печкой
Оладышки печетъ,
Хохлатая собачка
Подхватываетъ.

Упадокъ былинной традиціи въ Кунгурскомъ уѣздѣ выражается также въ отсутствіи спеціальныхъ терминовъ, каковы: для обозначенія былины—старина [1]) и для названія пѣвца—сказитель или сказатель. Несмотря на все это, новыя записи представляютъ немаловажное значеніе какъ потому, что содержитъ сравнительно малоизвѣстныя былины, такъ и потому, что онѣ сдѣланы на переходѣ изъ Европейской Россіи въ Сибирь и въ силу этого могутъ пригодиться для выясненія вопроса о мѣстѣ, откуда колонизаціонное движеніе занесло въ Сибирь старое эпическое достояніе великоруссовъ. Наконецъ, онѣ представляютъ интересъ и въ діалектическомъ отношеніи, такъ какъ записаны съ сохраненіемъ особенностей мѣстнаго говора.

Теперь приведемъ былины, сообщенныя г. Косвинцевымъ.

I.

Буянъ богатырь.

Што ето за молодечь, што ето за удалечь?
Буянъ [2]) богатырь свѣтъ-Буяновиць.
Онъ во горничю идетъ, на плецяхъ шубу несетъ,
По́лы вслѣдъ волокётъ,
А и полы-тѣ, полы узорцяты,
Соболями онѣ оторбцёны;
А и шапка у Буянушки до вплоть потолка,
Сапожки у Буянушки сафьянцяты,
Тонкопятцяты—
Фсе поскрипываютъ, фсе поплясываютъ.
Онъ во горничю фходилъ—не здоровалса,
Онъ и красному углу не кланелса,
Онъ и добрымъ-тѣ хозяевамъ не куцился [3]),
Гостей подъ бока толкалъ, робятъ подъ столы пиналъ;

---

[1]) По словамъ г. Косвинцева, употребляется выраженіе „разсказать про старину (или старинку)“, но въ примѣненіи не только къ былинамъ, но и ко всякимъ историческимъ разсказамъ и мѣстнымъ преданіямъ.

[2]) Произносятъ еще: „Боянъ“. *Е. Н. К.*

[3]) Ку́ц(ч)итця—обращаться съ просьбой. *Е. Н. К.*

За столъ Буянъ садился не молюцись,
А и бралъ онъ цяру зёлена вина,
Выпивалъ іё до самова до дна:
Налевалъ онъ во-другóреть-жды,
Выпивалъ не понатýжившись;
Выпивъ цяру, онъ въ котомку іё клалъ
И вобратъ пошолъ изъ горничи,
Не простифшись, не помóлюцись.
Ушъ онъ хлопнулъ дверями—скобонька долой.
Ушъ онъ топнулъ ногой—лѣсенки долой,
Тоцёныё перила роспалися,
Въ окончяхъ стекóлки повыбилися.
Ушъ одва-одва хозяева опомнилися,
Гостямъ онѣ словецюшкомъ отмолвилися:
„Не шумите вы, не буяньте вы:
Буянушко услышитъ—воротитчя,
Перебьетъ насъ фсѣхъ, перережметъ насъ фсѣхъ"!

(Конца разсказчикъ не помнитъ. Записано Е. Н. Косвинцевымъ въ деревнѣ Косвинцевой, Асовской волости, отъ 64-лѣтняго крестьянина Никиты Косвинцева).

До сихъ поръ не было извѣстно былинъ съ именемъ Буяна, и надо думать, что это имя отвлечено отъ нарицательнаго названія богатыря-буяна. Былинъ, которыя разсказываютъ о буйствѣ богатыря, называя его Ильею Муроцмемъ, извѣстно немного [1]). Въ большинствѣ варіантовъ содержаніе излагается слѣдующимъ образомъ: однажды князь Владиміръ не позвалъ на пиръ Илью; тотъ все-таки пришелъ, нарядившись каликой и назвавши себя Никитой-залѣшаниномъ. Князь посадилъ его на окольнее мѣсто; это разсердило Илью, и онъ началъ говорить дерзости князю и боярамъ. Тогда князь велѣлъ своимъ богатырямъ вывести незванаго гостя изъ палатъ; вотъ это и дало ему случай набуянить. Ближайшій варіантъ къ новой записи представляетъ былина *Киръевскаго*, IV, 49, записанная въ Онежскомъ уѣздѣ Арахангельской губ. Здѣсь—также, какъ и въ нашей былинѣ—разсказъ начинается прямо приходомъ въ княжескую гридню „незнамаго человѣка", который не названъ Ильей Муромцемъ, но сохраняетъ прозваніе послѣдняго—Никита; онежскій пересказъ запомнилъ также имена князя и княгини, совсѣмъ забытыя въ пермскомъ варіантѣ. Замѣчательно, что онъ обрывается на тѣхъ же словахъ, какъ и наша запись, и отличается также прибауточнымъ размѣромъ стиховъ.

[1]) *Киръевскій*, I, 84; IV, 46, 49; *Рыбниковъ*, I, 95 (=*Гильфердингъ*, № 47); II, 333—340 (=*Гильф.*, послѣ № 72); III, 33—35; *Гильфердингъ*, № 76; *Саратовскій Сборникъ*, I. Саратовъ. 1881, отд. II, 14.

II.

Чурило Пелёнковичъ.

Не во стольномъ ли городѣ Кіевѣ,
Не на томъ ли пиру да на княжецкомъ,
Тамъ не красная дѣвичя красовалася,
Тамъ не бѣлая лебёдушка миловалася:
Сидѣлъ-то, сидѣлъ тамъ удалой молодечь
Цюрило-свѣтъ сынъ Пелёнковиць.
Онъ не съ кѣмъ-то удалъ не задиряетчя,
Онъ не цѣмъ-то умёнъ не похваляетчя.
А и гости-то сидятъ—фсе на Цюрилу гледятъ;
Князь-то со кнегиней не налюбуютчя:
„А ушъ што и за хорошъ парéнь,
А ушъ што и за пригошъ парéнь!
Не шумливой онъ какъ вёшная вода,
Не крикливой онъ какъ воронушка,
Не спѣсифъ онъ какъ попофской сынъ“.
Тутъ кнегиня молодая розгорѣлася,
Пуше фсѣхъ на молотча загледѣлася;
И за сто на её мамынька зъѣлася
Брызнули слезоньки изъ гласъ,
Выпала вилоцькя изъ рукъ
На шолкóвую скатёроцькю.
И увидѣлъ князь побѣдушку,
И сказалъ онъ тутъ Цюрилушкѣ:
„Былъ ты у меня спальникомъ,
А теперичe станёшъ клишникомъ [1]):
А ставать тибѣ ранёхонько,
Умыватися билёхонько,
Коня воронóва сѣдлать.
По фсѣмъ уличямъ, проулоцькямъ гонять,
Милы́хъ гостей зазывать:
Мужьёвъ-то со жонами,
Князьёвъ со княгинями,
Бояръ со боярынями“.
И ставалъ тутъ Цюрилушка ранешенько,
Умывался водицой билешенько,
Плáтомъ рыло утиралъ,
Грéбнемъ кудерчи цесалъ,
Коня воронóва сѣдлалъ
И по уличямъ гонялъ, по зау́лоцькямъ...

---

1) Отъ слова „кликать“. *Е. Н. К.*

(Записано учителемъ М. П. Розановымъ въ деревнѣ Беркутовой, Филипповской волости, отъ крестьянина Ивана Шубина, 45 лѣтъ, который сообщилъ, что это — только середина; начало же и конецъ онъ забылъ).

Та былина о Чурилѣ, которая здѣсь приводится, къ сожалѣнію, въ отрывочномъ видѣ, дошла до насъ въ еще болѣе незначительномъ числѣ варіантовъ (6), чѣмъ предыдущая[1]). Кромѣ олонецкихъ пересказовъ, извѣстны 3 записи этой былины: сибирская—Кирши Данилова и изъ Нижегородской губерніи [2]). Новая запись, оказывается, ближе къ нижегородскому варіанту, чѣмъ къ Киршевскому и къ олонецкимъ; это обстоятельство легко объясняется тѣмъ, что жители Кунгурскаго уѣзда могутъ имѣть постоянныя сношенія съ нижегородцами по удобному водному пути Волжскаго бассейна. По словамъ г. Косвинцева изъ Нижегородской губерніи въ Кунгурскій уѣздъ приходитъ много крестьянъ: бурлаки, плотники и другой рабочій людъ.

III.

Дюкъ Степановичъ.

Изъ-за тѣхъ ту ли горъ высокіихъ,
Што изъ тѣхъ-ту ли темныихъ лѣсовъ,
Не яснóй тутъ сокóличёкъ выпóрхивалъ,
Не молодинькой кречетъ вылётывалъ:
Выходилъ, выѣзжалъ тутъ добрый мóлодецъ,
Свѣтъ Дюкъ-отъ да сынъ Степановичъ
На своемъ на конѣ да на сивыёмъ.
А и конь подъ нимъ што лютой звѣрь,
Сѣдло подъ нимъ - чисто золото,
Кафтанъ на немъ ала бархата,
А и шапочка съ призументами;
И сидитъ онъ младъ, какъ есёнъ соколъ:
Ево лукъ, колчанъ за спиной виситъ,
Булатной мечъ о бёдра бьетъ.
А всево у мóлодца полтораста стрѣлъ—
Все точеные, золоченые;
Только три стрѣлы деревянные,
По краямъ перомъ торочены;
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣту,—
Ушъ шибко онѣ ему дóроги.
Стрѣльнетъ онъ стрѣлой—свича затеплитца,
А свича не простая—воску ярова;

---

[1]) *В. Миллеръ*. Очерки русской народной словесности, 189.
[2]) *Кирѣевскій*. IV, 84, 86.

А перья на стрѣлахъ-то заморскіе:
Не здѣшнихъ орловъ, ясныхъ соколовъ,
А тѣхъ, што въ Окіянъ-морѣ летаютъ,
Которые въ Окіянъ-морѣ перышки кидаютъ;
А забираютъ эти перья корабельщики...

(Записано Е. Н. Косвинцовымъ въ г. Кунгурѣ со словъ мѣстной обывательницы Анны Андреевны Барановой, которая сообщила ему, что выучила этотъ небольшой отрывокъ отъ одной старухи Соликамскаго уѣзда, села Кудымкоръ, гдѣ жила въ дѣтствѣ).

Пѣсня о выѣздѣ Дюка, съ подробнымъ разсказомъ о его доспѣхахъ и стрѣлахъ, довольно распространена среди уральскихъ и гребенскихъ казаковъ [1]), и одинъ изъ варіантовъ ея составляетъ и нашъ отрывокъ; кромѣ того, она входитъ въ нѣкоторыя цѣльныя былины о Дюкѣ [2]). Интересъ новой записи заключается въ томъ, что она, представляя ближайшее сходство съ казацкими пѣснями-запѣвами, сама составляетъ только часть болѣе обширнаго разсказа и такимъ образомъ связываетъ обособившіяся запѣвы съ цѣльными былинами о Дюкѣ.

Въ заключеніе мы должны выразить благодарность Е. Н. Косвинцеву за сохраненіе для науки угасающихъ остатковъ русской былевой поэзіи и высказать пожеланіе, чтобы онъ, когда явится возможность, постарался пополнить свои матеріалы для изученія былинной традиціи въ Пермской губерніи.

А. Марковъ.

Былина о Стенькѣ Разинѣ, разбойникѣ, богатырѣ и чародѣѣ.

Рукопись этой „былины“ находится у г. Бобылева, жителя г. Ветлуги Костромской губерніи. На подлинной двѣ даты: 1756 и 1854 гг. Первая, надо полагать, означаетъ время, когда „былина“ записана, а вторая—годъ „исправленія“ текста. Копія съ этой рукописи, по моей просьбѣ, снята членомъ Костромской Ученой Архивной Комиссіи, Д. П. Дементьевымъ, и въ его спискѣ предлагается вниманію читателя. „Былина“ поется слѣпцами-нищими.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что основою „былины“ послужили историческія событія, возсозданныя народной фантазіею и перешедшія въ легенды, которыя до нашихъ дней живутъ среди населенія Приволжскихъ губерній. Д. П. Дементьевъ не сооб-

---

1) *Кирѣевскій*, III, 100; *Тихонравовъ и Миллеръ*, Русскія былины, II, 188; два гребенскіе варіанта указываетъ В. Ѳ. Миллеръ въ Ж. М. Н. П. 1897, № 10, отд. 2, стр. 344

2) *Кирѣевскій*, III, 102; *Рыбниковъ*, I, 273, 295 (*Гильфердингъ*, № 152); II, 136, 137; III, 147, 154; IV, 78; *Гильф.*, №№ 115, 159 и др.

щилъ, по первоначальному или исправленному тексту онъ списалъ съ тетради, сохранившейся въ рукахъ г. Бобылева; но при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ текстомъ, въ настоящей его редакціи, легко замѣтить передѣлку, на которой отразилась личность самаго автора. Былина—произведеніе народнаго творчества, на что указываютъ уцѣлѣвшіе мѣстами эпическіе пріемы, обороты и отдѣльныя реченія. Исправитель, какой-нибудь дьячекъ или начетчикъ, измѣнилъ первоначальный былинный размѣръ, многое передѣлалъ, уничтожилъ старыя формы, замѣнилъ новыми, подбирая слова въ рифму, и стараясь, по своему *облагородить*, *усовершенствовать* текстъ. Результатомъ такого усердія явилось грубое искаженіе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже безсмыслица.

Несмотря, однако, на подобнаго рода „исправленіе", основной мотивъ былины выступаетъ съ достаточною опредѣленностью и живо чувствуется. Кромѣ того, нѣкоторыя этнографическія подробности, какъ напримѣръ, отдѣльныя выраженія и синтаксическія формы языка показываютъ, что былина о Разинѣ сложилась въ Приветлужскомъ краѣ, богатомъ легендами и разсказами про подвиги Разина. Древнія городища, встрѣчающіяся на правомъ, (нагорномъ) берегу рѣки Ветлуги и носящія большею частью названія *чертовы*, пріурочиваются ко временамъ Разина: по мѣстнымъ народнымъ преданіямъ, въ этихъ городищахъ, равно какъ и въ курганахъ, лежатъ несмѣтныя сокровища, зарытыя атаманомъ Разинымъ и его удалыми молодцами. Къ сожалѣнію, всѣ эти богатства недоступны народу: положены онѣ съ великимъ *заклятьемъ* и на нѣсколькихъ „человѣческихъ головахъ". Нѣкоторыя смѣльчаки рѣшались разрывать городища и курганы, съ цѣлью добыть изъ нихъ клады, но попытки ихъ оставались безуспѣшны, потому что всякій такой кладъ стерегутъ легіоны бѣсовъ, которые или отводятъ глаза кладоискателямъ, или нагоняютъ на нихъ великій страхъ.

Вотъ текстъ „былины":

Какъ на матушкѣ на Святой Руси,
На Святой Руси были чудеса:
Появились въ небѣ знаменья,
Что кометы долгохвостыя,
Дожди были не обычные;
Что морозы были лютые,
Голодъ великій всюду сдѣлался,
И Господь на всѣхъ прогнѣвался:
Ниспослалъ болѣзни лютыя,
Шайки видѣлись безпутныя,
Паны съ ляхами гуляючи,
Все добро наше сбираючи,
Съ бѣгунами съ подлымъ(и) воями

Промышляли все разбоями;
Разгорались города и веси,
Люди жили далеко въ лѣсахъ,
Женъ дѣтей оберегаючи,
Животы свои спасаючи.
Это все да понадѣлалъ намъ,
Что пустилъ въ Руси великій срамъ
Чародѣй и злой татарченинъ,
Словно подлый басурманченинъ,
Что Бориско—хоть боярскій сынъ—
Годуновъ злодѣй въ винѣ одинъ:
Онъ посѣялъ смуту велію,
Почиталъ онъ чары, зелія;
Ему дьяволъ все подсказывалъ,
Къ его славѣ жить указывалъ...
Ѳедоръ, добрый и тишайшій царь.
Его чарами связуемъ былъ,
По сему его крѣпко любилъ.
Но злодѣю не живалося,
Мало славы показалося.
Подобралъ онъ себѣ злой народъ,
Прекратить желалъ и царскій родъ
Приказалъ убить царевича,
Дмитрія свята королевича.
Отнялъ волю всю народную,
Поднялъ бурю непогодную,
Крестьянъ отдалъ онъ помѣщикамъ,
Прошелъ матушка и Юрьевъ день!—
Онъ познался съ иноземщиной,
Съ колдунами, съ басурманщиной,
И возсѣлъ царемъ неправедно,
Этотъ льстецъ великій скаредный.
Черезъ него Господь прогнѣвался,
Послалъ міру испытаніе,
Зѣло велье наказаніе:
Глады, моры появилися,
И разбойства находилися.
Въ городахъ и каждой области,
Отъ безпутной черни подлости
Попы всюду убивалися,
Храмы Божьи затворялися.
Вездѣ сдѣлалось безславіе:
Позабылось православіе!
Узнавали только, гдѣ вѣдунъ,
Чаровникъ, лютой колдунъ;
Въ нихъ надежды свои видѣли

Чтобы ихъ, вишь, не обидѣли.
Мало было здѣсь угодниковъ
И великихъ проповѣдниковъ,—
Они въ пустыняхъ спасалися,
Одного Бога боялися.
Въ это время баламутное,
По всей Руси было смутное:
Появился съ Польши выходецъ—
Отрепьевъ Гришка, подлецъ!
Не пожилъ Борисъ въ веселіи,
Отравился адскимъ зеліемъ,
Изъ-за смуты, изъ-за крамолы
Отдалъ душу онъ діаволу.
Еретикъ Гришка завластвовалъ,
Но не долго онъ нацарствовалъ:
Изъ окошка только соскочилъ,
Люту смерть себѣ онъ получилъ.
Паны, ляхи злые, дикіе
Причинили зла великія.
Возмолился православный людъ
Ко Христу и Богу Господу,
Къ святой Матери Богородицѣ.
Смилосердилася Матушка,
Христіанъ нашихъ Заступница,
Указала роды Рюрика,
Михаила изъ Романовыхъ,
Молодого ясна сокола,
Красна юношу благороднаго.
Кострома-городъ прославился:
Изъ Москвы народъ направился
Звать на царство млада юношу,
Богомъ, міромъ Русью избрана,
Съ духовенствомъ, со иконами
Въ Костромскую дальну сторону,
Для почестья и для зватія
Въ монастырь пошли Инатія.
Толпы ляховъ озлобилися,
И сюда они пустилися
Со коварнымъ адскимъ умысломъ
И съ нечистымъ своимъ помысломъ,
Чтобъ царя у насъ убить,
И полякамъ на Руси всѣмъ жить.
Но Сусанинъ мужичекъ Иванъ
Для защиты онъ царя призванъ:
Ляховъ въ лѣсъ онъ далеко завелъ,
Хотя смерть ему Господь привелъ.

Злой полякъ въ лѣсу блуждается,
Михаилъ нашъ царь спасается.

Какъ на матушкѣ на Волгѣ рѣкѣ,
Во Казани славномъ городѣ,
Проживаетъ тутъ вѣдунъ-колдунъ,
Тимоѳей, Разинъ прозвищемъ,
Со Аленкой вѣдьмой Кіевской;
Они жили тутъ со славою,
Душу продали діаволу.
У нихъ было только три сына,
Что Аѳонька, Фролка, Степушка;
Возрасли они, какъ нехристи,
Съ басурманами погаными,
Съ черемисами, татарами.
Назывались русскимъ именемъ,
Проживали съ православными,
Со дѣламъ своимъ безславными:
Для народа христіанскаго
Давали зелія поганскаго,
И травы всѣмъ заповѣдныя;
Килы, порчи слали недругамъ,
Угождали лишь своимъ слугамъ,
Исцѣляли всяки недуги,
Заговорами великими.
Но недолго онъ (Тимоѳей) шепталъ:
Дьяволъ скоро по душу послалъ,
Свои чары Степкѣ передалъ.
Мало прибыли въ кореніи!
Очутились въ раззореніи,
И за пакости поганыя,
Воеводою забраные
Затомилися во сырой землѣ (тюрьмѣ?).
Степка Разинъ всѣхъ повыпустилъ,
Изъ тюрьмы онъ цѣлъ повыскочилъ,
Убѣжалъ онъ въ Ярославль городъ,
Чтобы смущать тамъ міръ-народъ.
Захотѣлось Стенькѣ удали,
Побывалъ онъ и въ казачествѣ,
Въ разудальствѣ на тихомъ Дону;
Но и тутъ не показалося:
Сила въ немъ дюжо́ прималася.
Счаровалъ онъ одну пѣвицу,
Распрекрасну душу-дѣвицу;
Оказалася измѣнщицей,

И въ любви переметчицей;
За такое дѣло онъ убилъ ее,
И на Волгу скоро укатилъ.
Лѣтъ пятнадцать только отъ роду
Было Стенькѣ злому отроку,
Онъ къ разбойникамъ является,
Въ кашевары нанимается.
Волга матушка широкая,
Долга, быстрая, глубокая,
Струги тамъ ходятъ съ товарами,
Съ деньгамъ(и) золотомъ да и серебромъ,
Принимала шайку молодцевъ,
Потюремщиковъ, гулебщиковъ,
Всякихъ бѣглыхъ и разбойниковъ.
Воеводы были грозные,
Времена-то были смутныя,
Судъ творили по Шемякину,
Пытки дѣлали ужасныя
За дѣлишки за напрасныя;
Волостители помѣщики,
Что хотѣли, то и дѣлали.
И отъ этой отъ расправушки
Захотѣлось вольной славушки:
Шайки молодцевъ сбиралися,
Атаманомъ управлялися.
Здѣсь на Волгѣ былъ народъ таковъ,
Управлялъ имъ(и) атаманъ Ураковъ.
И отъ Стеньки, отъ мальчишечекъ,
Для разбойниковъ славныихъ
И куда люто забавныихъ,
Кромѣ знахарства и зелія
Появилась сила велія:
Всѣхъ сильнѣе былъ донской казакъ,
Стенька Разинъ, Тимоѳеевъ сынъ,
Всѣмъ казался богатырь одинъ.
Онъ бросалъ съ судна камышки
Въ двадцать пудъ со славушкой,
Пробивалъ судна купчиковъ,
Убивалъ людей голубчиковъ,
Отбиралъ у нихъ имѣніе,
Всѣмъ людямъ на удивленіе,
Но не трогалъ только бѣдняковъ.
Не любилъ его Ураковъ:
Опасался Стеньки Разина,
Отъ его лихой уразины.
Съ атаманомъ не поладили,

А товарищи подгадили.
Идетъ разъ по Волгѣ суднышко,
Хоть купеческо, но бѣдное,
Атаманъ шайки Ураковъ
Приказалъ судно схватить,
И людей на немъ убить.
Кашеваръ тутъ Стенька говоритъ,
Атаману онъ кричитъ:
„Брось, не стоитъ, судно бѣдное,
И для насъ безполезное".
Атаманъ тутъ не погнушался,
Кашевара Стеньки слушался:
Пропустилъ онъ суденышко
Во назначену сторонушку.
Второ судно показалося,
Но и это неималося,
Оно точно заповѣдное.
„Брось, Ураковъ, судно бѣдное!"
Пропущаетъ атаманъ судно,
На Стеньку глядитъ грозно,
На него онъ озлобляется
И убить его сбирается.
Стоитъ Стенька, ухмыляется,
Его злостью потѣшается,
Не даетъ къ себѣ назриться,
Ротъ разинулъ, словно дразнится...
Пищаль грохнула Уракова...
Пуля сшибла бы тутъ всякаго,
Стоитъ Стенька и не ратится,
Никуда онъ не попятится.
Пулю съ лету онъ схватилъ,
Плюнулъ въ руку да проговорилъ:
„Атаманушко ты, батюшко,
Испугалъ моихъ ты братушковъ,
Моей смерти тебѣ не видать,
Хочу пулю я назадъ подать:
Хоть стрѣляти ты гораздъ,
Возьми пулю на другой разъ".
Ураковъ со страху падаетъ,
Стенька пулю ему подаетъ,
Шайка въ стороны кидается:
Кто крестится, кто чурается.
Такихъ чудовъ шайкѣ видѣти,
Нигдѣ видать недоводилося.
Атаманушка Стенька схватилъ,
Выше лѣса кверху выбросилъ,

Изъ пистолета въ него выстрѣлилъ,
Жизни самого его лишилъ!
Послѣ съ шайкою онъ сладился,
Атаманомъ грознымъ сдѣлался.
Пошелъ Стенька вольничать,
По всей Волгѣ онъ разбойничать,
Не тужилъ онъ съ шайкой ни о чемъ,
Ему все было нипочемъ:
Все равно, хоть слуги царскіе,
Хоть татары басурманскіе,
Хоть богатые купцы—
Всѣ хваталися, голубчики,
Со всѣхъ бралъ онъ положеныя
За проходы дани, подати!
Былъ въ сторонушкѣ оратаемъ,
По всей Волгѣ губернаторомъ,
Какъ законнымъ арендаторомъ.
Царь великій въ первый разъ
Написалъ ему такой указъ:
„Полно, Стенька, своевольничать,
По моимъ рѣкамъ разбойничать.
Я тебя съ твоею силою
Въ первый разъ еще помилую.
Ты спѣши теперь на тихій Донъ,
Находи тамо свой ты домъ,
Охраняй границу Русскую
Отъ татаръ, турокъ и вороговъ,
Буде царство Русско тебѣ дорого,
Да своя жизнь не наскучила...
Зачѣмъ грабишь ты мои суда,
По всю пору на рѣкѣ всегда?“
Не боялся Стенька разныхъ бѣдъ,
Отписалъ царю отвѣтъ:
„Ваше царское величество,
Я слуга твой неизмѣнный весь,
Охраняю всю, вѣдь, Русь я здѣсь
Отъ великихъ русскихъ вороговъ,
Отъ поганыя татарщины...
Мнѣ суда твои невѣдомы:
Пусть гербы будутъ наставлены,
И тогда они оставлены
Въ покоѣ и не тронуты“.
Вотъ гербы на суднахъ царскіихъ
Вездѣ на Волгѣ появилися;
Стенька съ шайкой сторонилися,
Суда царскія не трогали.

Купцы скоро догадалися,
Подражать судамъ старалися:
Гербы на судна такіе же
На своихъ судахъ наставили;
Стенька снова безъ разбора бралъ
По всей Волгѣ суда всякія,
Грабилъ многихъ и въ рѣку бросалъ,
И не стало многимъ выходу!
Съ царскимъ войскомъ не вступалъ онъ въ бой,
Защищалъ даже съ своей силой:
Воевалъ съ силой татарскою,
Да и съ прочей басурманскою.
Кромѣ силы онъ людской,
Имѣлъ силушку великую
Хоть погану адску дикую.
Съ малыхъ лѣтъ продалъ нечистому
Свою душу подлу грѣшную.
Не боялся онъ ни пуль, ни стрѣлъ,
Съ собой дьявола всегда имѣлъ:
Чернокнижникъ, чародѣй, вѣдунъ,
Заговорщикъ и шептунъ-колдунъ.
Все желѣзо, сталь, булатъ
Не могли тѣла его брать:
На рукахъ костры раскладывалъ,
Весь въ огнѣ по часу сиживалъ,
Сохранялся невредимъ вездѣ;
Не тонулъ нигдѣ въ водѣ:
Бывало, сядетъ онъ на войлочекъ,—
Помогаетъ ему бѣсеночекъ,—
Плылъ въ кошмѣ, какъ во суденышкѣ,
Плылъ по Волгѣ во всѣ стороны;
Иль на воздухъ поднимается,
Вездѣ былъ, лишь гдѣ желается.
Всѣмъ умѣлъ онъ отводить глаза,
Избавлялся съ перваго раза,
Не боялся онъ тяжкихъ мукъ,
Шутки всѣ ему сходили съ рукъ.
Люди бѣдные, смиренные,
Но властями возмущенные
У Стеньки находили жительство,
Свою защиту, покровительство.
Эта чернь всѣми презрѣнная,
Отъ боярства угнетенная,
Проживала съ Стенькой весело,
Имъ бояться было нечего,
У костровъ не знали холоду,

Не видали съ Стенькой голоду;
Что положено, то бралося,
Всѣмъ понемногу доставалося:
Не обдѣлитъ атаманъ никакъ,
Въ дѣлежахъ доволенъ имъ былъ всякъ.
И со всѣхъ концовъ, сторонушекъ,
Оставляя даже женушекъ,
Собирались къ Стенькѣ славному,
Какъ атаману чудо-главному,
Подъ его-то руку сильную,
На просторъ-житье обильное.
Стеньку знали и калмыкъ, киргизъ,
Всякъ татаринъ и поганый черемисъ;
Его шайки всѣ боялися,
Близко съ Русскимъ(и) не якшалися.

Промышлялъ Стенька разбоями,
Онъ не бился съ царскимъ(и) воями,
Сожалѣлъ своихъ товарищевъ,
И хотѣлъ лишь только славушки.
Воеводъ иныхъ наказывалъ,
Имъ хранить народъ указывалъ.
Разъ, бывало, возгордилися,
Съ шайкой Стенькиной разбилися;
Но напрасно только крови проливали;
Всякъ за Стеньку своей грудью постоялъ,
Какъ за царскаго служаку своего,
И боялись даже рати все его!
Когда промыселъ наскучивалъ,
Воеводъ таскалъ за чупрыну,
Чтобы людъ напрасно не тиранился,—
Стенька самъ съ такимъ расправится!
Грозно дерзко воевода зарычитъ,
Всю онъ стражу, палачей своихъ кричитъ.
Поднимается великій шумъ и гулъ,
Заберутъ его въ острогъ, подъ карауль,
Въ крѣпки башни караульныя,
Во злодѣйку земляну тюрьму,
За двери толсты желѣзныя.
За засовы, крѣпки мѣдные,
За пробои за булатные,
А замокъ повѣсятъ вѣсомъ въ три пуда.
Скоро Стенькѣ конецъ смерти настаетъ!
Въ руку Стенька уголь изъ печи беретъ,
Пишетъ лодку онъ тутъ углемъ на столѣ:

Что-то новое засѣло на умѣ;
Проситъ сторожа воды подать испить.
Только подали, съ ковша сталъ воду лить:
Оказалась вдругъ огромная рѣка,
Лодка явилась во четыре веселка;
Въ нее сядетъ Стенька, грозный атаманъ,
Своихъ друзей товарищевъ кричитъ,
И по воздуху невидимкой летитъ!
Ничѣмъ убить его было нельзя,
Отъ всего былъ заговоренный,
Вѣдунъ страшный, очарованный,
Никогда онъ страху самъ не зналъ,
И по Волгѣ смѣло съ шайкою гулялъ.

Стенька знался даже съ барами,
Съ знатнымъ(и) славными боярами.
Онъ боялся гнѣва царскаго,
Да и Өедора Мстиславскаго.
Во Ветлужской его вотчинѣ,
При татарской своевольщинѣ,
Черемиса взбунтовалася,
Православныхъ гнать старалася
И поляковъ къ себѣ назвали:
Во лѣсную эту сторону
Налетѣли словно вороны.
Самъ Мстиславскій съ ратью Галицкой,
Да и Стенька съ шайкой удальской
Черемисъ и пановъ прогнали,
Много ляховъ къ себѣ забрали,
Понавѣшали на козелахъ
Утопили много въ озерахъ [1]).
Подъ селомъ славнымъ Воздвиженскимъ,
Подъ другимъ селомъ Кокринымъ
Становище тамо сдѣлали,
Къ Черемисамъ часто бѣгали,
Отъ Ветлуги дальше прогнали [2]).
Надоѣло Стенькѣ Разину
Заниматься безобразиной:

---

[1]) Въ Ветлужскомъ уѣздѣ, въ Рождественской волости есть озеро, называемое *Пановымъ*. Преданіе говоритъ, что названіе этого озера получилось отъ пановъ, которыхъ мѣстные крестьяне въ него бросали. Въ томъ же уѣздѣ и другихъ Костромской губерніи много находится кургановъ, называемыхъ „пановыми могилками“. Но археологическія изслѣдованія произведенныя мною, показали, что эти курганы—Мерянскіе и Чудскіе. *Ф. Н.*

[2]) Въ настоящее время черемисы остались только въ одной Тимошинской волости, Ветлужскаго уѣзда. *Ф. Н.*

Онъ остался съ братомъ въ лѣсѣ тутъ
Ко санямъ полозья гнуть.
А работать-то Стенька гораздъ:
Изгибалъ десять полозьевъ заразъ;
Своему брату Аѳонюшкѣ,
За Ветлугу на сторонушку
Онъ бросалъ топоръ за версту!
Всѣ крестьяне удивлялися,
Стенькѣ въ поясъ покланялися,
Воздавали ему должну честь,
Приносили ему пить и ѣсть.
Гдѣ стоялъ онъ—всѣ боялися,
Черемиса разбѣжалися.
Шайку всю онъ по берегу разселилъ,
Цѣлымъ(и) сотнями Мстиславскому дарилъ
Закопалъ клады онъ дивные,
Онъ повсюду по Ветлужскимъ берегамъ;
А поставилъ къ нимъ чертей сторожамъ(и),
Чтобъ на злато, серебро не зарились,
Да покрѣпче бъ за соху брались,
Съ женамъ(и) жили припѣваючи,
Животы свои сбираючи.
Братъ Аѳонька въ рать къ Мстиславскому пошелъ,
Проучилъ поляковъ въ ихъ землѣ,
Да пожить бы ему тамъ въ дворѣ,
Но Мстиславскій скоро умеръ на Москвѣ,
Онъ оставилъ младу вдову во тоскѣ;
У нея Аѳонька служакою былъ
И Арину Михайловну любилъ:
Своими страстными взглядами,
Стенька зельемъ и чарами прельстилъ!
Умерла скоро младая вдова,
И Аѳонька, пьяна голова,
Поступилъ въ Польшу въ ратники,
Въ богатыри сильны латники.
Кто съ Аѳонькой не вступалися,
Отъ него всѣ побѣждалися.
Воевода Долгорукій осерчалъ
И Аѳоньку онъ повѣсить приказалъ.
Стеньки матушка Аленушка,
Жили въ разныхъ во сторонушкахъ,
Со любимымъ своимъ Фролушкомъ,
Все бродили по селеніямъ
Съ разнымъ(и) зельями кореньями.

Какъ на быстрой на Ветлугѣ на рѣкѣ,
На верхахъ-то ея въ лѣсной сторонѣ,
Стоитъ Кажирова пустыня,
Черемисамъ(и) раззоренная,
А Мстиславскимъ возведенная.
Что въ этой малой пустынѣ,
Въ монастырѣ еще новенькомъ,
Проживалъ тутъ старецъ Ларіонъ;
Вездѣ святынею онъ славился.
Стенька вздумалъ побрататися,
Бѣсъ настрого всегда Стенькѣ запрещалъ,
Чтобы онъ монастыри не посѣщалъ.
Стенька бѣсомъ даже гнушался,
И на сей разъ не послушался;
Во пустыню Стенька Разинъ приходитъ,
Тогда бѣсъ отъ Стеньки отходитъ.
Старецъ долго проповѣдывалъ,
Во грѣхахъ всѣхъ исповѣдывалъ,
Но причастія святого онъ лишилъ,
И на Югъ рѣку лѣсами проводилъ.
По монастырямъ они вездѣ скиталися,
Даже въ Соловки добралися.
Скоро умеръ во пути братъ Ларіонъ;
Стенька вѣстью этою былъ пораженъ.
Еще вѣсть ему прислали,
Что Аѳоньку брата вызняли
На перекладину высокую,
На опояску на шелковую,
Дали смерть ему ужасную;
Подбираются дать тоже и ему:
Стенька, быть тебѣ повѣшену
Иль палачами четверовану,
Отрубятъ голову безъ жалости
За всѣ прежни твои шалости.
Бросилъ Стенька все смиреніе,
Въ Соловкахъ сдѣлалъ смущеніе;
Скоро бѣса вновь онъ находилъ,
И на Волгу скоро грабить покатилъ.
Вездѣ сдѣлалъ своевольщину,
Онъ забралъ свою большину,
Атаманомъ скоро сдѣлался,
И въ неправдахъ понавѣдался.
Скоро рать къ нему сбиралася,
Шайка грозная набралася.
Возмутилъ чернь-народъ людской,
Захотѣлъ онъ тряхнуть Москвой:

Бояръ злыхъ перевѣшати,
Воеводъ всѣхъ опѣшати.
Поимѣлъ силу махову (?),
Пошелъ землю грабить Шахову.
Понабрали много серебра,
Злата, бисеру и шелковья:
Воеводѣ Астраханскому дарилъ,
Когда шахову державу покорилъ.
Бьетъ царю челомъ, кланяется,
Видѣть его милости желается.
Воевода больно алчнымъ тамо былъ.
Даже шубу съ плечъ Степанкиныхъ слупилъ!
Прозоровскому далъ шубу тогда онъ,
За поминки, за почетъ и за поклонъ.
„Пускай, бѐрите у меня вы эту шубу,
„Да чтобъ не было отъ того большого шуму
„Расквитаюсь съ вами, аспиды,
„Волки хищные и скареды!
„Шкуры вы со всѣхъ сдираете
„Да законами торгуете".
Стенька Разинъ и Царицынъ вскорѣ взялъ,
Огласился ужъ войною Черный Яръ.
А оттуда онъ въ Астрахань катитъ,
Онъ успѣлъ уже народъ смутить,
Городъ Астрахань измѣной покорилъ,
Воеводу тутъ по своему судилъ,
Своей шубой и измѣной покорилъ,
Да съ раската Прозоровскаго свалилъ.
Всѣ бумаги въ одну кучу свезены,
Вмѣстѣ съ дьякомъ и приказнымъ сожжены.
Градъ Саратовъ, и Самару, и Симбирскъ
Покорялъ и возмущалъ на рискъ;
Но проклятіе въ церквахъ помогло:
При „анаѳемѣ" и Стенькѣ не везло.

Стенька съ Фролкою во клѣтку попалъ
Да и казнь въ Москвѣ достойную принялъ.
Были пытки передъ казнью палачемъ:
Но онѣ для Стеньки оказались ни почемъ:
Вѣдь ни крикнулъ, ни стоналъ,
Только дерзко на вопросы отвѣчалъ;
„Воеводы и бояре на Руси
„Всѣ гордятся и зазнались во спѣси;
„Вездѣ кривда и неправда во судахъ;
„Кровь холопей проявила въ Руси страхъ.

„Да помѣщики властители,
„Своихъ крестьянъ гонители,
„Въ своей похоти всѣ жили не любя
„И накликали бѣду всю на себя“...
Стенькѣ больше ужъ не дали говорить,
Руки, ноги ему начали рубить,
Голова съ плахи скатилася,
Душа въ адѣ очутилася.
Богатырь Стенька, вѣдунъ и чародѣй,
Не укрылся и отъ смертоньки своей!

Сообщилъ **Ф. Нефедовъ.**

Сообщаемъ кстати отрывокъ пѣсни о Ст. Разинѣ, записанной нами съ напѣвомъ этой зимой отъ Е. Н. Косвинцева, слышавшаго ее неоднократно въ г. Кунгурѣ Пермской губ. *Ред.*

Что не ясные соколики слеталися. [1]
Сходилась, собиралась схожа братія,
Схожа братія, ребята все разбойнички.
Они думали-гадали думу крѣпкую:
Что кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Атаманомъ быть, ребята, Стенькѣ Разину,
Есауломъ быть, ребята, Ванькѣ Каину.
Атаманъ рѣчь говорилъ, словно въ трубу трубилъ,
Есаулъ рѣчь говорилъ, словно звѣремъ вылъ... [2]

Обычай славить дѣтей наканунѣ Новаго года.

Въ селѣ Юдинѣ, Веневскаго уѣзда, Тульской губерніи, а также въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ селеніяхъ, напримѣръ, въ деревнѣ Васильевской, существуетъ обычай славить, величать дѣтей подъ Новый годъ. Славельщики, дѣти же, называются „баўсниками“, въ распѣваемыхъ ими пѣсняхъ часто повторяется слово „баўсень“. Обыкновенно славятъ дѣтей маленькихъ, лѣтъ до четырехъ, но иногда, особенно въ надеждѣ на хорошее вознагражденіе,—и старше, даже лѣтъ 10—11, но во всякомъ случаѣ, только такихъ дѣтей, которыя сами не ходятъ славить. Подъ Новый годъ пекутъ „коровки“, т. е. небольшія, вершка въ $1^1/_2$—2 длиною, изъ тѣста, крайне неискусныя, подобія коровы; „коровки“ эти даются баўсникамъ въ качествѣ вознагражденія за славленіе. Впрочемъ,

---

[1] Каждый стихъ повторяется дважды.
[2] Напѣвъ войдетъ въ собраніе пѣсенъ, приготовляемое нами къ изданію. *Ред.*

баусники съ большимъ удовольствіемъ получаютъ за это деньги, копѣйку—двѣ (больше 5 копѣекъ никто не даетъ имъ), на партію человѣкъ 8—12. Несмотря на то, что обычнымъ временемъ для славленія признается вечеръ, партіи баусниковъ чуть не съ утра начинаютъ славить изъ опасенія, какъ бы ихъ товарищи ранѣе не обобрали всѣ „коровки“ и копѣйки, предназначенныя баусникамъ, и въ разсчетѣ, что къ тѣмъ изъ нихъ, кто прославитъ пораньше, пока баусники не надоѣли хозяевамъ, хозяева щедрѣе. Цѣлый день въ деревнѣ оживленіе: бѣгаютъ толпы дѣтей; то здѣсь, то тамъ слышится ихъ громогласное пѣніе. Дѣвочки для славленія собираются въ партіи, особо отъ партій мальчиковъ, и поютъ лучше, стройнѣе, чѣмъ мальчики. Въ домъ партія баусниковъ не входитъ,—туда она въ большинствѣ случаевъ вся и не помѣстилась бы, но останавливается передъ дверью и начинаетъ пѣсню:

Ой, баусень!
Подъ яблонькой,
Ой, баусень! (Ой, „баусень“ повторяется послѣ каждаго стиха пѣсни).
Подъ кудрявой,
Течетъ ручей;
По томъ ручью
Плыветъ селезень.
У батюшки
Есть сыночекъ
Павелъ государь (или другое имя ребенка, котораго славятъ).
Просился онъ,
Молился онъ:
„Пусти, батюшка,
Пусти, матушка,
На ручей погулять,
Селезня поглядѣть“.
— „Дитя-ль мое, дитятко,
Не то селезень,
Разлука твоя:
Разлучить тебя хотятъ
Съ отцомъ съ матерью,
Съ родомъ съ племенемъ“.
Подайте коровку,
Масляну головку!..
Не обкусывайте,
Не обламывайте,
Не общипывайте!
Не давайте пирога,
А то корову уведемъ со двора!

Если въ домѣ нѣсколько маленькихъ дѣтей, то пѣсня повторяется, поется для каждаго. Когда величаютъ ребенка-сироту, у котораго нѣтъ въ живыхъ отца, но есть мать, поютъ: „У матушки есть сыночекъ“; круглаго сироту, проживающаго у дѣда, или бабки, величаютъ: „У дѣдушки“—или „у бабушки“—„есть внучекъ“. При величаніи дѣвочекъ „сыночекъ“, „внучекъ“ замѣняется словами: „дочка“, „внучка“. Вообще, пѣсня измѣняется примѣнительно къ обстоятельствамъ.

По Снегиреву („Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды“. М. 1837 г., вып. 2) канунъ Новаго года называется Авсенемъ, Овсенемъ, Усенемъ, Говсенемъ, Бауценемъ, Тяусенемъ, и въ этотъ день „ходятъ по домамъ крестьянскія дѣти

поздравлять хозяевъ пѣснями, а въ предвѣстіе урожая бросаютъ изъ лукошка или рукавицы нѣсколько зеренъ разнаго хлѣба, особенно *овса*, кои собираются старухами до весенняго посѣва" (стр. 103); „къ Авсеню въ деревняхъ чинятъ кишки, желудки и варятъ ноги свиныя, кои раздаются обсыпаламъ" (стр. 104). Слѣдующія пѣсни, которыя иногда поются Юдинскими баўсниками послѣ пѣсни вышеприведенной, не указываютъ ли на существованіе нѣкогда и въ Юдинѣ обычая славить подъ Новый годъ не только дѣтей, но и взрослыхъ,—хозяина и членовъ его семьи,—и варить кишки и т. п.?

1.

Ой, баўсень!
Нашъ хозяинъ богатый!
Ой, баўсень! (повторяется
послѣ каждаго стиха)
Гребетъ денежки лопатой,
Сидитъ на скамейкѣ
Считаетъ копѣйки,
Сидитъ на лавкѣ—
Считаетъ булавки.
Ой, баусень!

2.

По заваленкѣ
Бѣжитъ хорикъ
Тащитъ кишку
Въ рядномъ мѣшку;
Сидитъ на загнеткѣ
Въ черной салфеткѣ.

Тогда какъ Юдинскіе баўсники отказываются отъ пирога, требуя „коровокъ", подъ угрозою увести со двора корову, „въ Муромѣ и окрестностяхъ его,—говоритъ Снегиревъ,—толпы заходятъ въ домы... и просятъ пироговъ съ припѣвами: *Подавай пирога! Коль не дашь пирога, разломаемъ ворота, двери, окна разобьемъ* и т. д. (стр. 106).

Прежде въ Юдинѣ ходили славить не только дѣти, но и бабы, дѣвки. „Бывало,—говорила мнѣ старуха лѣтъ 70-ти, причемъ потухающій взоръ ея такъ и заискрился радостію отъ живого воспоминанія о пріятномъ прошломъ,—сколько „коровокъ" наберемъ! Не одно лукошко! А теперь что!"...

М. И. Успенскій.

Замѣтка о двухъ случаяхъ вѣдовства и порчи въ XVII в.

Въ 1648 году въ практикѣ московскаго судопроизводства было два очень любопытныхъ, въ бытовомъ отношеніи, судебныхъ дѣла. Одно изъ нихъ имѣло мѣсто въ г. Шацкѣ и заключалось въ слѣдующемъ. Крестьянка боярина и кн. Никиты Ивановича Одоевскаго Агафья Савина Кожевникова, и крестьянинъ Терентій Іевлевъ обвинялись въ вѣдовствѣ и порчѣ людей и послѣ допроса и пытки были приговорены къ сожженію „на площади въ струбѣ

оболокши соломою“. Изъ допроса самихъ обвиняемыхъ, показывавшихъ съ пытки, выясняется, въ чемъ состояло ихъ вѣдовство и порча. Обвиняемая Кожевникова призналась въ своей винѣ и указала лицъ, которыхъ она дѣйствительно испортила и даже уморила до смерти. Одной изъ своихъ жертвъ она „приставляла килы(у)“, сопровождая эту порчу слѣдующимъ „кильнымъ стихомъ“.

„На морѣ окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ сыръ дубъ крековистъ, на дубѣ сидитъ чернъ воронъ, во рту держитъ пузырь и слетаетъ съ дуба на море, а самъ говоритъ: „ты, пузырь, водою наливайся, а ты, кила, у тово раздымайся“. А ключъ де тому стиху: „какъ та птица воду пьетъ и сама дуется, такъ бы у того кила дулася по всякъ день и по всякъ часъ отъ ее приговору“.

Приставленіе килы дѣлалось Кожевниковой изъ мести.

Въ другомъ случаѣ она хотѣла приворожить къ себѣ приказнаго человѣка кн. Одоевскаго Ѳедора Северина, съ которымъ она „жила“ и стала замѣчать въ немъ охлажденіе къ себѣ. Съ этою цѣлью она однажды, Великимъ постомъ, когда Ѳ. Северинъ пришелъ въ гости къ ея отцу, послѣ того какъ „переспала съ Ѳедоромъ“, „взяла отъ естества его хотева (и) дала ему, Ѳедору, съ приговоромъ въ кислащахъ питье, чтобъ ее онъ любилъ и по ней сохъ“. Когда же это не подѣйствовало и Ѳедоръ ее все-таки разлюбилъ, она въ сообщничествѣ съ своей сестрой „дѣлала ему невстаниху“ „нитью мертваго человѣка съ приговоромъ“. Помощница ея, сестра, кромѣ того, „лила сквозь пробой воду съ приговоромъ“ и давала ему пить. Наконецъ, послѣ того какъ Ѳ. Северинъ женился, Кожевникова съ сестрой рѣшили окончательно уморить его. Для этого сестра Кожевниковой ходила ночью на погостъ, брала землю съ могилы и давала Ѳедору пить съ водой, послѣ наговора: „какъ мертвый не вставаетъ, такъ бы онъ, Ѳедоръ, не вставалъ; какъ у тово мертваго тѣло пропало, такъ бы онъ, Ѳедоръ, пропалъ во вѣки“. Кромѣ того, онѣ еще давали ему разные коренья съ наговоромъ. Изъ-за того же Ѳедора Северина она уморила питьемъ изъ кореньевъ „съ хотью Ѳедоровою“ выборнаго крестьянина за то, что онъ мѣшалъ ихъ любовной связи [1]).

Другое судебное дѣло разбиралось въ Сѣвскѣ.—Обвинялась жена церковнаго дьячка въ оскопленіи драгуна. По этому дѣлу были опрошены почти всѣ сельчане, мужчины и женщины, и мѣстный священникъ. Изъ „распросныхъ рѣчей“ опрошенныхъ оказалось, что обвиняемая вообще занималась вѣдовствомъ и порчей, и, такимъ образомъ, благодаря показаніямъ свидѣтелей, выступаетъ любопытный образъ глубоко испорченной женщины, слывущей за

---

[1]) Другой обвиняемый заявилъ, что онъ никого не портилъ, а только научилъ Кожевникову вѣдовству и порчѣ, а самъ научился этому искусству на Волгѣ у ярыжниковъ.

деревенскую колдунью. Пострадавшій драгунъ заявилъ, что она испортила его (оскопила) и „отъ тое ее порчи онъ въ конецъ погибъ и женишки отсталъ". Обвиняемая (Дарья) не признала себя виновной. Изъ свидѣтелей „вдовій попъ" показалъ, что Дарья послѣ случившейся у нея кражи угрожала одному крестьянину, котораго подозрѣвала въ кражѣ, что сдѣлаетъ его такимъ же чернымъ, какъ потолокъ въ избѣ и согнетъ его въ серпъ (у ней между прочимъ пропалъ серпъ). Послѣ этого онъ три года сохъ и болѣлъ и наконецъ умеръ. Тотъ же попъ показалъ, что Дарья хотѣла испортить драгуна. Когда онъ послѣ вѣнца пошелъ съ новобрачной въ клѣть, она зажгла „лукъ огню" и тотъ лукъ подкинула подъ Ѳедьку (драгуна) и подъ жену его и „стала на тотъ лукъ, поднемъ ѳостъ, сцать". Остальные свидѣтели, какъ мужчины, такъ и женщины, разсказали то же о цѣломъ рядѣ подобныхъ же подвиговъ Дарьи, подтвердивъ къ тому же и показанія священника о порчѣ новобрачныхъ. Какого-то сельчанина Семена Дарья соннаго „на улицѣ, поднявъ ѳостъ, накрывала *подоломъ*" (не разборчиво въ актѣ). То же она продѣлала надъ другимъ, послѣ чего у него стала болѣть голова и кромѣ того „сталъ киловатъ". Третьему угрожала, что онъ, придя домой, не узнаетъ своей жены и дѣтей. И онъ дѣйствительно не узналъ, такъ какъ ослѣпъ. Четверо умерли послѣ того, какъ она сказала, что обернетъ ихъ вверхъ носами, и будутъ они въ четырехъ углахъ. По словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, мужъ обвиняемой такъ выразился о женѣ: „жена на собаку плюнетъ—и собака не станетъ лаять".

В. А.

О свадебныхъ обычаяхъ у армянъ Эриванской губ.

Среди армянскаго населенія Эрив. губ. (напр. въ Сурмалинск. уѣздѣ) и по сіе время сохранился обычай, хотя все болѣе и болѣе отходящій въ преданіе старины, праздновать свадьбу въ продолженіе семи дней, сопровождая ее разными обычаями, распредѣленными по извѣстнымъ днямъ.

Въ первый день отецъ жениха раннимъ утромъ приглашаетъ къ себѣ на домъ родственниковъ и знакомыхъ и объявляетъ имъ о свадьбѣ сына [1]). Послѣ угощенія ставятъ на полу корыто—„ташт"—съ мукой, въ которомъ молодыя дѣвушки и парни мѣсятъ тѣсто для „свадебнаго хлѣба"; женихъ все время сидитъ тутъ

[1]) Передъ тѣмъ главы двухъ семействъ входятъ между собою въ соглашеніе относительно суммы, которую долженъ уплатить отецъ жениха родителямъ невѣсты. Сумма опредѣляется въ 20, 30, 40 и болѣе руб.: кромѣ денегъ со стороны жениха дѣлаются различные подарки, состоящіе изъ муки, масла, скота и проч.

же передъ корытомъ съ покрытой головой. День этотъ называется „таштадрэк“ (т. е. „день, когда ставятъ корыто“).

Во второй день всѣмъ по селенію раздаютъ со стороны жениха „пригласительную водку“; кто выпьетъ, тотъ и принимаетъ приглашеніе, а имя его записывается, чтобы сообразоваться съ числомъ гостей.

Третій день называется днемъ „обѣденной дани“. Гости садятся обѣдать, причемъ женихъ съ шаферомъ или замѣняющимъ его мальчикомъ до конца обѣда стоятъ на убранной коврами тахтѣ. За обѣдомъ играютъ „сазандары“ (азіатскіе музыканты). Послѣ обѣда между гостями разносятъ два подноса для сбора денегъ—„обѣденной дани“,—одинъ для бумажныхъ и серебряныхъ, другой для мѣдныхъ. Первымъ кладетъ деньги шаферъ и затѣмъ уже остальные гости, причемъ собирающіе деньги восклицаютъ: „да живетъ въ богатствѣ такой-то, далъ столько-то!“ Кто либо изъ домашнихъ записываетъ имя жертвователя и данную имъ сумму. Главная цѣль этого подарка—покрытіе свадебныхъ издержекъ. Гости расходятся при звукахъ „зурны“, остаются лишь члены семьи да представители мужского пола изъ ближайшихъ родственниковъ невѣсты, которые начинаютъ считать собранныя деньги и славить жертвователей.

Затѣмъ товарищи жениха, называемые „макарами“ или „азапами“ (холостыми), купаютъ и моютъ его, послѣ чего приглашаютъ цирульника, чтобы его побрить; при этомъ жениха сажаютъ на корзину, подъ которой горитъ свѣча. По окончаніи бритья цирульникъ подноситъ зеркальце къ каждому изъ товарищей жениха, получая отъ нихъ по нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Послѣ обѣда холостые парни наряжаютъ жениха [1]), даютъ ему въ руки пару свѣчей и везутъ на поклоненіе святому, если есть таковой въ селеніи (какъ напр. св. Георгій въ Кульпахъ), а затѣмъ расхаживаютъ по домамъ близкихъ знакомыхъ, которые преподносятъ жениху различныя сласти (медъ, масло, изюмъ и проч.), что называется „урузá“ или „хомаш“. Одинъ изъ товарищей жениха, именуемый „азап-баши“ (т. е. стоящій въ главѣ холостыхъ), все время идетъ впереди него съ обнаженнымъ мечемъ.

Вечеромъ отправляютъ музыкантовъ (зурначи) за шаферомъ и и его семействомъ. Въ домѣ жениха опять собираются гости на пиръ, причемъ женихъ снова занимаетъ свое мѣсто на тахтѣ вмѣстѣ съ шаферомъ. Начинаются танцы; сначала танцуютъ въ одиночку, затѣмъ начинается „ялли“: танцующіе, держась за мизинцы и образуя кругъ, двигаются въ тактъ музыкѣ то направо, то налѣво. Проводивъ домой семейство шафера такимъ же порядкомъ,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Нахичевани, и по сіе время женихъ носитъ на головѣ вѣнецъ еще до отправленія въ церковь.

т. е. въ сопровожденіи музыкантовъ, холостые продолжаютъ веселиться до утра вмѣстѣ съ женихомъ.

Въ ту же ночь устраивается пиръ и въ домѣ невѣсты, которая трижды за ночь угощаетъ молодыхъ дѣвушекъ-подругъ.

Самое *бракосочетаніе* происходитъ на четвертый день. На разсвѣтѣ приглашенные со стороны жениха идутъ въ домъ невѣсты, танцуя во всю дорогу; „азап-баши", держа одной рукой мечъ передъ женихомъ, другой раздаетъ вино На порогѣ дома двое изъ молодыхъ заграждаютъ путь жениху, требуя денегъ; „азап-баши" даетъ имъ нѣсколько копеекъ. Въ домѣ для жениха приготовлена тахта съ подушкой; уплативъ и здѣсь нѣсколько копеекъ за доступъ къ тахтѣ, женихъ становится на ней, въ то время какъ гости обѣдаютъ и веселятся. За это же время въ сосѣдней комнатѣ наряжаютъ невѣсту, предварительно давъ священнику благословить ея платье въ присутствіи гостей. Поясъ на невѣсту надѣваетъ шаферъ, уплативъ за поясъ той дѣвушкѣ, которая прятала его отъ него. Разряженную невѣсту выводятъ изъ комнаты и становятъ рядомъ съ женихомъ у края „тонира" (круглой глиняной печи, помѣщаемой въ землѣ); священникъ соединяетъ ихъ руки и благословляетъ; послѣ него подходятъ отцы новобрачныхъ для благословенія. Затѣмъ при звукахъ „зурны" гости выходятъ изъ дому, проходя подъ мечомъ стоящаго „азап-баши" у порога. Всѣ направляются въ церковь, гдѣ происходитъ обрядъ вѣнчанія, и затѣмъ возвращаются въ домъ жениха для участія въ „брачномъ обѣдѣ". За родителями и родственниками невѣсты отправляютъ музыкантовъ. Во время обѣда невѣста находится за завѣсой вмѣстѣ съ подругами, между тѣмъ какъ женихъ занимаетъ свое мѣсто на тахтѣ.

На пятый день происходитъ „охота" („форс" или автрук"). Каждый изъ холостыхъ приноситъ жениху по курицѣ и съ силою бросаетъ ее на обнаженный мечъ, который держитъ женихъ. Такъ какъ это дѣйствіе происходитъ на крышѣ, то убитая курица падаетъ черезъ отверстіе, сдѣланное въ ней, внизъ въ комнату, гдѣ тотчасъ начинаютъ щипать ее молодыя дѣвушки.

Въ шестой день готовятъ „хаш" (супъ изъ говяжьихъ ножекъ), на который приглашаютъ семейства шафера, невѣсты, близкихъ знакомыхъ и священника. Послѣ обѣда священникъ снимаетъ съ головы жениха корону и разрываетъ „народ", т. е. черную и красную нитку, которыя онъ привязываетъ на шеи жениху и невѣстѣ въ церкви и закрѣпляетъ ихъ концы восковой свѣчей, дабы новобрачные были далеки другъ отъ друга до снятія (короны) вѣнца.

На седьмой день холостые являются съ поздравленіемъ къ новобрачнымъ и устраиваютъ различныя состязанія.

Б. Халатьянцъ.

30 апр. 1899 г.
Эчміадзинъ.

Грузинскія легенды о Соломонѣ Мудромъ.[1])

I.

Соломонъ Мудрый построилъ себѣ дворецъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Однажды онъ сказалъ своимъ совѣтникамъ: „Узнайте мнѣ, сколько стоитъ мой дворецъ". Трое изъ нихъ тотчасъ же отправились въ путь, пространствовали три года и, ничего не узнавши, стали возвращаться домой. На обратномъ пути они встрѣтили пастуха. Пастухъ спросилъ ихъ, чего они ищутъ. Они объяснили, въ чемъ было дѣло. Пастухъ сказалъ: „Я вамъ скажу, сколько стоитъ дворецъ: онъ стоитъ столько, сколько капель дождя выпадетъ 7 мая". Вельможи обрадовались, поѣхали и доложили царю. Царь спросилъ: „Кто же васъ научилъ этому?" Они разсказали о пастухѣ. Тогда царь приказалъ послать людей и привести того пастуха.

Недалеко отъ Соломонова дворца протекаетъ рѣчка, мостомъ черезъ которую служило бревно. Пастухъ, подошедши къ этому мосту, разулся и пошелъ въ бродъ. Соломонъ Мудрый въ это время стоялъ на балконѣ своего дворца и смотрѣлъ въ подзорную трубу. Онъ удивился поступку пастуха и рѣшилъ спросить его, почему онъ не захотѣлъ пойти по бревну. Когда пастухъ явился, Соломонъ и спросилъ его объ этомъ. Тотъ отвѣтилъ: „Я не считаю себя достойнымъ попирать то бревно своими ногами". Тогда Соломонъ спросилъ: „За что же ты такъ почитаешь его?" Пастухъ разсказалъ слѣдующее: Когда Адама изгнали изъ рая, онъ попросилъ ангеловъ дать ему какую нибудь палку въ воспоминаніе о своемъ пребываніи въ немъ. Ангелы уважили его просьбу и дали ему какую-то вѣточку. При жизни Адамъ всегда носилъ ее съ собой, послѣ же его смерти, сыновья воткнули ее въ землю на его могилѣ. Сухая вѣточка ожила, выросло большое дерево, и вотъ оно перекинуто теперь черезъ рѣчку въ качествѣ моста. Вотъ почему я не захотѣлъ пойти по бревну, заключилъ пастухъ. Соломонъ спрашиваетъ его: „Разъ ты такой мудрый человѣкъ, вѣроятно, ты знаешь и то, гдѣ находится Богъ". Пастухъ отвѣтилъ: „Какъ же не знать? знаю: Богъ въ лѣсу".—Что же онъ въ лѣсу дѣлаетъ?—„Строитъ лѣстницу", отвѣчаетъ пастухъ.—А для чего нужна лѣстница?—„Чтобъ однихъ возводить на небо, а другихъ низводить", отвѣтилъ пастухъ.

II.

У Соломона Мудраго была буйволица, которая въ скоромъ времени должна была отелиться. Онъ показалъ ее пастуху и спросилъ его: „Какъ ты думаешь, будутъ ли какія-нибудь особыя

[1]) См. Этногр. Обозр., кн. XXXIX, стр. 136.

примѣты у теленка?“ Пастухъ отвѣтилъ, чтс у него на хвостикѣ будетъ бѣлое пятно. Нѣтъ, у него на лбу бѣлое пятно, возразилъ Соломонъ. Тотъ сказалъ: „у него конецъ хвостика лежитъ на лбу, и потому тебѣ такъ кажется“. Дѣйствительно, буйволица въ ту же ночь отелилась, и бѣлое пятно у теленка оказалось на кончикѣ хвоста. Соломонъ Мудрый спросилъ пастуха: „Отчего при своей мудрости ты все-таки бѣденъ?“ Тотъ отвѣтилъ: „На небѣ стоитъ на привязи баранъ; въ моментъ моего рожденія барану захотѣлось почесаться, и онъ попалъ рогами въ голень. Оттого то я такой тощій. А когда ты родился, онъ попалъ въ курдюкъ. Вотъ ты и вышелъ жирнымъ“. Соломонъ сказалъ: „Я тебѣ дамъ на пропитаніе, сколько тебѣ будетъ угодно; возьми и живи“. А тотъ говоритъ: „Что не отъ Бога, то въ прокъ не пойдетъ“. Тѣмъ не менѣе Соломонъ приказалъ навьючить для пастуха 7 муловъ, далъ проводниковъ и отпустилъ его домой. Пастухъ поблагодарилъ, и пошли всѣ вмѣстѣ. Шли, шли и, наконецъ, пошли по ущелью. Спустя нѣкоторое время, рѣчка, тамъ протекавшая, вдругъ выступила изъ береговъ и потопила и муловъ, и проводниковъ. Пропалъ и вьюкъ весь, конечно. Уцѣлѣлъ одинъ пастухъ, который, добравшись до берега, нашелъ тамъ и свою дубину.

III.

У Соломона Мудраго была служанка, къ которой въ недѣлю разъ приходилъ любовникъ-великанъ. Звали этого великана „Дамшели“. Однажды Соломонъ стоялъ на балконѣ и смотрѣлъ въ подзорную трубу; вдали онъ замѣтилъ идущаго Дамшели. На пути былъ небольшой холмъ. Поровнявшись съ нимъ, Дамшели наклонилъ голову и пошелъ какъ то особенно благоговѣйно. Соломонъ удивился и рѣшилъ узнать, въ чемъ дѣло. Онъ велѣлъ служанкѣ спросить у Дамшели, почему онъ наклонилъ голову, проходя мимо холма, и чего онъ, такой великанъ, испугался. Явился Дамшели; служанка приняла его, по обыкновенію, очень радушно, угостила его и, наконецъ, спросила, почему онъ такъ благоговѣйно прошелъ мимо такого-то холма. Тотъ отвѣтилъ: „Однажды на этомъ самомъ холмѣ пророкъ Моисей бесѣдовалъ съ Богомъ. Былъ туманъ. Богъ сбросилъ Моисею кольцо, но онъ его не нашелъ и оно такъ и исчезло куда-то. Но оно и теперь гдѣ-то на этомъ холмѣ лежитъ. И вотъ ежедневно прилетаютъ птицы поклониться ему; поклонятся и опять улетаютъ. Я чту это кольцо и съ благоговѣніемъ прохожу мимо него“. Служанка все это передала Соломону. Чтобы лично убѣдиться во всемъ, Соломонъ поѣхалъ на холмъ, и, дѣйствительно, слова Дамшели подтвердились. Царь велѣлъ разсѣчь холмъ пополамъ до самаго основанія. Прилетѣли птицы и поклонились одной изъ половинъ. Царь велѣлъ разсѣчь

эту половину на три части и т. д. Въ концѣ-концовъ получилась горсть земли. Онъ положилъ ее на ладонь и нашелъ кольцо. Съ этихъ поръ птицы прилетали уже къ Соломону Мудрому и поклонялись ему. Онъ изучилъ ихъ языкъ. Однажды собрались птицы и обратились къ Соломону съ просьбой выбрать имъ царя изъ ихъ же среды. Царь согласился и велѣлъ прійти рано утромъ; кто, молъ, раньше придетъ, тому и быть царемъ. Птицы улетѣли. Всталъ утромъ Соломонъ, смотритъ—является какая-то крохотная птичка. Ему показалось невозможнымъ поставить эту крошечную птичку въ цари надъ всѣми птицами, и онъ сказалъ ей: „ступай и достань мнѣ такую палку, которая бы не была ни прямой, ни кривой". Птичка отправилась искать и до сихъ поръ все ищетъ. Оттого ее и зовутъ „Гобе-Мдзврала". А царемъ Соломонъ поставилъ павлина.

А. Хахановъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ТЕАТРА.

VI [1]).

Вертепная драма въ с. Радче, Радинскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

Дѣйствующія лица:

Панъ Яблоньскій.	Яцекъ } пастухи.	Иродъ.
Панъ Пясецкій.	Амброзій } пастухи.	Рахиль.
Жидъ.	Краковякъ.	Фельдмаршалъ.
Казакъ.	Краковянка.	Смерть.
Докторъ.	Трубочистъ.	Дьяволъ.
		Дѣдъ.

I.

Панъ Пясецкій (*входитъ*).

Oto jestem pan Piasecki, w rozumie szlacheckiem. Winszuje państwu szczęścia, zdrowia, wszelkiej pomyslności, abyśmy na przyszły rok doczekali Swiętego Szczepana. (*Уходитъ*).

Панъ Яблоньскій (*входитъ*).

Jestem pan Jabłoński, w plecach szeroki, a w głowie wązki. Jestem pan zapustny, pije, pije, nie umieram, na tem się swiecie sponiewieram. Posłałem hicla żyda po wilka, ale jakoś go długo nie słychać. Ale jak zaśpiewam, to on prędko przydzie.

---

1) См. Этногр. Обозрѣніе, кн. XXXIX.

Поетъ:

Co na swiecie jest dziwnego:
Gorzałeczka grunt, grunt,
A tabaczki funt, funt.
O pijo tam panieneczki,
Po dwie, po trzy kwatereczki,
Gorzałeczka grunt, grunt,
A tabaczki funt, funt.

Ach, śpiewam ja, śpiewam, zapomniałem o tem żydzie, faktorze. Żydzie! Faktorze!

Жидъ (*входитъ*).

Czego pan Jabloński potrzebuje?

Панъ Яблоньскій.

Żydzie, masz ty wilka?

Жидъ.

Oj waj! pan Jabłoński, mam choć by z kilka. Mam jednego przeciwnego, żeby się kupił (kupiec?) trafił na niego.

Панъ Яблоньскій.

Żydzie, co ty chcesz za niego?

Жидъ.

Cztery bity całkowity.

Панъ Яблоньскій.

Żydzie, gdzie będziesz pieniądze rachować, kiedy stół wązki?

Жидъ.

Oj waj, pan Jabłoński, co tutaj kłopotować, jak pieniądze rachować? Łap, cap, łap, cap, aby do kieszonki schować.

Панъ Яблоньскій.

Żydzie, idźmy na Naliwki [1]).

Жидъ.

Nie pójde, bo tam szelmy dziwki.

---

[1]) Налевки—улица въ Варшавѣ, въ еврейскомъ кварталѣ.

Панъ Яблоньскій.

Żydzie, idźmy na Nowy Swiat [1]).

Жидъ.

Bodaj pan sto patyczek zjad.

Входитъ козакъ.

Панъ Яблоньскій.

Братъ козакъ, братъ козакъ, возьми жида *на едвахъ* [2]).

Козакъ.

Еврей, еврей, становись!

Жидъ.

Zara, zara powandruje, tylko chodaczki [3]) obuje.

Козакъ.

Еврей, нашто съ моимъ братомъ дрался?

Жидъ.

Nu, ja panu kupie za półgrosz półkieliszka wódki, aby tego Jabłońskiego hicla nauczył. Jak on mnie chciał wyrznąć z prawego boku ucha, ażem się dosmarkał do samego brzucha.

Козакъ.

Ступай, ступай, ничего не сказывай! (*Уходятъ*).

Входятъ пастушки: **Яцекъ** *и* **Амброзій.**

Оба.

Razem my sie zeszli, do Betlejem przyszli, byśmy Boga oglądali z nizkim ukłonem.

Яцекъ.

Ach, kumeczku, kumeczku, nie widzieliście mojej kozy?

Амброзій.

Bodaj wasza koza sto patyków zjadła, płot mnie wyłamała, groch i kapuste wyjadła. Ale jak ja ją, nie przymierzając, wciął między rogi, ona wyciągneła wszystkie cztery nogi.

---

1) Новый Свѣтъ—тоже Варшавская улица.
2) На гауптвахту.
3) Отъ слова *chodaki*=лапти.

Яцекъ.

Ej, kumie Ambroziu, nie tykajcie mnie mojej kozy, bo jak się wiczmiem na bitwy na noże, to Bóg wie, który którego przemoże. Nie z tego owego, łupu-cupu jeden drugiego. (*Дерутся*). Już te bitwy zaniechajmy, a piosneczke zaspiewajmy.

Поютъ:

Spał tam Bartek w polu z kozami,
Tam się nałożył trzema kożuszkami.
Jak spał, tak chrapał,
Aż go Kuba za łeb złapał.

Wstań, wstań, Bartoszu,
Dam ci po groszu.
A ty, maraszku (?), czego tak marudzisz?
Sam nie spisz, a drugich budzisz...

Kumeczku, bądzcie zdrowy, ale idźmy do doktora, bo my się bardzo pobili.

Приходитъ докторъ. Его рекомендуютъ слѣдующими словами:

Kusy węgier z olejkami, z kropelkami do szopy przybywa, siedem głosów dobywa.

Докторъ.

Legem, legem, segem, legem malutana. Sem ja prynios sem dla pana zdrowe olejki.

Амброзій.

Ach, przyszedł, przyszedł do pana doktoreńka, żeby się pan doktoreńko poznał, co ja wznosze na swojich wnętrznościach.

Докторъ.

Sem tebe boli ucho?

Амброзій.

Nie, paneńku, mienie boli brzucho.

Докторъ.

Sem ty majesz gorączku?

Амброзій.

Nie, panońku, ja maju zajączku (?).

Докторъ.

Sem ty głupy chłop, pare jaj pokuszaj, z mołodoj dziewczynońkoj pód pierynkoj wygrywaj, będziesz zdorowo. Sem ja tobie poszmarować, ty mnie mile podziękować za lekarstwa. Ступай съ Богомъ. (*Уходятъ*).

Входятъ краковякъ съ краковянкой.

Краковякъ.

Krakowiaczek, wziąwszy placek,
Siad na konia za rządcę
Podaj rączke, podaj rączke
Swojej wiernej kochance.

Nimaż mojej Hanuli,
Nimaż mojej prostaczki.
Dał bym ja jej szóstaczka,
Żeby poszła kozaczka.

Краковянка.

Nie jestem ja prostaczka,
Żeby mi dał szóstaczka.
Żebyś mi dał talara,
To bym z tobą hulała.

Krakowiaczek to filutek,
Pocałował i sam uciek.
Krakowianka więcej winna:
Busie dawać nie powinna.

II.

Входитъ Иродъ.

Иродъ.

Jestem król Herod, mam cztery części swiata pód swemi nogami, nad swemi gwiazdami. Zawołajcie mi tu felmarszałka, albo mego syna.

Фельдмаршалъ (*входитъ*).

Słucham waszej powinności.

Иродъ.

Tak, felmarszałku, dobrze czyńcie, idźcie, wyrąbajcie, wysiekajcie, królewskiemu dziecinie pardonu nie dajcie.

Фельдмаршалъ.

Na królewskie rozkazanie niech się ze mną co chce stanie.

Рахель приходитъ.

Фельдмаршалъ (*къ ней*).

Oto jestem przysłany od króla Heroda, żeby pani swego syna dała.

Рахель (*поетъ*).

Panie, tak rzeczono,
Pociechi nie mam,
Prawie umieram.
Płaczą dziatki,
Krzyczą matki
Bardzo rzewliwie;
Od piersi jich wydzierali
I rozcinali,
Żal to nie mały [1]).
Adju państwo! (*Уходитъ*).

Фельдмаршалъ (*къ Ироду*).

Już wyrąbano, wysiekano, królewskiemu dziecinie pardonu nie dano.

Иродъ.

Idź, przebrzydły człowiecze! wolałbym tu czarnego djabła widzieć, niż ciebie. Czegoś chciał, tegoś doleciał: masz rogu— przebij się, masz powróz—powieś się. Idź, przebrzydły kopciuchu, wolałbym tu biało chudo śmierć widzieć, niżeli ciebie.

Фельдмаршалъ уходитъ, входитъ смерть.

Смерть.

Wchodze, wchodze po tem trakcie. Czego wy tak, królu, na te śmierć tak często narzekacie. Chodziłam po całem swiecie, małom nie zmarzła, ażem cie, królu-bogaczu, w tym domku znalazła.

Иродъ.

Mam dosyć srybła i złota, moge się od śmierci wykupić.

Смерть.

Nic, królu-bogaczu, nie pomoże z twego wyroku, kiedy śmierć stoji przy twym boku. Zakładam ci kose na szyje. (*Снимаетъ Ироду голову*). Już król Herod nie żyje.

Дьяволъ (*входитъ*).

A już, jasnokoscista, ażeś się zadychała.

Смерть.

Won, przebrzydły kopciuchu, bo dostaniesz kosą po brzuchu.

---

[1]) Эти стихи заимствованы изъ печатной „колéнды", находящейся во всѣхъ ченстоховскихъ и варшавскихъ „кантычкахъ". Такія же заимствованія есть и въ словахъ другихъ лицъ, напр. пастушковъ, доктора, даже жида. *Ред.*

Дьяволъ.

A no to dzierzmy się: ja bierze dusze, a tobie ciało, bo się mi tak spodobało. A ty, królu, za swe zbytki idź do piekła, boś ty brzydki. (*Уноситъ Ирода*).

Жидъ (*входитъ*).

Niech będzie pan Bóg pochwalony,
Że nie mam brody ogolonej.
Kupiłem capke za cały dukat,
Powiesiłem tu w kąteczku,
Na tem cwieczku,
Ktoś mi szelma ukrad.
Aj waj, pif paf paf, gej mach kich po żonku. Idźmy do kąteczku.

(*Уходитъ*).

Трубочистъ (Kominiarz).

Kominiarczyk, wstań malutki,
Wytrzy komin, dam ci wódki.
Szastrzą miotły drabkim drancem,
Bo ci zato ludzi płacą.
Macie co dać, prosze dać,
Bo nie mamy czasu żdać,
Mamy krótkie kożuszki,
Poodmierzali nam nózki.

(*Уходитъ*).

Дѣдъ (Dziad).

(*Входитъ и протягиваетъ сумочку для денегъ*).

Upraszam państwo na pochowanie Heroda.

КОНЕЦЪ.

Записано отъ хозяевъ „*шопки*", мальчиковъ 10—12-лѣтнихъ, въ с. Радче, въ мартѣ 1898 г. [1]).

В. А. Мошковъ

---

[1]) Самая „шопка" т. е. кукольный театръ, присланная г. В. А. Мошковымъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ ней куклами, находится въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ, въ Москвѣ *Ред.*

Э. Ю. Петри.

(*Некрологъ*).

28-го сентября скончался профессоръ С.-Петербургскаго университета Эдуардъ Юльевичъ Петри. Смерть похитила его въ полномъ расцвѣтѣ его научной дѣятельности. Еще недавно онъ, полный силъ и здоровья, съ неутомимой энергіей мечталъ объ осуществленіи цѣлаго ряда намѣченныхъ имъ научныхъ задачъ. Э. Ю. Петри занималъ съ 1887 г. каѳедру географіи и этнографіи на физико-математическомъ факультетѣ Петербургскаго университета. Свою профессорскую дѣятельность онъ началъ за границей. Родившись и получивъ свое образованіе въ Россіи, Э. Ю. Петри, окончивъ курсъ въ Императорской Медико-хирургической Академіи, переименованной въ настоящее время въ Военно-медицинскую, отправился за границу, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимался въ швейцарскихъ и германскихъ университетахъ. Медикъ по образованію, онъ защитилъ въ 1880 г. диссертацію въ Бернскомъ университетѣ на медицинскую тему (Beiträge zur Lehre von dem Heimungsapparat des Herzens). Но пытливый умъ покойнаго направилъ его еще раньше на занятія антропологіей, а затѣмъ и географіей. Труды молодого ученаго скоро обратили на него вниманіе, и въ 1883 г. онъ былъ приглашенъ занять ново-учрежденную каѳедру антропологіи и географіи въ Бернскомъ университетѣ.

Въ это время и въ Россіи былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи особой каѳедры географіи и этнографіи въ нашихъ университетахъ. Каѳедра, отнесенная университетскимъ уставомъ 1884 г. на историко-филологическій факультетъ, была въ скоромъ времени распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія перенесена на физико-математическій. Для занятія новой каѳедры въ Петербургскомъ университетѣ министерствомъ былъ приглашенъ Э. Ю. Петри. Онъ возвратился въ Россію и съ того времени неутомимо работалъ какъ надъ теоретическими научными вопросами, такъ и надъ насажденіемъ, развитіемъ и популяризаціей географическихъ и антропологическихъ свѣдѣній путемъ чтенія лекцій, участія въ ученыхъ обществахъ, устройства научныхъ поѣздокъ и экспедицій.

Э. Ю. Петри сосредоточилъ свои занятія, главнымъ образомъ, на антропологіи и географіи. Къ этимъ двумъ научнымъ дисциплинамъ и

относится громадное большинство его трудовъ. Но одновременно онъ посвящалъ и немало времени этнографическимъ вопросамъ. Я ограничусь указаніемъ на важнѣйшіе труды его въ этомъ направленіи. Прежде всего онъ оказалъ существенную услугу лицамъ, занимающимся этнографіей въ Россіи и не владѣющимъ иностранными языками, переводомъ извѣстнаго труда Пешеля «Народовѣдѣніе». Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе появленія въ свѣтъ этого труда на русскомъ языкѣ, достаточно вспомнить, что въ то время русская переводная литература сочиненій, преслѣдовавшихъ обобщеніе этнографическихъ данныхъ, переживала періодъ затишья. Русская публика была осуждена пользоваться прежними переводами въ то время отчасти уже устарѣлыхъ авторовъ. Теперь, когда за послѣдніе годы переводная литература по вопросамъ общей этнографіи снова ожила, когда въ теченіе краткаго промежутка времени книжный рынокъ обогатился цѣлой массой переводныхъ сочиненій, отчасти новыхъ авторовъ, отчасти новыми изданіями прежнихъ, труды которыхъ составляли библіографическую рѣдкость,—руское изданіе книги Пешеля въ извѣстной степени утратило свое значеніе. Но въ моментъ появленія оно дало новый толчокъ къ работамъ русскихъ изслѣдователей, и возбужденный переводомъ «Народовѣдѣнія» Пешеля интересъ доказывается между прочимъ и быстротой, съ которой изданіе расходилось.

Э. Ю. Петри принадлежалъ къ той школѣ антропологовъ, которая не ограничиваетъ свои работы изученіемъ человѣка исключительно съ точки зрѣнія остеологической и соматологической. Подобно многимъ западно-европейскимъ ученымъ, онъ понималъ подъ антропологіей всестороннее изученіе человѣка, слѣдовательно изученіе и съ этнографической точки зрѣнія. Поэтому въ 1-мъ томѣ своего труда «Антропологія» (С.-П. 1890) Э. Ю. Петри удѣлилъ немало мѣста и этнографіи. Въ главахъ, посвященныхъ вопросамъ о зачаткахъ семейно-общественныхъ нормъ и духовной жизни и занимающихъ половину его работы, покойный ученый представилъ съ полной объективностью современное состояніе науки о главныхъ вопросахъ общей этнографіи и познакомилъ русскую публику съ основными теченіями западно-европейской научной мысли въ области этнографіи,—теченіями, которыя въ то время еще были извѣстны развѣ только немногимъ спеціалистамъ.

Оставляя въ сторонѣ другіе, болѣе мелкіе этнографическіе труды покойнаго Э. Ю. Петри, я хотѣлъ-бы указать еще на одну крупную заслугу его передъ русской этнографіей,—заслугу, менѣе бросающуюся въ глаза, пожалуй еле замѣтную, но во всякомъ случаѣ не менѣе крупную, чѣмъ печатные труды: я имѣю въ виду его дѣятельность по оживленію этнографическихъ изслѣдованій Россіи. Состоя долгое время вице-президентомъ Русскаго Антропологическаго Общества, а съ весны текущаго года его президентомъ, Э. Ю. Петри неустанно заботился со свойственной ему энергіей о расширеніи дѣла собиранія матеріаловъ по этнографіи и антропологіи Россіи. Петербургское Антропологическое Общество, благодаря дѣятельному участію въ немъ Э. Ю. Петри, гостепріимно раскрывало свои двери изслѣдователямъ быта разноплеменнаго населенія Россіи, оказывало

нимъ возможное содѣйствіе и руководило ихъ работами, направляя ихъ въ пункты, наиболѣе интересные для изученія. Въ Э. Ю. Петри его многочисленные слушатели и ученики, равно и постороннія лица, обращавшіяся къ нему за совѣтомъ, находили доброжелательнаго и симпатичнаго руководителя, готоваго подѣлиться съ ними своими знаніями и опытомъ. Благодаря этому Русское Антропологическое Общество въ лицѣ многочисленныхъ своихъ, часто молодыхъ, членовъ, не мало поработало надъ собираніемъ этнографическаго матеріала Россіи, и дѣятельность эта была крайне оживлена. Засѣданія Общества посѣщались охотно всѣми интересующимися изслѣдованіями нашей родины, а оживленный обмѣнъ мысли, который возбуждалъ Э. Ю. Петри послѣ прочтенныхъ сообщеній, содѣйствовалъ одновременно и выясненію вопросовъ, и возбужденію интереса къ народовѣдѣнію. Заботясь о развитіи интереса къ географіи и этнографіи среди своихъ слушателей, Э. Ю. Петри организовалъ подъ своимъ руководствомъ поѣздку студентовъ Петербургскаго университета въ нѣкоторыя, представляющія особенное значеніе въ географическо-этнографическомъ отношеніи, мѣстности западной Европы. Эта поѣздка имѣла значеніе пробной. Удачное совершеніе ея дало возможность Э. Ю. Петри предположить цѣлый рядъ подобныхъ поѣздокъ и по различнымъ мѣстностямъ Россіи. Еще весной онъ мечталъ о нихъ и началъ хлопоты объ ихъ осуществленіи. Но тутъ подкралась болѣзнь. Въ августѣ Э. Ю. Петри возвратился больнымъ въ Петербургъ; болѣзнь дѣлала свое дѣло, и черезъ $1^1/_2$ мѣсяца его не стало. Ему не суждено было видѣть ни осуществленія многихъ плановъ, о которыхъ онъ говорилъ съ такимъ воодушевленіемъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, ни окончить задачи, которымъ онъ служилъ, не жалѣя трудовъ до конца жизни.

Н. Харузинъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Эрнестъ Гроссе. Происхожденіе искусства. *Перевелъ съ нѣмецкаго А. Е. Грузинскій. Москва 1899 г. Изданіе М. и Е. Сабашниковыхъ, 293 стр., съ 32 рисунками и съ 3 таблицами. Ц. 1 р. 50 к.*

До недавняго времени изученіе первобытнаго искусства ограничивалось собраніемъ сырого, фактическаго матеріала и только за послѣдніе годы начались дѣлаться попытки разобраться въ этомъ матеріалѣ. Однимъ Эзъ первыхъ ученыхъ, пошедшихъ въ этомъ направленіи, является 1. Гроссе, разбираемая нами книга котораго появилась въ подлинникѣ въ п894 г. Такъ какъ на русскомъ языкѣ совершенно пѣтъ сочиненій, зосвященныхъ первобытному искусству, то мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о книгѣ Гроссе, несмотря на то, что о ея нѣмецкомъ изданіи уже былъ данъ въ Этнографическомъ Обозрѣніи обстоятельный отчетъ г. Н. Харузинымъ (кн. XXIV).

Въ виду новизны предмета Гроссе не считаетъ возможнымъ настаивать на полной достовѣрности всѣхъ своихъ выводовъ, а, наоборотъ, заранѣе допускаетъ возможность, что въ нихъ будутъ внесены очень значительныя поправки Во многихъ же случаяхъ онъ прямо называетъ свои объясненія только предположительными. Вообще главное значеніе своей работы авторъ видитъ не въ рѣшеніи вопросовъ, а въ постановкѣ ихъ. Имѣя это въ виду, мы не будемъ останавливаться на разборѣ отдѣльныхъ положеній Гроссе, а займемся только его общими точками зрѣнія и тѣми научными методами, путемъ которыхъ онъ надѣется достигнуть разрѣшенія вопроса.

Прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что Гроссе слишкомъ сузилъ рамки своего изслѣдованія и ограничивается очень немногими народами, а именно: бушменами, андаманцами, австралійцами, тасманійцами, эскимосами, ботокудами и огнеземельцами. Мотивомъ для такого рѣшенія послужило то соображеніе, что лишь эти народы могутъ быть названы первобытными, такъ какъ только ихъ хозяйственная жизнь находится на самой низкой, изъ всѣхъ извѣстныхъ, ступени развитія; эти народы занимаются исключительно охотой и собираніемъ растеній и не знаютъ ни земледѣлія, ни скотоводства. Что всѣ перечисленные народы стоятъ на очень низкой ступени развитія — это, конечно, безспорный

фактъ, но сомнительно, чтобы было вполнѣ научнымъ выдѣленіе ихъ въ особую, замкнутую группу. Упрекая другихъ авторовъ въ ненаучномъ пользованіи терминами «первобытный» и «естественный» народъ, Гроссе не замѣчаетъ, что эти упреки могутъ быть сдѣланы и по его адресу. Ошибкой съ его стороны является то, что онъ не видитъ произвольности и приблизительности всякой классификаціи народовъ, сдѣланной на основаніи какого-нибудь одного признака. Вѣдь ужъ давно высказывалось мнѣніе, что нѣтъ полнаго параллелизма въ развитіи разныхъ сторонъ жизни народа. Прогрессъ въ одномъ направленіи можетъ сопровождаться застоемъ или даже регрессомъ въ другомъ, и самъ Гроссе приводитъ подтверждающіе это мнѣніе факты, указывая, напр., на то, что пластика первобытныхъ народовъ часто стоитъ гораздо выше пластики сравнительно культурныхъ народовъ (стр. 180, 185). Если мы даже имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ съ упадкомъ пластики, то и тогда изученіе ея имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ выясняетъ соціальную роль пластики въ ея простѣйшемъ видѣ; тѣмъ больше основаній сказать это, предполагая, что искусство даннаго народа не регрессировало, а просто остановилось на болѣе низкой ступени развитія. Вѣдь тогда-то мы и имѣемъ дѣло именно съ первобытными формами пластики, сохранившимися несмотря на общій культурный процессъ даннаго народа, и онѣ-то и имѣютъ рѣшающее значеніе для отвѣта на вопросъ о происхожденіи искусства. Такъ какъ Гроссе въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи особенно настаиваетъ на отсутствіи однообразія въ развитіи отдѣльныхъ племенъ (Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft. S. 4—5), то онъ, конечно, не станетъ утверждать, чтобы всѣ болѣе культурные народы пережили непремѣнно такую же стадію развитія, представителями которой являются теперь бушмены, австралійцы и т. п., точно также не рѣшится, конечно, онъ думать, чтобы въ прошломъ каждаго народа имѣлась такая же пластика, какъ австралійская и бушменская. Поэтому ограниченіе своей задачи указанными народами является ничѣмъ не оправдываемымъ съ точки зрѣнія самого Гроссе, такъ какъ заставляетъ его въ отдѣльныхъ случаяхъ отказываться отъ изученія наиболѣе архаическихъ формъ искусства. Пусть эти формы сохранились у сравнительно культурныхъ народовъ,—это не мѣшаетъ имъ имѣть для поставленной авторомъ себѣ задачи во всякомъ случаѣ не меньшее значеніе, чѣмъ сравнительно высокія формы искусства нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ,—первобытныхъ съ точки зрѣнія хозяйственной жизни.

Другой слабой стороной метода, которому слѣдуетъ Гроссе, будетъ его неубѣдительность. Ограничиваясь немногими народами, авторъ тѣмъ самымъ лишаетъ свои выводы доказательности. Опытъ изъ области соціологіи исключенъ совершенно, и поэтому рѣшающее значеніе имѣетъ количество наблюденій Одинъ, два, три фактическихъ примѣра почти ничего не значатъ въ исторіи первобытной культуры; разнообразіе явленій, съ которыми приходится имѣть дѣло этой наукѣ, такъ велико, что единичные факты можно было бы привести въ пользу чуть-ли не какого угодно мнѣнія. Устанавливая связь между какими-нибудь явле-

ніями, историкъ первобытной культуры обязанъ доказать ее какъ можно большимъ количествомъ фактовъ, только тогда у него будутъ доказательства постоянства, а не случайности той связи, о которой онъ говоритъ. Къ Гроссе это требованіе можно предъявить съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что ему не удалось установить строгаго единообразія въ развитіи искусства у народовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ его книгѣ. Бушмены оказываются до нѣкоторой степени исключеніемъ по своей музыкальной одаренности (281 стр.); на ряду съ высоко-развитой пластикой австралійцевъ, бушменовъ, эскимосовъ мы находимъ полное отсутствіе ея у андаманцевъ, ботокудовъ и огнеземельцевъ (стр. 180), такъ что производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе слова Гроссе: «такимъ образомъ способность къ пластикѣ очень широко распространена среди охотничьихъ племенъ. Но есть и исключенія: по крайней мѣрѣ тремъ изъ первобытныхъ народовъ она, повидимому, совсѣмъ чужда» (стр. 180). Исключеній оказывается ровно столько, сколько фактовъ, подтверждающихъ правило [1]), и Гроссе оказался вынужденнымъ обратиться за дальнѣйшими подтвержденіями своего взгляда къ чукчамъ, которыхъ онъ самъ отказывается признать первобытнымъ народомъ (42 стр.). Если бы онъ взялъ вмѣсто чукчей, напримѣръ, ороченъ, у которыхъ, по свидѣтельству Леонтовича (Землевѣдѣніе 1897 г. III—IV, стр. 62), рѣзьба на деревѣ и кости настолько груба, «что подчасъ становится весьма труднымъ отличить даже человѣка отъ животнаго», а иногда и того хуже, то одного этого факта было бы достаточно, чтобы заставить Гроссе перемѣнить мнѣніе и считать андаманцевъ, ботокудовъ и огнеземельцевъ правиломъ, австралійцевъ, бушменовъ и эскимосовъ исключеніемъ. Для насъ этотъ примѣръ представляется доказательствомъ ненаучности изученія искусства внутри группъ народовъ, раздѣленныхъ на основаніи хозяйственнаго признака. Во всякомъ случаѣ приводимыхъ Гроссе данныхъ оказывается совершенно недостаточнымъ для его вывода, что требуемыя охотой наблюдательность и ловкость руки создаютъ высоко-развитую пластику австралійцевъ и т. п.; чтобы судить, насколько играютъ роль въ данномъ случаѣ эти качества, необходимо привлечь къ изслѣдованію гораздо большее количество фактовъ, чѣмъ тѣ, которые приводятся Гроссе. Пока же приходится оставить этотъ вопросъ открытымъ.

Во всей своей книгѣ авторъ довольно послѣдовательно выдерживаетъ одну точку зрѣнія—соціальную. Въ извѣстномъ смыслѣ въ этомъ можно видѣть его заслугу, такъ какъ слишкомъ ужъ часто игнорируется эта сторона вопроса авторам, ипишущими объи скусствѣ. Къ сожалѣнію, Гроссе не удалось удержаться въ должныхъ границахъ, и онъ впалъ въ противоположную односторонность. Между прочимъ трудно согласиться съ его мнѣніемъ, что эстетическое воздѣйствіе на другихъ, на слушателей или зрителей, является необходимымъ элементомъ искусства (стр. 46—47).

[1]) Объ австралійцахъ авторъ все время говоритъ какъ-бы объ одномъ цѣломъ, не различая отдѣльныхъ племенъ: это тоже ошибка со стороны Гроссе, потому что всѣ новѣйшіе изслѣдователи указываютъ на очень крупныя различія въ культурномъ отношеніи между отдѣльными австралійскими племенами.

По этому поводу мы позволимъ себѣ привести одну корельскую легенду, записанную Кастреномъ: «Однажды одинъ мальчикъ забралъ себѣ въ голову, что онъ будетъ отличнымъ и знатнымъ пѣвцомъ. Для того онъ уже долго учился у самыхъ лучшихъ пѣвцовъ, но всѣ они увѣрили его въ одинъ голосъ, что ему не научиться высокому искусству. Огорченный тѣмъ, онъ ворчалъ день и ночь, разсуждая про себя о томъ, какъ бы получить желаемое. Но, какъ ни ломалъ онъ себѣ голову, все же пѣвцомъ хорошимъ не становился. Однажды сидѣлъ онъ, глубоко задумавшись. Вдругъ явился передъ нимъ какой-то незнакомый человѣкъ. То былъ Маналайненъ. Узнавъ его горе, онъ повелъ его за руку далеко, въ глухой, темный лѣсъ. Какъ взобрались они въ самую глушь, то Маналайненъ исчезъ такъ же скоро, какъ и пришелъ. Мальчикъ остался одинъ. Какъ увидѣлъ онъ себя одинокимъ, покинутымъ въ лѣсу, сильная тоска запала въ его сердце, и запѣлъ онъ такія чудныя пѣсни, какія рѣдко поетъ человѣкъ» (Этн. Сборн., т. IV, 1858 г., стр. 252—253). Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-нибудь исключеніемъ, въ томъ намъ порукой самъ Гроссе, который указываетъ на то, что бушменъ цѣлыми часами играетъ на своей «доча» «для собственнаго удовольствія», а «австралійцы чаще всего поютъ для самихъ себя» (стр. 280). То же самое, что про музуку, можно сказать въ значительной степени и про поэзію, такъ какъ, по признанію самого автора, въ первобытной поэзіи главную роль играетъ не содержаніе, а форма, и въ пѣснѣ обыкновенно цѣнятся не слова, а мелодія (стр. 230—231). Съ музыкой вообще Гроссе не удалось справиться, и въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ сознанію невозможности установить какую-нибудь связь между музыкой и общей культурой народа (стр 281 — 282). Значительную долю этой неудачи приходится приписать тому, что авторъ руководствовался предвзятой идеей о доминирующей роли хозяйственнаго фактора и желаніемъ во что бы то ни стало установить прочную связь между хозяйственной жизнью народа и его искусствомъ. Если бы онъ шире взглянулъ на свою задачу, т. е. сопоставилъ бы искусство не съ одной экономикой, а и другими сторонами культуры, то, быть можетъ, ему бы и удалось прослѣдить зависимость отъ нихъ и музыки, которая не являлась бы тогда какимъ-то непонятнымъ исключеніемъ.

Исходя изъ той мысли, что при большой затратѣ энергіи на искусство было бы недопустимо, что оно не было полезно для сохраненія и развитія соціальнаго организма, такъ какъ въ противномъ случаѣ такая затрата была бы невыгодна съ точки зрѣнія естественнаго подбора и вела бы къ вымиранію соотвѣтствующихъ народовъ, — исходя изъ этой мысли, авторъ старается во что бы то ни стало доказать полезность искусства и, конечно, доказываетъ. Главной заслугой искусства оказывается «закрѣпленіе и расширеніе общественной связи» (стр. 290). Между тѣмъ, въ другихъ мѣстахъ книги мы читаемъ, что орнаментика имѣетъ очень слабое соціальное вліяніе (стр. 150 — 152), что первобытная пластика не играетъ соціальной роли (стр. 191—192) и т. д.

Въ концѣ концовъ оказывается, что въ первобытныя времена главное вліяніе имѣли танцы (стр. 291), и значеніе ихъ сводится къ тому, что они объединяютъ всю группу и пріучаютъ ее «дѣйствовать подъ *однимъ* импульсомъ, въ *одномъ* направленіи и съ *однимъ* и тѣмъ же намѣреніемъ» (стр. 212, курсивъ автора) [1]).

Несмотря на указанные нами недостатки, книга Гроссе будетъ далеко не лишней для русской публики. Будучи несостоятельна въ теоретическомъ отношеніи, она даетъ очень живое и картинное изображеніе тѣхъ формъ, въ которыя выливается искусство у первобытныхъ народовъ. Достоинствомъ книги Гроссе служитъ также ея полнота: она охватываетъ всѣ стороны эстетической жизни первобытныхъ народовъ, тогда какъ большинство монографій по данному вопросу имѣетъ въ виду только какую-нибудь одну изъ отраслей искусства. Въ виду отсутствія въ русской литературѣ сочиненій по первобытному искусству работа Гроссе вполнѣ заслуживала перевода на русскій языкъ, и переводъ этотъ, кстати сказать, сдѣланъ весьма удачно и вполнѣ добросовѣстно, что рѣдко бываетъ въ нашихъ переводахъ.

А. Максимовъ.

Я. П. Дуброва. Бытъ калмыковъ Ставропольской губ. *Казань. 1899, стр. 239. („Извѣстія О-ва Археологіи, Исторіи и Этнографіи", т. XV, вып. 1 и 2).*

Русская литература о калмыкахъ, какъ и о большинствѣ другихъ нашихъ инородцевъ, представлена численно немалымъ количествомъ статей, замѣтокъ и изслѣдованій. Качественно она оставляетъ желать очень многаго. Поэтому всякій серьезный изслѣдователь, предпринимая изученіе какой-нибудь народности или области Россіи, можетъ быть почти увѣреннымъ, что онъ внесетъ новый вкладъ въ отечественную литературу: ему нѣтъ основанія опасаться повторенія: 1) оттого, что жизнь инородцевъ, несмотря на кажущійся иногда застой, непрерывно видоизмѣняется подъ воздѣйствіемъ новыхъ условій, и 2) оттого, что, отмѣчая даже уже извѣстные факты, новый изслѣдователь дастъ имъ новое освѣщеніе и найдетъ ключъ къ объясненію явленій, на которыя прежніе изслѣдователи не обратили вниманія. Что касается собственно калмыковъ, то большее количество свѣдѣній имѣлось пока объ астраханскихъ калмыкахъ (Мало-Дербетовскаго улуса); между прочимъ однимъ изъ послѣднихъ обстоятельныхъ трудовъ были „Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ" И. А. Житецкаго, изданные частью въ „Извѣстіяхъ" нашего общества (т. 77, Труды Этногр. Отдѣла, т. XIII), частью въ изданіяхъ Астраханскаго

[1]) Позволяемъ себѣ замѣтить, что Гроссе указываетъ на соціальное значеніе не однихъ только танцевъ, но и косметики и пластики: особенно же косметикѣ придана очень важная роль — 1) привлеченія половъ, 2) устрашенія. Въ танцахъ же авторъ видитъ, правда, наиболѣе яркій примѣръ одновременнаго широкаго воздѣйствія крупныхъ общественныхъ группъ другъ на друга и на отдѣльныхъ особей, хотя этимъ, понятно, не умаляется вышеуказанная соціальная роль, напр., косметики. *Ред.*

Петровскаго Общества. Ставропольскіе калмыки (Больше-Дербетовскаго улуса) были изслѣдованы гораздо меньше. Я. П. Дуброва въ извѣстной степени постарался восполнить этотъ недостатокъ, составивъ весьма обстоятельную монографію о бытѣ этихъ калмыковъ. Авторъ прожилъ около 6-ти лѣтъ въ губерніи и близко соприкасался съ калмыками: онъ могъ поэтому собрать богатый матеріалъ не только путемъ опросовъ, но и благодаря личному наблюденію. Мы говоримъ, что трудъ автора только *до извѣстной степени* пополнилъ наши свѣдѣнія о бытѣ ставропольскихъ калмыковъ, потому что въ немъ авторъ обратилъ главное вниманіе на экономическій бытъ калмыковъ или, правильнѣе, на постепенный упадокъ благосостоянія ихъ, совершающійся благодаря цѣлому ряду условій, бороться съ которыми ставропольскіе калмыки сначала не хотѣли, а потомъ не оказались въ силахъ. Къ этимъ положеніямъ автора мы перейдемъ ниже. Въ настоящій моментъ мы хотѣли бы указать, что въ книгѣ Я. П. Дубровы помѣщенъ и общій очеркъ исторіи и общаго быта калмыковъ. Авторъ дѣлаетъ краткій историческій очеркъ жизни калмыковъ съ момента ихъ переселенія въ Россію при царѣ Михаилѣ до настоящаго времени, останавливается обстоятельно на правительственныхъ мѣрахъ, направленныхъ на благо калмыковъ, но въ дѣйствительности приносившихъ имъ подчасъ только вредъ, и описываетъ современный бытъ изученнаго имъ населенія (одежду, пищу, общественное устройство, суевѣрія, празднества, обряды при рожденіи и по смерти и т. д.). Мы не скроемъ, что эту часть труда Я. П. Дубровы мы желали бы видѣть болѣе подробной. Авторъ, такъ сказать, скользитъ по этимъ вопросамъ, между тѣмъ долгое пребываніе его въ Ставропольской губерніи несомнѣнно доставило ему обширный матеріалъ, который авторъ, быть можетъ, вслѣдствіе неосновательнаго опасенія повторять уже «извѣстныя въ литературѣ» данныя, счелъ, къ сожалѣнію, нужнымъ обойти молчаніемъ.

«Калмыцкій вопросъ» поднимался у насъ неоднократно. Правительственныя мѣропріятія имѣли благія намѣренія принести пользу калмыкамъ, подвинуть ихъ по пути цивилизаціи, пріучить ихъ къ высшимъ формамъ хозяйства и сблизить ихъ съ русскимъ, кореннымъ населеніемъ. Но оттого ли, что прежде переустройства быта калмыковъ составлялись лицами, иногда мало знакомыми съ условіями ихъ жизни, или оттого, что исполнители предначертаній правительства понимали «благо» калмыковъ по-своему, но большинство подобныхъ мѣропріятій не приводило къ желаемому результату. Какъ бы то ни было, но тяжело констатировать фактъ, что, послѣ слишкомъ 250-лѣтняго пребыванія ставропольскихъ калмыковъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, они не сдѣлали культурныхъ успѣховъ. «Общими усиліями воздѣйствователей на культуру калмыковъ, пишетъ авторъ, достигнуто въ концѣ концовъ то, что калмыки не только ни на шагъ не двинулись впередъ въ дѣлѣ соціально-экономическаго своего развитія, но напротивъ — притѣсненные разными нойонами, попечителями, опекунами, приставами и пр., обобранные ими и разными пришельцами, — обнищали, нравственно

извратились, потеряли вѣру въ справедливость и человѣчность оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ «воздѣйствователей», стали въ неприязненныя отношенія къ «культуртрегерамъ», замкнулись въ своей гнилой скорлупѣ и сдѣлали крутой поворотъ назадъ, до болѣзненности ревниво охраняя свои бытовыя особенности и устраняя все то, что могло бы сблизить ихъ съ сосѣднимъ русскимъ неселеніемъ». Выводъ—дѣйствительно безотрадный.

Этнографовъ иногда считаютъ представителями какого-то направленія, проливающаго, по выраженію кого-то, слезы надъ обездоленными инородцами и готоваго жертвовать во имя ихъ курьтурными и общегосударственными интересами. Высмѣиваемые «заступники» инородческаго населенія, быть можетъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ иногда слащавы въ своихъ жалобахъ и сѣтованьяхъ, указывая, что всегда и всюду инородцы оказываются жертвой русскихъ эксплоататоровъ, забывая, что встрѣчаются и явленія противоположнаго свойства. Когда раздаются голоса, требующіе отъ государственной власти «спасенія» инородца и *сохраненія первобытныхъ* условій жизни инородческаго племени,—намъ эти голоса кажутся наборомъ громкихъ и безсодержательныхъ фразъ. Условія жизни мѣняются, и остановить ихъ движенія не въ силахъ государственной власти. При столкновеніи болѣе культурнаго или болѣе сильнаго племени съ болѣе слабымъ или менѣе культурнымъ, послѣднее входитъ въ условія, которыя заставляютъ его видоизмѣнить древніе устои общественной и экономической жизни. Но обязанность лицъ, которымъ ввѣрено попеченіе надъ такимъ племенемъ, заключается въ обереганіи его отъ безсовѣстной эксплоатаціи болѣе сильнаго элемента, въ поддержкѣ его въ тяжелую переходную эпоху отъ старыхъ, отжившихъ устоевъ—къ новымъ, въ облегченіи этого перехода и въ изысканіи мѣръ къ ускоренію прогресса культуры. Намъ не вполнѣ было бы понятно государственное цѣлое, въ которомъ одинъ элементъ былъ бы *осужденъ* на бѣдность, эксплоатацію и даже на вымираніе только оттого, что онъ болѣе слабъ, чѣмъ тотъ, который вторгся въ его жизнь подъ вліяніемъ исторической необходимости. Центральное правительство нерѣдко отстаивало эту точку зрѣнія въ отношеніи къ нашимъ инородцамъ; оно старалось защитить ихъ, помочь пережить трудныя времена и дѣлало попытки доставить одинаковую возможность къ умственному развитію и матеріальному благосостоянію всѣмъ инородцамъ безъ различія національности. Тѣмъ не менѣе ни для кого не оказываются тайной безчисленные факты, которые почти всюду, гдѣ сталкивается русскій элементъ съ инородческимъ, приводятъ къ самой грубой эксплоатаціи, къ спаиванью ихъ, несмотря на запрещеніе закономъ, экономическому закабаленью инородцевъ, влекущимъ за собой ихъ обнищаніе, а потомъ и медленное вымираніе. Мы не думаемъ, чтобы нашелся кто-нибудь, даже изъ самыхъ закоснѣлыхъ «враговъ инородцевъ» (а они, къ сожалѣнію, встрѣчаются у насъ), который могъ бы спокойно закрывать глаза на вопіющіе факты и убѣжденно говорить: «такъ и надо!» Онъ нарушилъ бы не только требованія простой гуманности, запрещающія видѣть въ

инородцѣ «поганую тварь» (такъ именуютъ между прочимъ калмыковъ не одни представители некультурнаго класса русскихъ), но и элементарныя соображенія о государственной пользѣ, такъ какъ для государства не можетъ быть полезнымъ уничтоженіе экономически и культурно болѣе слабыхъ элементовъ въ угоду далеко нежелательнаго и крайне вреднаго въ государствѣ элемента эксплоататоровъ, кулаковъ и пр.

Вслѣдствіе вышесказаннаго тяжелое впечатлѣніе производитъ работа Я. П. Дубровы. Все, что дѣлалось и дѣлается въ отношенія къ калмыкамъ Ставропольской губ.,—повтореніе того, что совершается и относительно многихъ другихъ инородческихъ племенъ, нерѣдко вопреки законодательнымъ распоряженіямъ, и все, что можетъ возмутить и душу и совѣсть при отношеніи къ инородцамъ, находитъ себѣ примѣненіе и въ Ставропольской губ.

Къ чему приведены ставропольскіе калмыки за время пребыванія ихъ въ Россіи? Уничтоженіе ханской власти въ 1771 г. у пришедшихъ въ Россію калмыковъ было актомъ государственной необходимости, такъ какъ ханы, признавая свою зависимость отъ Россіи только номинально, содѣйствовали военнымъ походамъ, грабежамъ и нападеніямъ на русскія области. Существованіе «калмыцкой орды»—этого государства въ государствѣ—было анахронизмомъ. Но всѣмъ также извѣстно, что причиной, побудившей калмыковъ въ 1771 г. выселиться изъ предѣловъ Россіи, была въ значительной степени безтактная и жестокая дѣятельность мѣстныхъ администраторовъ. Далѣе, благодаря незнанію условій жизни калмыковъ, большинство ихъ было поставлено въ крѣпостную зависимость отъ представителей, почти что созданной нами искусственно, калмыцкой аристократіи. Незнаніе условій быта кочевниковъ и дань существовавшему въ свое время направленію привели къ введенію въ кочевую среду тяжелаго по своимъ послѣдствіямъ крѣпостного права, отразившагося крайне неблагопріятно и на личной жизни, и на экономическомъ строѣ калмыковъ. Нойоны и зайсанги обложили народъ тяжелыми поборами; мѣстная русская администрація получала въ свою очередь законные и незаконные доходы; калмыки начали бѣднѣть. Но это ошибки прошлаго: закономъ 1892 г. калмыки освобождены отъ зависимости, отъ нойоновъ и зайсанговъ. Печальное прошлое въ этомъ отношеніи можно было бы предать забвенію, если бы оно не оставило неизгладимыхъ слѣдовъ въ характерѣ калмыка и не привело его къ обнищанію.

Всѣмъ извѣстна вѣковая борьба осѣдлой Руси со степью, поступательное движеніе земледѣльцевъ на степныя окраины и превращеніе пустыхъ пространствъ подъ тучныя нивы трудомъ и энергіей русскихъ хлѣбопашцевъ. Калмыцкая степь не была исключеніемъ. Земли, оффиціально принадлежавшія ставропольскимъ калмыкамъ, постепенно заселялись самовольно или съ согласія администраціи осѣдлымъ земледѣльческимъ элементомъ. Русско-калмыцкія отношенія не всегда были мирными: калмыки, владѣтели свыше 2 милліоновъ десятинъ при населеніи около $2^1/_2$ тысячъ душъ, сначала смотрѣли равнодушно на первыхъ поселенцевъ и лишь время отъ времени выбирали ихъ объектами грабежей; и

теперь еще у мѣстнаго населенія живы воспоминанія о времени, когда жизнь въ степи давалась поселенцамъ нелегко. Земледѣлецъ одерживалъ верхъ, и къ 1873 г., благодаря захвату или пріобрѣтенію иными средствами участковъ калмыцкихъ земель поселенцами, равно и вслѣдствіе широкой раздачи земель въ частныя руки, у калмыковъ осталось только около 500,000 десятинъ, да и изъ этого количества немалая доля ушла на прирѣзки къ крестьянскимъ обществамъ и въ руки представителей привиллегированнаго класса калмыковъ. Мало того, большинство хорошихъ земель принадлежитъ крестьянскимъ обществамъ и частнымъ владѣльцамъ, а калмыки оттѣснены въ изобилующія солончаками части степи, гдѣ скотоводство—главное занятіе калмыковъ—почти невозможно вслѣдствіе скудости травъ. Стѣсненные землей и пастбищами, калмыки съ каждымъ годомъ бѣднѣютъ, разоряются и въ Больше-Дербетовскомъ улусѣ начинаютъ медленно вымирать.

Кочевое хозяйство возможно, конечно, только при условіи огромныхъ травяныхъ пространствъ; стѣсненіе землей приводитъ къ невозможности вести его въ широкихъ размѣрахъ и слѣдовательно гибельно отражается на экономическомъ бытѣ кочевника. Съ другой стороны, Россія вышла изъ періода, когда она могла оставлять громадныя пространства въ рукахъ кочевыхъ народовъ Европейской Россіи или остановить движеніе осѣдлыхъ колонизаторовъ въ степи. Но колонизація обошлась дорого и русскимъ поселенцамъ, и калмыкамъ; кромѣ взаимной вражды, грабежей и иногда и убійствъ—результатовъ столкновенія осѣдлаго и неосѣдлаго элементовъ,—русскіе и калмыки были одинаково жертвами алчности низшей администраціи края; это хищническое отношеніе ложилось на калмыковъ тяжелѣе, чѣмъ на русскихъ; послѣдніе пополняли свои убытки богатыми урожаями, первые, наоборотъ, должны были сокращать свои стада, т. е. уменьшать изъ года въ годъ свой капиталъ. Отсюда быстрое обѣдненіе калмыковъ Ставропольской губ., доводившее ихъ до отчаянія и вселявшее имъ иногда неосуществимую въ настоящее время мечту выселенія изъ Россіи.

Нѣсколько разъ въ русской литературѣ поднимался вопросъ, можетъ ли вообще, при современныхъ условіяхъ, существовать на нашей родинѣ обширное скотоводческо-кочевое хозяйство. На этотъ вопросъ чаще всего отвѣчаютъ отрицательно. Разъ границы кочеванія опредѣлены, хотя-бы и очень широко, разъ убытокъ отъ эпизоотій, отъ массовой гибели скота при суровыхъ зимахъ не можетъ пополняться поимкой и прирученіемъ дикихъ животныхъ,—скотоводческое хозяйство осуждено на исчезновеніе, и переходъ кочевника къ осѣдлости дѣлается неизбѣжнымъ. Съ другой стороны, громадныя степныя плодородныя земли не могутъ оставаться безъ обработки только оттого, что онѣ заселены кочевниками, и переходъ степныхъ пространствъ подъ земледѣльческую культуру оказывается желательнымъ въ интересахъ экономическаго строя государства. Если эти положенія справедливы, желательно постепенное пріученіе кочевниковъ къ осѣдлости. Въ отношеніи къ ставропольскимъ калмыкамъ былъ рекомендованъ въ указанныхъ цѣляхъ рядъ средствъ. Но, благодаря дѣятель-

ности низшей администраціи, эти мѣры не приводили ни къ какимъ хорошимъ послѣдствіямъ, и уже, конечно, винить слѣдуетъ не «косность калмыковъ». Авторъ «Быта калмыковъ Ставропольской губ.» приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ полное неумѣнье въ обращеніи съ кочевымъ народомъ, которому трудно перейти къ новой формѣ экономическаго быта; онъ сообщаетъ о массѣ недоразумѣній, возникающихъ благодаря взаимному непониманію между запуганными, растерявшимися среди циркуляровъ «начальствъ» и различныхъ требованій калмыками и между органами администраціи. Послѣдніе не хотятъ вникнуть ближе въ дѣло, а непониманіе калмыковъ, чего отъ нихъ требуютъ, означаютъ «непокорностью» «сопротивленіемъ властямъ», за которыми слѣдуютъ мѣры «пресѣченія» и «предупрежденія», отъ описанія которыхъ подчасъ становится жутко. Плохо вѣрится, что все это дѣлается въ настоящее время въ Европейской Россіи, и можно было бы подчасъ отнестись скептически къ разсказамъ автора, если бы онъ самъ не стоялъ такъ близко къ калмыкамъ и если бы, что особенно прискорбно, подобные факты не находили себѣ грустныхъ аналогій и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, въ которыхъ существуетъ т. н. «инородческій вопросъ». Для сближенія калмыковъ съ русскими ничего не сдѣлано. Школьный вопросъ въ Ставропольской степи поставленъ такъ, что о немъ и говорить нечего. Устроенная школа не приноситъ и не можетъ приносить никакой пользы уже оттого, что она одна, и далѣе—оттого, что въ ней обучается ничтожное число калмыковъ. Причина—не въ избѣжаніи школы калмыками, не въ ихъ «косности и невѣжествѣ», а въ неприспособленности школы къ потребностямъ кочевого быта. Однимъ словомъ, подводя итоги труду Я. П. Дубровы, придется притти къ безотрадному выводу, что калмыки обнищали, что попытки къ улучшенію ихъ быта кончились болѣе или менѣе ничѣмъ, что они запуганы, отстраняются отъ русскихъ, что они загнаны въ невозможныя для кочевого быта участки, что ихъ эксплоатируетъ всякій, кому только не лѣнь, и что горсть калмыковъ, окруженная осѣдлымъ населеніемъ, медленно вымираетъ.

Книга Я. П. Добровы написана очень горячо, даже слишкомъ горячо,—и это ея недостатокъ [1]); но факты, которые обнаруживаетъ авторъ и которые отчасти прошли передъ его глазами, слишкомъ тяжелы и вопіющи, чтобы при описаніи ихъ сохранить полное хладнокровіе, необходимое въ работахъ подобнаго рода. Мы склонны думать, на основаніи другихъ свѣдѣній о калмыкахъ, что авторъ идеализируетъ характеръ и устои калмыковъ Ставропольской губ. Но это—частные недостатки, и непредвзятый читатель легко обойдетъ ихъ. Но «Бытъ калмыковъ», безспорно, большой вкладъ въ нашу литературу объ этой народности; онъ представляетъ видный интересъ для этнографа и поднимаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе не только къ калмыкамъ, но и къ дру-

[1]) Намъ не совсѣмъ понятно, почему Общество Исторіи, Археологіи и Этнографіи, издавая трудъ Я. П. Дубровы, не снабдило его оглавленіемъ; отсутствіе его сильно препятствуетъ пользованію книгой.

гимъ инородцамъ. «Калмыцкій вопросъ» еще не конченъ, и намъ остается только пожелать, чтобы лица, которымъ предстоитъ его рѣшать или проводить въ жизнь рѣшеніе его, познакомились съ трудомъ Я. П. Дубровы: они увидятъ ошибки прошлаго, замѣтятъ язвы настоящаго и уяснятъ себѣ, какъ не слѣдуетъ поступать въ отношеніи къ племени, забота о которомъ ввѣрена ихъ, долженствующей быть просвѣщенной, дѣятельности.

Н. Х.

Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. *Materiały do etnografii słowiańskiej, zgromadzone w latach 1877—1891, przez* **Michała Federowskiego.** *Tom 1. Wiara, wierzenia i przesądy ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. W Krakowie, 1897. Wydawnictwo Komisyi Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie.* Стр. I—XX+1—509.

Этотъ объемистый томъ, какъ видно изъ самого заглавія, содержитъ въ себѣ матеріалы, собранные *Михаиломъ Федеровскимъ* въ окрестностяхъ городовъ Волковыска, Солонима, Соколки и Лиды въ теченіе 15 лѣтъ (съ 1877 по 1891 г.). Здѣсь помѣщена пока только часть матеріаловъ, именно—по духовному быту бѣлоруссовъ: ихъ религіозныя воззрѣнія, вѣрованія и предразсудки; все это въ большой мѣрѣ иллюстрируется подлинными разсказами, легендами и т. п.

Во вступленіи г. Федеровскій указываетъ на скудость въ польской литературѣ этнографическихъ свѣдѣній о Бѣлоруссіи, сравнительно съ русской литературой, а затѣмъ переходитъ къ указаніямъ географическаго размѣщенія бѣлорусскаго племени, дѣля его на двѣ группы: западную и восточную. Территорія, занимаемая западной группой бѣлорусскаго племени, которою онъ именно и занятъ, по указанію автора, немного меньше территоріи восточной группы. «На сѣверѣ поселенія этого народа занимають южный край Виленской губ., на западѣ доходятъ до рѣкъ Бобра и Нѣмана, на югѣ же упираются въ Бѣловѣжскую пущу, а именно достигають линіи, которую можно провести вдоль рѣки Нарева (начиная отъ границы т. н. Конгресувки), а далѣе на востокъ, нѣсколько южнѣе, но параллельно московско-брестскому шоссе, перерѣзывающему южныя части уѣздовъ Слонимскаго, Новогрудскаго и Слуцкаго. Такимъ образомъ западно-бѣлорусское племя граничитъ: на сѣверѣ съ литовцами, а на западѣ съ мазурами, на югѣ же пуща Бѣловѣжская, Ружанская, а также болота и лѣса, покрывая южную часть Слонимскаго уѣзда, отдѣляютъ его поселенія отъ поселеній полѣшуковъ, которые съ этнографической точки зрѣнія должны быть причисляемы къ малорусской вѣтви». Это западно-бѣлорусское племя складывается изъ нѣсколькихъ группъ съ ихъ собственными отличіями; но послѣднія въ цѣломъ производятъ впечатлѣніе скорѣе не отдѣльности, а лишь небольшой особенности, отличающей его отъ народа, живущаго въ собственной Бѣлоруссіи. Окружающая природа была причиной того, что бѣлоруссы, кромѣ общеславянской инертности, отличаются еще удивительной привязанностью къ старинѣ и ея неписанымъ зако-

намъ, касающимся всѣхъ сторонъ ихъ жизни, и ихъ душа представляетъ весьма благодатную почву для языческой традиціи и вѣрованій, идущихъ изъ старины.

Что касается общности въ области вѣрованій и духовнаго творчества, то г. Федеровскій, на основаніи трудовъ другихъ изслѣдователей и своего собственнаго, пришелъ къ заключенію, что, если у бѣлоруссовъ много общихъ чертъ съ литовцами, а еще болѣе съ малоруссами, то болѣе всего ихъ съ сосѣдними мазурами. Въ доказательство своего заключенія изслѣдователь приводитъ тотъ фактъ, что онъ не нашелъ у Войцицкаго, Кольберга, Хелховскаго и другихъ буквально ни одного представленія, которое въ томъ или другомъ видѣ не было бы извѣстно въ многочисленныхъ селахъ, расположенныхъ надъ Нѣманомъ, Свислочью и Шарой. Воззрѣнія бѣлоруссовъ раздѣляетъ и здѣшняя шляхта.

Приступая къ собиранію матеріаловъ для всесторонней монографіи по Литовской Руси, собиратель изучилъ прежде всего языкъ бѣлоруссовъ. Изслѣдованію подверглось *шесть* уѣздовъ: *Пружанскій* (Гродиен. г.) въ окресностяхъ мѣстечка Шерешева и Пружанъ), *Сокольскій* (Гродиен. губ.)—въ окрестностяхъ мѣстечекъ: Одельска, Янова, Корыцина и Суховоли), *Слонимскій* (Гродиен. г.) — въ сѣверо-восточной части, *Лидскій* (Вилен. г.) — въ южной части, въ мѣстности Щучина, Ружанки и Желудка *Новогрудскій* (Минской г.)—въ сѣверо-западной части (окрестности Новогрудка, Молчади, Дворца, Деревни и Здзенцёла), и особенно *Волковыскій* (Гродиен. г.) — почти во всѣхъ мѣстностяхъ, при чемъ больше всего матеріала, и притомъ лучшаго, далъ именно послѣдній уѣздъ. Авторъ записалъ не одну тысячу вѣрованій, представленій, пѣсенъ и т. п. матеріаловъ, которые могутъ, по его мнѣнію, дать вѣрное и полное понятіе о культурѣ наднѣманской Бѣлоруссіи.

Планъ всего предпринятаго изданія и его обоснованія таковы:

1) Весь обзоръ общественной, умственной и экономической жизни народа Литовской Руси будетъ заключенъ въ 10 томахъ.

2) Такъ какъ Литовская Русь не представляетъ настолько сильныхъ отличій, чтобы варіантовъ нельзя было сопоставлять другъ съ другомъ, а уѣзды требовали бы отдѣльныхъ томовъ, то слѣдуетъ раздѣлить содержаніе томовъ (какъ сдѣлалъ Кольбергъ съ Краковскою областью) такъ, чтобы каждый изъ нихъ представлялъ самъ по себѣ законченное цѣлое.

3) Чтобы облегчить сравненіе, слѣдуетъ всѣ варіанты пѣсенъ, представленій, вѣрованій или обычаевъ ставить рядомъ съ обозначеніемъ мѣстностей, изъ которыхъ они происходятъ.

4) Чтобы дать писателямъ и поэтамъ такъ желаемый теперь этическій и эстетическій матеріалъ для обработки, чтобы дать филологу возможность находить характеристическія выраженія и оригинальные техническіе термины, необходимо, по мѣрѣ возможности, держаться предметнаго размѣщенія матеріаловъ.

5) Такъ какъ не малая цѣнность этнографическихъ матеріаловъ заключается въ полной передачѣ выраженій, образовъ и звуковъ, то

слѣдуетъ издавать ихъ возможно точнѣе, пользуясь добавочными фонетическими знаками.

6) Что касается до ударенія, то всѣ слова слѣдуетъ отмѣчать свойственнымъ имъ удареніемъ надъ гласной.

Для объясненія бѣлорусскихъ текстовъ собиратель обѣщаетъ присоединить словарь, дополняющій собой словарь Носовича. Хотя собиратель сознавалъ необходимость при обработкѣ матеріаловъ начать съ быта, обрядовъ и обычаевъ и кончить особенностями языка, но обстоятельства заставили его приготовить раньше матеріалъ, касающійся вѣрованій народа. Для изданнаго тома онъ воспользовался системой, основанной на философской классификаціи, предложенной И. Карловичемъ на съѣздѣ фольклористовъ въ Стокгольмѣ въ 1889 г.

Далѣе авторъ касается языка использованныхъ имъ мѣстностей. 1) Языкъ ихъ является нарѣчіемъ бѣлорусскаго языка, съ которымъ онъ имѣетъ много общихъ чертъ. Въ южной своей части, отъ Бобруйска до первыхъ мазовецкихъ поселеній въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, онъ подвергся малорусскому вліянію, которое, почти не касаясь синтаксиса и выбора словъ, обнаруживается въ исчезновеніи *аканья и яканья* и притомъ обыкновенно только въ первомъ и послѣднемъ слогѣ нѣкоторыхъ выраженій (Свислочскій говоръ). Вліяніе польскаго языка на западно-бѣлорусскій несравненно сильнѣе и имѣетъ мѣсто въ выборѣ словъ синтаксисѣ и огласовкѣ; оно замѣтно во всѣхъ бѣлорусскихъ уѣздахъ Гродненской и Виленской губерній и становится болѣе замѣтнымъ по мѣрѣ приближенія къ границѣ Царства Польскаго. Это вліяніе обнаруживается, вопреки обычному утвержденію, и въ фонетикѣ (здѣсь въ говорѣ Секаловъ и Сакаловъ въ Волковыскомъ уѣздѣ присутствуютъ, какъ и у поляковъ, носовые гласные). Въ Свислочскомъ говорѣ можно услышать *а* ясное, напр.: якъ, Ясюленько. Въ качествѣ наилучшаго доказательства польскаго вліянія на фонетику западно-бѣлорусскаго нарѣчія авторъ выставляетъ переходный бѣлорусско-польскій коронный [2]) говоръ, т. е. mazurzenie (наприм. сто, цеhо, цортъ, доцка или цорка, кацанъ, посŏу, русаць, сценя́, стабинъ и т. п.); этотъ говоръ наблюдается въ пограничныхъ деревняхъ Сокольскаго и Бѣлостокскаго уѣздовъ. Въ Бѣлостокскомъ же уѣздѣ есть, кромѣ переходнаго бѣлорусско-польскаго говора, еще переходный говоръ отъ малорусскаго языка къ западно-бѣлорусскому. Шафарикъ этотъ говоръ неточно называлъ *заблудовскимъ*. Онъ состоитъ въ *дзеканіи* (*дз* вм. *д*: дзерево) и *цеканіи* (вм. *т—ц* съ смягченнымъ *е*: цебе), и начинается отъ м. Шерешева Пружанскаго уѣзда, проходитъ черезъ Бѣловѣжскую пущу и подъ м. Нарвой вступаетъ въ сѣверо-восточный клинъ Бѣльскаго уѣзда (Гродненск. г.), отсюда въ Бѣлостокскій, гдѣ проходитъ узкой полосой черезъ средину уѣзда (на Заблу-

[1]) Данными этого сборника пользовался *А. И. Соболевскій* въ своемъ „*Опытъ русской діалектологіи*". *Вып. I, Нарѣчія великорусское и бѣлорусское*". *Спб. 1897 г.*, ср. примѣч. на стр. 99-ой.

[2]) Жители Сокольскаго уѣзда называютъ *Короной* околицы, лежащія за р. Бобромъ.

довъ и Васильковъ) и входитъ подъ Черновѣжской пущей въ Сокольскій уѣздъ, гдѣ слышится въ 5 деревняхъ Коритинскаго прихода; этотъ говоръ собиратель предлагаетъ назвать *шерешовскимъ*. Не касаясь вліянія польскаго языка на зап.-бѣлор. нарѣчіе въ синтаксическомъ и лексикологическомъ отношеніяхъ, авторъ отлагаетъ этотъ вопросъ до того времени, пока не наступитъ очередь детальной обработки обширнаго его діалектологическаго матеріала.

Передъ изложеніемъ матеріала помѣщенъ также «Библіографическій списокъ трудовъ, относящихся къ бѣлорусской миѳологіи» въ хронологическомъ порядкѣ за время 1816 — 1896 гг. Указанный списокъ можно было бы пополнить, воспользовавшись, напр., указателями къ «Этнографическому Обозрѣнію» (s. v. бѣлоруссы).

Изданный I-ый томъ г. Федеровскаго состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть заключаетъ въ себѣ религіозныя вѣрованія: божества (Богъ и святые) и демоны (дьяволъ, духи, привидѣнія, люди, имѣющіе связь съ духами, существа миѳическія, существа въ человѣческомъ образѣ). Вторая часть—представленія о мірѣ и человѣкѣ: видимый міръ надземный, міръ, окружающій человѣка (явленія воздушныя, земля, камни, растенія, животныя; человѣкъ (понятіе о человѣкѣ, представленія о народахъ и пр.). Третья часть трактуетъ о народной этикѣ, культѣ, обычаяхъ (родственные, товарищескіе и судебные), занятіяхъ (охота, рыболовство, пастушество, земледѣліе, огородничество, женское хозяйство, врачеваніе, ветеринарія, лѣкарства).—Къ книгѣ приложены: «указатель лѣчебныхъ растеній» и алфавитный предметный указатель.

Въ вышедшемъ томѣ издано всего 2827 номеровъ разнаго рода записей. Собранный и изданный въ системѣ матеріалъ представляетъ несомнѣнно большой вкладъ въ этнографію бѣлорусскаго народа. Среди этого богатаго матеріала найдется, конечно, не мало параллелей къ извѣстному уже въ печати. Не беря на себя кропотливой работы указать эти параллели, я замѣчу только кое-что мимоходомъ, что припомнилось при бѣгломъ просмотрѣ сборника. Такъ, напр., № 8 (обѣщаніе друзей явиться послѣ смерти оставшемуся въ живыхъ) представляетъ разсказъ сходный съ тѣмъ, что читаемъ въ книгѣ о жизни за гробомъ монаха Митрофана; для 113 № (о бабѣ-повитухѣ, приглашенной къ родильницѣ-чертовкѣ) есть параллель и въ Этногр. Обозрѣніи (XXVIII, 100), и въ сказкахъ Афанасьева, а мнѣ пришлось записать въ г. Онегѣ подобную бывальщину; № 196—на тему о женихѣ-мертвецѣ, изслѣдованную Созоновичемъ; № 354—варіантъ на тему встрѣчи Одиссея съ циклопомъ, извѣстную по различнымъ сказкамъ. И многое множество другихъ. Вообще во многихъ отношеніяхъ трудъ г. Федеровскаго можетъ считаться капитальнымъ пріобрѣтеніемъ для этнографія Россіи.

А. Д. Григорьевъ.

Записки Западно - Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества. № XXV. *Омскъ. 1898.*

Всѣ три статьи, составляющія содержаніе № 25 «Записокъ Зап.-

Сибирскаго Отдѣла», представляютъ большой интересъ для этнографовъ. *Е. Шмурло*, въ статьѣ «Русскія поселенія за южнымъ Алтайскимъ хребтомъ», даетъ очеркъ движенія русскихъ самовольныхъ поселенцевъ въ Бухтарминскій край, а впослѣдствіи на Кабу. Послѣднимъ названіемъ означаютъ не одну рѣку, а цѣлую систему ихъ, впадающихъ самостоятельно или въ качествѣ притоковъ другихъ «Кабъ» въ Черный Иртышъ (Акъ-Каба, Нарымъ-Каба, Кара-Каба, Джаманъ-Каба, Арасанъ-Каба). Это движеніе совершенно народное, начавшееся еще, какъ извѣстно, въ прошломъ столѣтіи въ Бухтарминскій край, не пришло къ концу и въ настоящее время. Г. Шмурло, основываясь на архивныхъ данныхъ и личныхъ разспросахъ, приводитъ не мало примѣровъ трудностей, которыя предстояло побороть русскимъ искателямъ новыхъ мѣстъ, искавшимъ легендарное «Бѣловодье», несмотря на противодѣйствіе представителей мѣстной администраціи. «Бѣловодье»—эльдорадо русскихъ искателей на Алтаѣ—перемѣщалось по мѣрѣ движенія все дальше въ невѣдомые края, такъ какъ нигдѣ они не находили осуществленія своихъ надеждъ. На новыхъ мѣстахъ ихъ ожидало разочарованье, борьба съ суровой природой, съ безчисленными лишеніями, съ властями, наконецъ съ бродячими шайками урянхайцевъ, киргизовъ или калмыковъ. Г. Шмурло въ яркихъ чертахъ набрасываетъ картину исторіи заселенія Бухтармы и Кабы и затѣмъ переходитъ къ описанію мѣстности, условій жизни и хозяйственной дѣятельности русскихъ поселенцевъ на Кабѣ. Авторъ—одинъ изъ немногихъ, кому удалось посѣтить лично эту мѣстность. Несмотря на благопріятныя сравнительно условія, жизнь дается здѣсь поселенцу не легко: ему приходится расчищать землю подъ пашню, и хотя урожаи и хороши, но вопросъ не рѣшенъ, долго ли земля сохранитъ свои качества. Кромѣ хлѣбопашества, поселенецъ занимается скотоводствомъ, чему способствуютъ обильныя травы, звѣроловствомъ, разведеніемъ мараловъ, отчасти пчеловодствомъ и рыболовствомъ. Г. Шмурло дѣлаетъ и прекрасную характеристику населенія: оно представляетъ мощный, подвижный, энергичный типъ смѣлаго и трезваго человѣка; кабинцу часто приходится вступать въ борьбу съ киргизами, и борьба эта напоминаетъ борьбу съ кочевниками нашихъ степныхъ казаковъ XVI и XVII вв.; несмотря на эту борьбу, принимающую подчасъ грубыя, тяжелыя формы, кабинецъ, по словамъ автора, человѣкъ мирный и, если это возможно, самъ идетъ навстрѣчу мѣрамъ къ мирному урегулированію мирныхъ отношеній съ сосѣдями. Какъ быстро выростали кабинскіе поселки и сколько превратностей они претерпѣвали, можно видѣть изъ таблицъ, представленныхъ г. Шмурло: такъ, напр., въ с. Тюсь-Каинъ первые поселенцы появились въ 1883 г., въ 1888 г. оно насчитывало уже 60 семействъ, въ 1890 г. селеніе пустѣетъ, и въ немъ никого не остается, въ 1896 г. въ немъ снова оказывается 17 семействъ; с. Чанагаты начало заселяться съ 1889 г., къ 1896 г. въ немъ уже 45 семействъ; с. Балыкъ-Булакъ еще въ 1892 г. насчитывало всего 2 семьи, а въ 1896 г. въ немъ было уже 46 семействъ. Остается пожелать, чтобы жизнь и бытъ этихъ первыхъ піонеровъ русской колонизаціи подвергались дальнѣйшему изученію: оно

представляетъ значительный этнографическій интересъ. Элементы населенія—самые пестрые, но объединенные новой родиной, необходимостью жить совмѣстно и бороться за свое существованіе; это населеніе должно выработать цѣлый рядъ устоевъ, всестороннее изслѣдованіе которыхъ можетъ открыть новыя точки зрѣнія для объясненія иныхъ нормъ жизни русскаго крестьянства.

Слѣдующая статья принадлежитъ *г-жѣ М. Швецовой*: «Изъ поѣздки въ Риддерскій край»—мѣстность, по притокамъ Иртыша—Убѣ и Ульбѣ; ихъ долины вдаются съ юго-запада въ Алтайскія горы. Риддерская волость образовалась въ концѣ прошлаго вѣка изъ заводскихъ крестьянъ различныхъ селеній Алтайскаго округа. Г-жа М. Швецова описываетъ печальное прошлое алтайскихъ горныхъ рабочихъ, видоизмѣнившееся къ лучшему лишь послѣ 1861 г., когда они были объявлены свободными. Но прошлое не успѣло еще изгладиться, и авторъ отмѣчаетъ въ населеніи черты нравовъ, сохранившіяся въ качествѣ наслѣдія грустнаго прошлаго. Г-жа М. Швецова сообщаетъ нѣкоторыя общія этнографическія свѣдѣнія о современномъ бытѣ риддерцевъ, объ отношеніяхъ молодежи другъ къ другу, о положеніи замужней женщины, отношеніяхъ родителей и дѣтей и пр. Картина, которую даетъ авторъ, въ общемъ грустная: грубость нравовъ, жестокость, даже преступленія не составляютъ рѣдкости въ бытѣ риддерцевъ. Далѣе авторъ сообщаетъ интересныя данныя о свадебномъ ритуалѣ, который записанъ довольно подробно съ приложеніемъ пѣсенъ; въ «приложеніи» къ статьѣ помѣщено нѣсколько пѣсенъ (уличныхъ 4 №№ и свадебныхъ 17 №№).

Наконецъ 3-я статья, *г. С Швецова*, посвящена алтайскимъ инородцамъ: «Обычно-правовыя отношенія алтайцевъ (калмыкъ) и киргизъ. Брачныя и семейныя отношенія». Мы не признали бы удачнымъ пріемъ, принятый авторомъ, сравненія нормъ брака алтайцевъ и киргизовъ, тѣмъ болѣе, что о послѣднихъ онъ сообщаетъ по литературнымъ источникамъ и далеко не съ достаточной полнотой. Но данныя, касающіяся алтайскихъ тюрковъ, чрезвычайно интересны, несмотря на ихъ краткость. Вмѣстѣ со статьей г-жи М. Швецовой, помѣщенной въ томъ же изданіи (№ 23) о бытѣ алтайцевъ (см. нашъ отчетъ въ Этногр. Обозр., XLII, 192—3), мы имѣемъ въ трудахъ гг. Швецовыхъ новую и интересную работу объ инородческомъ населеніи Алтая. Г. Швецовъ констатируетъ сравнительную крѣпость родовыхъ устоевъ у изслѣдованныхъ имъ инородцевъ, описываетъ представленія о родствѣ приводитъ въ извѣстность степень распространенія полигаміи и главнымъ образомъ открываетъ въ брачныхъ и семейныхъ отношеніяхъ цѣлый рядъ слѣдовъ древняго общественнаго строя (ранніе браки, слѣды бывшаго снохачества, выражающіеся въ рядѣ мѣръ, имѣющихъ значеніе т. н. «половой предосторожности», левиратъ, усыновленіе только родичей, снисходительное отношеніе къ внѣ-брачнымъ узамъ молодежи и пр.). Съ объясненіемъ г. Швецова нѣкоторыхъ чертъ древняго быта у современныхъ алтайскихъ инородцевъ мы не соглашаемся, но въ этихъ случаяхъ важно уже установленіе самаго факта существованія этихъ и аналогич-

ныхъ слѣдовъ древняго строя. Въ этомъ отношеніи алтайскіе тюрки еще мало изслѣдованы, и работа г. Швецова, интересная сама по себѣ, служитъ доказательствомъ значенія для этнографіи дальнѣйшихъ изслѣдованій юридическаго быта алтайскихъ инородцевъ.

Н. Х.

Памятная Книжка Семипалатинской области на 1899 г. *Изд. Семипалатинскаго Обл. Статистическаго Комитета. 1899. 8⁰, стр. 56+128+33+42.*

Семипалатинскій Статистическій Комитетъ, издавая ежегодно Памятныя Книжки, стремится содѣйствовать изученію «мѣстныхъ» вопросовъ. Двумъ изъ весьма важныхъ «мѣстныхъ» вопросовъ посвящены въ Книжкѣ 1899 г. статьи 1) *Н. Коншина*: *Переселенческіе поселки въ Устькаменогорскомъ у.* и 2) *Вл. фон-Герна: Изъ записной книжки (а. Характеръ и нравы киргизовъ-казаковъ*; *б. Скотоводство у киргизовъ)*. Въ жизни Семипалатинской области, занятой кочевьями киргизовъ, произошелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ крупный по своимъ будущимъ послѣдствіямъ фактъ: въ нее была направлена русская колонизація. Осѣдлый земледѣльческій элементъ долженъ былъ столкнуться съ кочевьемъ, и если притокъ переселенцевъ будетъ продолжаться, совмѣстное существованіе двухъ противоположныхъ другъ другу по хозяйственному строю элементовъ не можетъ не вызвать и взаимнаго вліянія народностей. Въ настоящій моментъ мы присутствуемъ при зачаткахъ этого процесса. Русскія поселенія устроились лишь очень недавно, въ 90-хъ годахъ, и посѣтившій ихъ г. Коншинъ сообщаетъ о нихъ весьма интересныя свѣдѣнія. Онъ описываетъ самымъ обстоятельнымъ образомъ исторію возникновенія каждаго изъ посѣщенныхъ имъ поселковъ (Георгіевскій, Александровскій, Маріинскій, Николаевскій, Михаило-архангельскій и урочища Карашъ и Чубаръ-Каинъ); онъ останавливается на трудностяхъ, которыя приходилось преодолѣвать первымъ поселенцамъ, на составѣ населенія, сошедшагося изъ самыхъ различныхъ губерній, и подробно описываетъ современное экономическое положеніе поселенцевъ въ каждомъ изъ поименованныхъ селеній. Нѣкоторыя развиваются, нѣкоторыя находятся еще въ зачаточномъ состояніи и упорно ведутъ борьбу съ чуждыми условіями климата и мѣстности.

Начатая колонизація края, вѣроятно, будетъ продолжаться. Современные «новоселы» постепенно перейдутъ въ разрядъ «старожиловъ»; они утратятъ свои особенности быта, принесенныя съ родины, и представятъ въ недалекомъ будущемъ однородный элементъ, приспособившійся къ мѣстнымъ условіямъ. Тѣмъ интереснѣе отмѣтить моментъ, который въ настоящее время переживаетъ населеніе новыхъ поселковъ: съ этой точки зрѣнія статья г. Коншина, посвященная въ значительной степени изученію экономическаго быта населенія, представляетъ интересъ и для этнографа.

Совершенно иное значеніе имѣетъ статья *Вл. фонъ-Герна*. Она посвящена характеристикѣ туземнаго населенія и изслѣдованію одного

изъ важнѣйшихъ «степныхъ» вопросовъ: скотоводству киргизовъ, равно и измѣненіямъ, внесеннымъ вліяніемъ русскихъ на бытъ этого скотоводческаго народа. Авторъ останавливается на характеристикѣ киргизовъ и отмѣчаетъ симпатичныя черты ихъ. Но этотъ простой, честный, хотя и легкомысленный типъ киргиза можно встрѣтить только вдали отъ городовъ и крупныхъ мѣстныхъ центровъ. Послѣдніе оказываютъ на степняка-кочевника развращающее вліяніе; онъ сталкивается преимущественно съ элементомъ нравственно низкопробнымъ и поддается ему: это, съ одной стороны, казаки—жители станицъ, и главнымъ образомъ татары; послѣдніе, преимущественно торгаши, стремятся экономически закабалить киргизовъ и кромѣ того вносятъ религіозный фанатизмъ, чуждый киргизамъ. Такъ, напр., татарскія духовныя лица уничтожили прежнее значеніе присяги, къ которой киргизы прибѣгали недавно еще только въ крайнихъ случаяхъ и которая служила наиболѣе вѣрнымъ судебнымъ доказательствомъ. Татарскіе муллы убѣдили степняковъ, что въ отношеніи къ «невѣрнымъ» вполнѣ допустима и лжеприсяга. Въ настоящее время охотниковъ принять лжеприсягу въ степи такъ много, что къ ней судебныя инстанціи избѣгаютъ прибѣгать. Родовой бытъ киргизовъ и вытекающая изъ него солидарность родичей при уплатѣ долговъ гарантировали торговцевъ въ ихъ сношеніяхъ съ киргизами. За неаккуратнаго должника отвѣчалъ его родъ. Не трудно представить, какъ пользовались этимъ татарскіе и русскіе торговцы для закабаленія степняковъ. Этимъ хищническимъ инстинктамъ былъ положенъ предѣлъ отчасти временнымъ обѣдненіемъ киргизовъ вслѣдствіе падежей скота, благодаря чему торговцы, привыкшіе получать баснословные проценты, сократили свои обороты, отчасти тѣмъ, что пригородные киргизы научились обращаться съ векселями, взысканіе по которымъ не падаетъ на родичей должника; между тѣмъ именно векселя, которые легкомысленные киргизы давали торговцамъ и ростовщикамъ за займы подъ громадные проценты, и служили наиболѣе вѣрнымъ средствомъ къ закабаленію цѣлыхъ родовъ. Если въ этомъ отношеніи ознакомленіе съ русскими законами принесло нѣкоторую пользу киргизамъ, то въ другомъ отношеніи оно принесло имъ вредъ: оно развило въ нихъ любовь къ кляузничеству: отставные писаря, толмачи, чиновники охотно пишутъ за вознагражденіе всевозможныя жалобы, которыя киргизъ на судѣ проигрываетъ, истративъ подчасъ крупную сумму на плату своимъ руководителямъ. Особенно важной оказывается роль переводчика, который, при незнакомствѣ представителей мѣстной администраціи съ киргизскимъ, а киргизовъ—съ русскимъ языкомъ, могъ сообщать совершенно произвольныя вещи. Впрочемъ пригородные киргизы уже настолько владѣютъ русскимъ языкомъ, что обходятся безъ переводчика. Масса недоразумѣній, проистекающихъ изъ взаимнаго непониманія, наглядно свидѣтельствуетъ о желательности распространенія русскаго языка среди киргизовъ и о необходимости для мѣстныхъ дѣятелей, имѣющихъ непосредственныя сношенія съ населеніемъ, знанія мѣстныхъ нарѣчій.

Во второй части своей статьи авторъ сообщаетъ о скотоводствѣ у

киргизовъ: онъ касается преимущественно вопросовъ объ уходѣ за скотомъ, о разводимыхъ породахъ, сохраненіи скота въ теченіе зимняго времени, запасахъ сѣна, пріема пастьбы и пр. Далѣе В. Ф.-Гернъ сообщаетъ подробно о неудачѣ, постигшей попытки введенія русской овцы къ киргизамъ. Несмотря на то, что по своей плодовитости русская овца имѣетъ преимущество передъ киргизской, но ея меньшая выносливость, отсутствіе курдюка и пр. заставляютъ киргизовъ предпочитать свою, степную породу овецъ; не рѣшаясь выступить противъ предложенія администраціи, киргизы купили русскихъ овецъ и затѣмъ уничтожили ихъ, свалив вину на волковъ. Авторъ не видитъ признаковъ обѣдненія киргизовъ: несчастные годы, по его словамъ, случаются рѣдко; въ нормальное время эпизоотія и суровыя зимы задѣваютъ своими дурными послѣдствіями лишь отдѣльныхъ домохозяевъ. Убыль скота при «несчастныхъ годахъ» вскорѣ восполняется. Но, думается намъ, авторъ въ этомъ вопросѣ оказывается оптимистомъ, если, конечно, онъ имѣетъ въ виду все кочевое населеніе области, взятое въ цѣломъ.

Мы позволимъ себѣ закончить нашу замѣтку словами редактора «Памятной книжки», къ которымъ мы искренне присоединяемся: «Комитетъ работаетъ надъ изученіемъ мѣстныхъ вопросовъ. Разработка всякаго вопроса требуетъ... основательнаго знакомства съ литературой предмета. Между тѣмъ во всей Семипалатинской области нѣтъ ни одного ученаго общества, ни одной спеціальной библіотеки, гдѣ можно было бы достать хотя самыя основныя пособія по разнымъ отдѣламъ географіи и общественныхъ наукъ». Комитетъ не въ состояніи собственными силами исправить этотъ пробѣлъ, хотя онъ и приступилъ уже къ составленію своей библіотеки; онъ вынужденъ «обратиться ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, кому дорого дѣло изученія нашихъ окраинъ, съ просьбой о присылкѣ въ Комитетъ своихъ сочиненій и изданій». Мы хотѣли бы надѣяться, что просьба Комитета найдетъ себѣ широкій откликъ, и что завѣтная мечта устройства необходимой для дальнѣйшей серьезной работы библіотеки осуществится.

Н. Х.

Н. Н. Харузинъ. Очерки первобытнаго права. I (Семья и родъ). Москва 1898 г. *Изданіе книжнаго магазина Гросманъ и Кнебель. («Вопросы науки, искусства, литературы и жизни». № 14). 178 стр. ц. 60 к.*

На русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, существуетъ довольно обширная литература по исторіи семьи, но особенностью этой литературы является то, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ авторы ставятъ себѣ задачей самостоятельное рѣшеніе вопроса и изложеніе своихъ личныхъ взглядовъ на исторію семьи. Благодаря этому при всей общедоступности своего изложенія большинство книгъ, посвященныхъ данному предмету, не удовлетворяютъ цѣлямъ популяризаціи. Съ одной стороны, въ нихъ часто встрѣчаются очень произвольныя утвержденія, съ другой—авторы, обосновывая свои собственныя теоріи, сосредоточиваютъ свое вниманіе на тѣхъ

сторонахъ вопроса, въ изученіе которыхъ они вносятъ что-либо новое. Отсюда получается непропорціональность частей; болѣе важные моменты иногда затрогиваются вскользь, но зато отводится много мѣста сравнительно второстепеннымъ частностямъ. Г. Харузинъ не задается цѣлью создать новую теорію по исторіи семьи, и его книжка представляетъ изъ себя одну изъ немногихъ попытокъ подвести итоги тому, что уже сдѣлано по данному вопросу, и представить ихъ въ общедоступномъ изложеніи. Конечно, и тутъ нельзя обойтись безъ нѣкоторой произвольности; разнообразіе теорій по исторіи семьи настолько велико, что свести ихъ въ одно цѣлое—невыполнимая задача, и приходится, руководствуясь личными взглядами, отдавать предпочтеніе однимъ направленіямъ передъ другими и быть не только излагателемъ, но и критикомъ. Подобную критическую работу г. Харузинъ выполнилъ довольно удачно; уклоняясь отъ крайнихъ рѣшеній, онъ старается занять промежуточное, насколько это возможно, положеніе среди различныхъ спорящихъ теорій и въ большинствѣ случаевъ придерживается такихъ взглядовъ, которые имѣютъ за собой не малое число сторонниковъ. Мы не сомнѣваемся, что, возьмись за подобную работу другой авторъ, онъ легко могъ бы произвести нѣсколько иной выборъ и дать иную схему развитія семьи, но это вина не г. Харузина, а современнаго положенія даннаго вопроса въ наукѣ.

Къ сожалѣнію, авторъ едва ли поступилъ удачно, иллюстрируя и доказывая свои положенія фактами, заимствованными исключительно изъ жизни славянскихъ племенъ и русскихъ инородцевъ. Caeteris paribus такіе факты для насъ, конечно, предпочтительнѣе, чѣмъ факты австралійской, бушменской и т. п. жизни, но главное условіе, которому должны удовлетворять фактическія указанія, это ихъ доказательность и типичность, а этого-то условія авторъ не соблюдаетъ. Даже самые отсталые изъ русскихъ инородцевъ далеко уже ушли по пути развитія и, если и сохранили остатки болѣе раннихъ состояній (материнскаго рода и т. д.), то лишь въ видѣ смутныхъ и неопредѣленныхъ переживаній. Оперируя только надъ такими переживаніями, авторъ даетъ своимъ читателямъ недостаточное понятіе о доказательности нѣкоторыхъ положеній, раздѣляемыхъ имъ самимъ, и очень возможно, что иной читатель, не будучи знакомъ съ другими работами по данному вопросу, прямо усомнится въ существованіи материнскаго права и другихъ болѣе раннихъ институтовъ. Да и самъ почтенный авторъ, вѣроятно, нестанетъ отрицать того, что только знакомство съ материнскимъ правомъ у такихъ народовъ, гдѣ оно до сихъ поръ сохранилось въ полной жизненной силѣ, даетъ намъ возможность правильно истолковывать его переживанія; не будь этого знакомства, мы никоимъ образомъ не могли бы по однимъ переживаніямъ угадать, остаткомъ чего именно являются эти переживанія, и не составили бы себѣ даже приблизительнаго представленія о материнскомъ правѣ. Наконецъ, если читатель даже согласится съ аргументаціей автора, ему все-таки будетъ не доставать отчетливаго пониманія болѣе раннихъ эпохъ. Допустимъ, напримѣръ, что у вотяковъ дѣйствительно существовала нѣкогда поліандрія (стр. 140—141); но развѣ

сохранившіеся тамъ слѣды ея, могутъ дать какое-нибудь представленіе о поліандріи, какъ жизненномъ явленіи? Конечно, нѣтъ, и можно сказать, что и другія приводимыя авторомъ переживанія раннихъ эпохъ, по своей отрывочности и смутности едва ли выяснятъ читателю, характеръ материнскаго права, поліандріи, и другихъ первобытныхъ институтовъ. Изъ мелкихъ недосмотровъ отмѣтимъ мимоходомъ, что братъ по-гиляцки будетъ не «руер» (стр. 121), а «руф», какъ было указано въ Этногр. Обозр. (кн. XXI, стр. 244).

А. Максимовъ.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Анучинъ, Д. Н. Къ исторіи искусства и вѣрованій у Приуральской Чуди. Чудскія изображенія летящихъ птицъ и миѳическихъ крылатыхъ существъ. Съ 3-мя фототип. таблицами и 129-ю рис. (изъ «Матеріаловъ по археологіи восточн. губерній», изд. И. Моск. Арх. Общ., т. III.). Москва, 1898, 4°.

Анучинъ, Д. Н. А. С. Пушкинъ. Антропологическій эскизъ. (Съ очеркомъ «Пушкинской Африки»—Абиссиніи: природа, люди, ихъ типы, нравы, духовный обликъ, народная поэзія). Москва 1899. (Изъ «Русс. Вѣдом.» №№ 99, 106, 114, 120, 127, 134, 143, 163, 172, 180, 193, 209).

Архангельскій, А. С. Къ исторіи южно-славянской и древне-русской апокрифической литературы. Два любопытныхъ сборника Софійской народной библіотеки въ Болгаріи. Описаніе рукописей и тексты. Спб. 1899.

Батюшковъ, Ѳ. Д. Критическіе очерки и замѣтки. СПБ. 1900 г.

Беттани и Дугласъ. Великія религіи Востока. Переводъ съ англійскаго Л. Б. Хавкиной. Москва. 1899.

Божеяриновъ, И. Искусство и культура. Этюдъ для художниковъ. Вып. I. СПБ. 1900.

Вопросы современности. *В. Кеннингамъ.* Основныя черты современной цивилизаціи. *П. Леруа-Больё.* Великая Сибирская желѣзная дорога. Изданіе В. Н. Головкина. Харьковъ. 1899.

Г. Р. Разсказы о Польшѣ и Полякахъ. Съ 31 рисункомъ. Москва. 1899.

Гликинъ, С. Къ вопросу о происхожденіи права. (Всеобщая Библіотека). Кіевъ. 1898.

Горленко, В. П. Украинскія были. Описанія и замѣтки. Кіевъ. 1899.

Деберль, Альфр. Исторія Южной Америки отъ завоеванія до нашего времени. Переводъ съ 3-го изданія испр. и доп. профессоромъ Альб. Милье. Съ картой Южной Америки. СПБ. 1899.

Извѣстія XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ 1—20 Авг. 1899 г. №№ 1—14. Кіевъ. 1899. 8° 231 стр.

Колокольникова, В. Небесная имперія. Китай. Изданіе А. Я. Панафидина. Москва. 1898.

Крымскій, А. Мусульманство и его будущность. Изд. магазина «Книжное Дѣло». Москва. 1899.

Лѣтопись (Археологическая) Южной Россіи 1899 г. Составлена подъ редак. Н. Ф. Бѣляшевскаго. Т. I. (изъ «Кіевской Старины» за 1899 г.) Кіевъ. 1899.

Максимовъ, С. Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева. Нечистая сила. Отвѣты на вопросы програмиы подъ №№ 192—202 и 204. Съ предисловіемъ кн. В. Н. Тенишева. СПБ. 1899.

Никифоровскій, Н. Я. Странички изъ недавней старины города Витебска. Съ планомъ города, древнимъ чертежомъ замка и 8-ю отдѣльными видами. Юбилейное изданіе. Витебскъ. 1899 г.

Никольскій, Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое изслѣдованіе. Диссертація. СПБ. 1899.

Перетцъ, В. Н. Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв. СПБ. 1899.

Площанскій, В. М. Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII вв. и другимъ источникамъ. Духовенство. А. Холмская епархія православной и Б. уніатской церкви. 1. 1428—1630. Вильна. 1899.

Познанскій, Бор. «Попокъ». Повѣсть изъ быта донскихъ малоросовъ. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ. 1899.

Програмиы домашняго чтенія на 4-й годъ систематическаго курса. Москва, 1900, ц. 60 к. (Ч. II-я содержитъ програмиу чтенія по этнографіи: а) Славянскія народности. б) Литовцы и Латыши, в) Семитическіе народы. г) Румыны, Молдаване, Цыгане).

Ранке, І. Человѣкъ. Серія сочиненій по естествознанію. Переводъ съ нѣм. д-ра М. Е. Ліона и д-ра А. А. Синявскаго. Книго-издательство Т-ва «Просвѣщеніе». СПБ. 1897—99.

Рисъ-Девидсъ. Будиззмъ. Переводъ профес. С. Ф. Ольденбургъ. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1899.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ ред. В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Т. I. Московская промышленная область и верхнее поволжье. Спб. 1899.

Русовъ, А. А. Описаніе Черниговской губерніи. Составлено по порученію губерн. земства. Изданіе редак. Земск. Сборника Черниговъ. губер. Томъ 1-й. Черниговъ. 1898.

Сборникъ матеріаловъ по мусульманству. Составленъ по распоряженію и указаніямъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора С. М. Духовского, подъ ред. поруч. В. И. Ярового-Равскаго. СПБ. 1899.

Симони, П. К. Матеріалы для исторіи старинной русской лексикографіи. Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII ст. (Устюга В. и Вятской провинціи). Изъ «Живой Старины». 1898, III и IV. Спб. 1899.

Симони, П. К. Русскій языкъ въ его нарѣчіяхъ и говорахъ. 1. Великорусское нарѣчіе. Выпуска I, часть I. СПБ. 1899.

Симони, Пав. Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. Вып. первый, съ прилож. XIII табл. снимковъ съ рукописей. Изд. Отдѣленія русс. яз. и слов. И. Ак. Наукъ. СПБ. 1899.

Сорока, А. И. Сборникъ разсказовъ и статей изъ народнаго быта. Варшава. 1899 г. 8°.

Труды Антропологическаго Отдѣла И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этнографіи, т. XIX. Подъ ред. Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва. 1899. Ц. 3 р.

Труды Этнографическаго Отдѣла Имп. Общ. Любит. Естествозн., Антр. и Этнографіи т. XIV. Подъ ред. Н. А. Янчука (заключаетъ въ себѣ «*Юбилейный Сборникъ*» въ честь *Вс. Ѳед. Миллера*, изд. его учениками и почитателями къ 30-лѣтію его ученой дѣятельности. Съ портретомъ). Ц. 3 р.

Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. IV. Оренбургъ. 1899.

Уссингъ, Ж. Воспитаніе и обученіе у грековъ и римлянъ. Переводъ съ нѣм. Н. М. Федоровой, изд. И. И. Иванова. СПБ. 1899.

Шантепи-де-ля Соссей. Иллюстрированная исторія религій, т. I и II. Переводъ съ послѣд. нѣмецкаго изд. подъ ред. В. Н. Линдъ. Москва, 1898. Приложеніе: Библіографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ по исторіи религій, просмотрѣнный С. Н. Трубецкимъ.

Шахматовъ, А. А. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей. СПБ. 1899. (Изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1899, апрѣль).

Шахматовъ, А. А. Къ вопросу о происхожденіи хронографа. СПБ. 1899.

Шульцъ, Готтлобъ. Психическая антропологія или опытное ученіе о жизни человѣка по духовной его сторонѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго свящ. Ѳеодоръ Сидонскій. СПБ. 1894.

Fontane, Marius. Histoire universelle. Mahomet (de 395 à 632 ap. J. Ch.). Paris. 1898.

Gandolphe, Maurice. La vie et l'art des Scandinaves, avec une lettre de M. Gaston Paris. Paris. 1899.

Gould, F. S. A concise history of religion. (Отзывъ былъ въ «Мірѣ Божіемъ». 1898, кн. XII, отд. II, 110).

Groos. Karl. von. Die Spiele der Menschen. Iena. 1899.

Legras, Jules, En Sibérie. Ouvrage accompagné d'une carte hors texte et de gravures d'après des photographies de l'auteur. Paris. 1899.

Ołtuszewski, W. Psychologia oraz filozofia mowy. Z drzeworytami w tekscie. Warszawa. 1899.

Газеты и Журналы.

Иверія. **1899, 25.** Къ столѣтію вступленія русскихъ войскъ въ Грузію.— **1900, 3.** Первая грузинская газета—**30.** Вниманію лицъ, записывающихъ мотивы народныхъ пѣсенъ.

Кавказское Сельское Хозяйство **1899, 210.** Къ переселенческому вопросу. **708, 310.** Съѣздъ виноградовладѣльцевъ и винодѣловъ въ Телавѣ. *Надикврели* **308.** Къ вопросу о доходности виноградарства.

Кавказъ. **1899, 309.** Вниманію съѣзда виноградарей и винодѣловъ Кахетіи. *А. Натроева.*—**340.** Библ. Л. С. Исарловъ: Письма о Грузіи. *А. Хах—ова.*— **1900, 33.** Святой Георгій и три брата (осетинская легенда). *Г. Баранова.*— **5.** Землетрясеніе въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ.—**34.** Персидскій походъ при Петрѣ Великомъ.

Казбекъ. **1899, 618.** Осетинскія легенды и повѣрья. Св. Черный Всадникъ. **632.** Лисица и перепелка (осетинская сказка). **629, 630, 632, 633.** Обычное земельное право осетинъ Терской обл

Квали. **1900, 3.** Дѣятельность литературная и публицистическая покойнаго Г. Е. Церетели.—Н. Рѣчи, посвященныя памяти Г. Е. Церетели.

Московскія Вѣдомости **1899.—296.** Изъ научнаго міра Вновь открытый греческій городъ (Пріене). **335.** Библіографія: *А. И.* Этнографическое Обозрѣніе. Кн. XL—XLI, (весьма благопріятный отзывъ). **342.** Загран. жизнь. Открытіе древняго театра въ Парижѣ („Petit Temps"). **346.** Смѣсь. Воплощеніе Вишну („Madras Times"). **354.** Оригинальные обычаи (свадебные обряды и судъ погруженіемъ въ воду на Филиппинскихъ островахъ. „Forum").

1900. 1. Изъ научнаго міра. Іероглифическая надпись (о докладѣ Масперо въ Académie des Inscriptions et des Belles Lettres).—Древесный листъ—прорицатель будущности. **6.** *Я—цъ.* Вѣрованія нашихъ родственниковъ (?). (Демонологія гуцуловъ, по книгѣ Кайндля и его статьямъ въ журналѣ „Globus").

Православный Благовѣстникъ **1899. 6, 8.** *К. Д. Носиловъ.* Вогулы, ихъ жизнь, обычаи и вѣрованія (прод.).—**6** *Іер. Діонисій.* Зіинъ (башкирскій праздникъ, у татаръ джіинъ).--Изв. и зам. 1) Оленные чукчи Колымскаго края (сообще-

ніе г. Богораза въ И. Р. Геогра. Обществѣ).—2) Священный зубъ Будды.—3) Самосожженіе буддистовъ. 7—11. *В. Зорнинъ*. Зависимость Корана отъ христіанства. 7. *I. М. П.* Типы бурятъ. Бартаняха.—Отчетъ Вятскаго Комитета, Миссіонерскаго общества за 1897 г. (кое-что о религіи черемисъ, вотяковъ, татаръ), 8. *I. М. П.* Типы бурятъ. Культурный бурятъ. 10. *Е. Е.* Въ странѣ Айновъ (по статьѣ: Im Lande der Ainos. „Die katolischen Missionen", октябрь—декабрь 1898). 11. Суевѣрія и обычаи осетинъ (изъ „Владик. Еп. Вѣд."). 12—14. *В. Зорнинъ*. Зависимость Корана отъ іудейства. 12, 13, 15 Изъ дневника Забайкальскаго миссіонера (кое-что о бытѣ и вѣрованіяхъ бурятъ). 12—13. Житье-бытье нашихъ миссіонеровъ на сѣверѣ Сибири; нѣкоторыя данныя о бытѣ вогуловъ, почерпнутыя изъ статей г. *Носилова*: Миссіонеръ Вогуловъ („Русск. Паломникъ", №№ 4 - 6) и Батя („Новое Время"). 18. *I. М. П.* Типы бурятъ. IX. Полковница (о положеніи бурятскихъ женщинъ).—Статистика религій. 19. *Свящ. П. Ляхоцкій*. Изъ дневника гольдскаго миссіонера (о бракахъ у гольдовъ).—Въ калмыцкомъ хурулѣ (заимств. изъ статьи: „Въ калмыцкой степи" въ„ Новомъ Времени").—Изъ якутскаго быта (сообщеніе Майкова въ засѣданіи Вост.-Сиб. Отдѣла. И. Р. Географическаго общества, изъ „Сибири"). 20. *Свящ. П. Ляхоцкій*. Изъ дневника... (оконч.; нѣкоторыя свѣдѣнія о бытѣ гольдовъ).—Крещеная мордва (о переживаніи язычества. Заимств. изъ ст. *Н. Оглоблина*: „*Въ* Мордовскомъ краѣ", въ „Историч. Вѣстн." 1899, сентябрь). Почитаніе дракона въ Китаѣ.—Отчетъ Иркутской духовной миссіи за 1898 г. (Оконч.): а) вліяніе ламъ на инородцевъ, б) шаманы, шаманисты—родовые богачи и администраторы. 21—22. *Іерод. Виссаріонъ*. Зависимость Корана отъ язычества 21. *Свящ. I. Чистохинъ*. Обычаи тункинскихъ бурятъ-ламаитовъ при рожденіи дѣтей, свадьбахъ и похоронахъ (приводятся свадебные приговоры въ русскомъ переводѣ. „Ирк. Еп. Вѣд." №№ 19 и 20).

Тифлисскій Листокъ. 1899 (Иллюстрир. прибавленіе). 11. Состояніе Грузіи послѣ кончины Ираклія II. *Е. В.*—15. Кавказскіе плѣнники. *Е. В.*—13, 15. Сафаръ. *В. И—ко.*—15. Къ рисункамъ: В. Θ. Миллеръ.—34. Докладъ г. Вебера въ Кавказ. Отд. И. Русс. Геогр. Общества о землетрясеніи въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ.

Извѣстія и Замѣтки.

Къ вопросу о 1-мъ съѣздѣ славянскихъ филологовъ.

Пражскіе филологи-слависты, какъ извѣстно (см. Этногр. Обозр. XL—XLI, 409), подняли вопросъ о необходимости и своевременности созыва спеціальнаго съѣзда славянскихъ филологовъ. Комитетъ, образовавшійся въ Прагѣ, при участіи извѣстныхъ ученыхъ, Гебауэра, Пастернека, Нидерле, Поливки и др., занялся выработкою проекта съѣзда, который и былъ разосланъ минувшею осенью учрежденіямъ и лицамъ, могущимъ оказать то или иное содѣйствіе задуманному предпріятію. Предполагалось сдѣлать подобные съѣзды періодическими, созываемыми поочередно въ различныхъ славянскихъ земляхъ, не исключая, конечно, и Россіи. Первый съѣздъ предполагалось созвать въ Прагѣ въ 1901 или 1902 г.; была составлена и общая программа перваго съѣзда, которую предстояло еще славистамъ обсудить и расширить. Но, къ сожалѣнію, успѣшному началу не суждено, повидимому, имѣть продолженія. Изъ полученныхъ нами сообщеній изъ Праги видно, что когда дѣло дошло до оффиціальнаго разрѣшенія, австрійское правительство воспротивилось этому безусловно, опасаясь, чтобы первый пражскій съѣздъ не принялъ такихъ же грандіозныхъ національно-политическихъ размѣровъ, какъ и бывшая шесть лѣтъ тому назадъ Чехо-славянская Этнографическая Выставка, доставившая антиславянскимъ политикамъ много хлопотъ и волненій. Послѣ такихъ заявленій со стороны министерства проф. Гебауэръ вышелъ изъ состава Комитета съѣзда и остальные его члены, повидимому, рѣшили отложить это дѣло до болѣе благопріятныхъ условій.

Нельзя не пожалѣть, что дѣло приняло такой неожиданный оборотъ. Но намъ кажется, что мысль о съѣздѣ не должна быть отложена на неопредѣленное время. За осуществленіе ея могла бы взяться другая славянская страна, хотя бы, напр., Россія. Если трудно устроить спеціальный отдѣльный съѣздъ, то можно было бы на первый разъ соединить его съ другимъ, напр., съ будущимъ XII Археологическимъ Съѣздомъ, созываемымъ въ Харьковѣ въ 1901 г. При Московскомъ Археологическомъ Обществѣ существуетъ особая Славянская Комиссія, которая и могла бы взять на себя осуществленіе проекта перваго съѣзда славянскихъ филологовъ.

2-й международный этнографическій конгрессъ.

Во время предстоящей Парижской всемірной выставки, нынѣшнимъ лѣтомъ и осенью, состоится, по обыкновенію, цѣлый рядъ ученыхъ съѣздовъ, въ томъ числѣ одинъ, посвященный вопросамъ этнографіи, который предполагается устроить 10—12 сентября нов. ст., въ зданіи конгрессовъ при выставкѣ. Со времени перваго международнаго этнографическаго конгресса, бывшаго въ Трокадеро въ 1889 году, несомнѣнно, накопилось немало вопросовъ и новыхъ матеріаловъ, вполнѣ оправдывающихъ своевременность собранія 2-го конгресса.

Для удовлетворенія идеѣ международности, предстоящій конгрессъ будетъ преслѣдовать, главнымъ образомъ, историко-сравнительныя цѣли. Онъ будетъ распадаться на два отдѣленія: а) устная словесность и народное искусство, б) народные обычаи.

По первому отдѣлу намѣчены слѣдующіе общіе вопросы:

1) Начало, развитіе и распространеніе народныхъ сказаній. Изложеніе и обсужденіе современныхъ теорій по этому вопросу.

2) Начало, развитіе и распространеніе народныхъ пѣсенъ со стороны ихъ текста и музыки. Вліяніе искусственной поэзіи и музыки на народную и обратно.

3) Народный театръ и его отношеніе къ театру цивилизованному встарину и теперь.

4) Начало и развитіе иконографическаго народнаго искусства, скульптуры и проч.; отношеніе ихъ къ искусствамъ классическимъ и взаимное воздѣйствіе.

5) Начало и эволюція народнаго костюма. Изслѣдованіе по памятникамъ и документамъ частей и принадлежностей костюма и его украшеній, сохранившихся болѣе или менѣе до нашихъ дней.

По второму отдѣлу имѣются въ виду слѣдующіе вопросы:

1) Переживанія въ обычаяхъ при рожденіи, свадьбѣ и смерти. Бракъ черезъ похищеніе; кувада; погребальные обряды и пр.

2) Пережитки культа животныхъ въ обычаяхъ современныхъ народовъ. Остатки культа камней, растеній, ключей.

3) Слѣды древнѣйшихъ мѣстныхъ культовъ въ почитаніи святыхъ. Народная агіографія (обряды и легенды).

4) Народная медицина; колдовство (амулеты, заговоры, предохранительныя обрядности и т. п.).

Въ заключеніе—общая картина этнографическихъ изученій со времени 1-го съѣзда (т. е. съ 1889 по 1900 г.).

Сообщенія просятъ доставлять до 1-го іюля н. ст. 1900 г. на имя секретаря съѣзда P. Sébillot [1]).

Оффиціальный языкъ на съѣздѣ—французскій; допускаются сообщенія и на языкахъ: нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и латинскомъ, съ обязательнымъ резюме по-французски.

Членскій взносъ—12 франковъ [2]), при чемъ члены съѣзда получатъ безплатно протоколы засѣданій и другія изданія съѣзда.

---

[1]) Paris, boulevard Saint-Marcel, 80, à M. *Paul Sébillot*, Secrétaire général du Comité de Congrès international des traditions populaires.

[2]) Взносы просятъ адресовать на имя *A. Certeux*, Paris, rue Vauquelin 13.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Библіографическій указатель литературы о башкирахъ.

Составилъ Д. П. Никольскій.

Литература о башкирахъ достигла значительныхъ размѣровъ. Свѣдѣнія о нихъ имѣются еще у древнѣйшихъ писателей и путешественниковъ. Среди массы литературнаго матеріала, съ которымъ приходится имѣть дѣло каждому, желающему ближе ознакомиться съ этимъ народомъ, встрѣчается немало цѣнныхъ трудовъ и интересныхъ очерковъ, замѣтокъ и т. п. на-ряду съ поверхностными, компилятивными и даже малодостовѣрными корреспонденціями и сообщеніями. До сихъ поръ мы не имѣли полнаго указателя литературы о башкирахъ, хотя потребность въ немъ давно замѣчается. Занимаясь изученіемъ башкиръ, мнѣ пришлось пересмотрѣть массу литературныхъ источниковъ—главнымъ образомъ провинціальныхъ изданій, съ цѣлью что-нибудь найти о башкирахъ, и не скажу, чтобы трудъ этотъ былъ особенно благодаренъ. Приходилось тратить много времени, чтобы что-нибудь найти въ томъ или другомъ изданіи. Разсматривая этотъ матеріалъ, приходилось дѣлать и отмѣтки о достоинствахъ или недостаткахъ его, а иногда и выписывать краткое содержаніе.

Желая облегчить трудъ тѣмъ, которые занялись бы изученіемъ башкиръ вообще или одной какой-нибудь ихъ стороны, считаю небезполезнымъ сообщить здѣсь полный указатель литературныхъ данныхъ о башкирахъ съ позднѣйшихъ временъ до послѣдняго времени, по 1899 г. Собранный мною матеріалъ расположенъ хронологически *по годамъ*, съ отмѣткой о краткомъ содержаніи того или другого изслѣдованія, очерка, корреспонденціи и т. д.

Хотя я старался собрать весь матеріалъ о башкирахъ, какой только можно было достать, тѣмъ не менѣе думаю, что, можетъ быть, найдутся пробѣлы, которые желательно пополнить.

1730. Iohann Strahlenberg. Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm.

1732. I. Müller. Sammlung Russischer Geschichte. St. Petersburg.

1734. Витсенъ. Извѣстія о киргизскихъ и башкирскихъ народахъ. «С. Петербург. Вѣдом.» № 8. 11. 15. 18.

Его же. О пришлыхъ въ Башкирію татарахъ, чувашахъ и черемисахъ. Полн. Собраніе Закон. т. IX, № 6571.

— Путевыя записки Ибраимъ-Идеси. Перев. помѣщ. въ VIII т. «Древней Россійской Вивліоѳики» Новикова. Кромѣ того эти записки въ сокращенномъ видѣ на англійскомъ языкѣ помѣщены въ приложеніи къ III т. Исторіи Петра Великаго, изд. въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Лондонѣ (**John Mottley**. The life of Peter the Great, Emperator of all Russian. London 1755).

1759. Itinerarium fratris Willielmi **de Rubruquis** de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratiae 1253, ad partes Orientales. Впервые издано въ 1589 въ Richard Hakluyt's Collection: The principal navigations.....of English nation. T. I. Новое изданіе 1809 г., стр. 88.

— **П. И. Рычковъ**. Оренбургская исторія. Въ «Ежемѣс. Сочин». Миллера 1759 г.

1762. П. Рычковъ. Оренбургская топографія. С.П.Бургъ. Новое изд. И. Р. Геогр. Общ. **1887** г. Одно изъ полныхъ сочиненій объ Оренбургской губерніи, какъ по топографіи, такъ и этнологіи. Интересна глава объ инородцахъ, въ которой авторъ сообщаетъ не безынтересныя свѣдѣнія и о **башкирахъ** — ихъ происхожденіи, семейной жизни, условіяхъ жизни и т. д.

1770. Его же. Журналы или дневныя записки путешествій капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства въ 1769 и 1770 г. Записки касаются губ. Казанской, Вятской, Пермской, Оренбургской и Киргизской степи. Съ особенной подробностію описываются чудскія городища.

1771. Академикъ **И. Лепехинъ**. Дневныя записки путешествія 1768—69 г. Изд. 1771—1805, ч. 2. О башкирахъ авторъ говоритъ—объ ихъ раздѣленіи, о пребываніи башкиръ на кочевкѣ, гостепріимствѣ (55 стр.), о поимкѣ сокола для охоты (60), объ истребленіи лѣса въ Башкиріи (92—95); болѣе подробно описываются поминки, пѣсни, музыка, пиршества, воспитаніе дѣтей и т. д.

— **P. Pallas**. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. S.Petersb.

1786. Falk. Beiträge zur topographischen Kenntnissen des russischen Reichs, т. III, стр. 527.

1788. А. Миллеръ. О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ. Перев. съ нѣмецк. И. Долинскимъ.

1799. Георги. Описаніе всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ, ч. II, стр. 94. При характеристикѣ другихъ народовъ, живущихъ въ Россіи, авторъ удѣляетъ достаточно мѣста башкирамъ, излагая ихъ исторію, происхожденіе, условія жизни, питаніе, одѣяніе, вѣрованія, обычаи и т. д.

1809. П. Палласъ. Путешествія по разнымъ провинціямъ Россійкаго государства. С.П.Бургъ 1809 г., ч. I.

1811. Н. С. Поповъ. Замѣчанія о Пермской губерніи. «Казанскія Извѣс». 1811 г. и 1812 г. Рядъ небольшихъ статей объ экономическихъ и сельскохозяйственныхъ условіяхъ Пермской губ., причемъ встрѣчаются указанія и на башкиръ.

1813. Н. Поповъ. Хозяйственное описаніе Пермской губерніи, ч. II, III. Говорится о количествѣ башкиръ, ихъ покореніи, распредѣленіи ихъ мѣстожительства по уѣздамъ, деревнямъ. Описаніе башкирскихъ деревень, домовъ, пищи, кочевокъ, нѣкоторыхъ обрядовъ и т. д.

1822. Ibn-Fodlans und anderer Araber Berichte über die Russen. Арабскій текстъ. Переводъ съ англійскаго. «Записки Академіи Наукъ», т. VIII.

1823. Спасскій. О древнихъ вещахъ, найденныхъ въ Гумешевскомъ рудникѣ Пермскй губерніи. «Сибир. Вѣстн.», ч. XXII.

1825. М. Гавриловъ. Статистическое описаніе Пермской губерніи. «Историко-Статистич. и Географ. Журналъ». Ноябрь. Указаны различныя племена, населяющія Пермскую губернію. ихъ количество.

— **Плано-Карпино** (1246). Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ. Пер. Языкова. С.-Петербургъ. Авторъ даетъ указанія о Великой Булгаріи, Басторки, т. е. Великой Венгріи и о ея жителяхъ Басторкахъ, Башкиръ (Баштаркъ, Баскортъ, Башкортъ [1]).

1832. Р-на. Свѣдѣнія о башкирцахъ. «Москов. Телеграфъ», 2 ч., стр. 259—277. Указанія на роды башкиръ, на нѣкоторыя обрядовыя стороны ихъ, какъ-то: свадебныя, похоронныя. Между прочимъ говорится о нѣкоторыхъ болѣзняхъ, встрѣчающихся среди башкиръ (сифилисъ, глазныя болѣзни), о наружномъ видѣ башкиръ и развлеченіяхъ.

— Правила въ исполненіе Высочайшаго указа 10-го апрѣля 1832 года, составленныя на продажу и отдачу въ кортому башкирскихъ вотчинныхъ земель.

1834. D-r. W. E. Dall. Etwas über die Baschkiren. Orenburg. Замѣчанія о башкирцахъ. Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ, № 8, стр. 293—314. Описаніе природы, климата Башкиріи. Происхожденіе и подданство башкиръ, основаніе г. Уфы, волненія башкиръ, развитіе между ними воровства. Кочевки, кумысъ, одежда. О сходствѣ женщинъ съ финнами.

1835. Д-ръ Успенскій Medico-topographica districtus Ekaterinburgensis et urbis ejus descriptio. Mosquae. Относительно башкиръ имѣются свѣдѣнія только объ юртахъ и ихъ значеніи для здоровья.

1836. Энциклопедическій словарь Плюшара, т. V, стр. 130—132.

1840. Эверсманъ, д-ръ зоологіи. Естественная исторія Оренбургскаго края ч. I, ч. II (1850 г.).

1841. Prichard. Researches into the Physical Hystory of Mankind. Изд. 3-е т. III стр. 324. Переводъ на нѣмецк. изданъ въ 1845 г., т. III, стр. 370.

1845. Историко-этнографическій очеркъ башкирцевъ. «Оренб. Губ. Вѣдомости» № 35. Говорится о происхожденіи башкиръ, ихъ раздѣленіи

---

[1]) Было и болѣе раннее русс. изданіе (Моск. 1795 г.) См. *Аделунга*, Ист.-лит. обозрѣніе путешественниковъ по Россіи, стр. 61. *Ред.*

на кантоны. Одежда. Наружный видъ башкиръ («нѣкоторые калмыковаты», говор. авторъ). Жилища; увеселенія.

1847. Салаватъ-Юлаевъ, башкиръ Шайтанъ-Худейской волости. «Оренб. Губ. Вѣдомости» № 4. Описывается на основаніи архивныхъ дѣлъ извѣстный разбойникъ и бунтовщикъ Салаватъ-Юлаевъ.

— Радушіе и откровенность кантоннаго башкира. «Оренб. Губ. Вѣд.» № 41. Въ названной статьѣ говорится на основаніи наблюденій о гостепріимствѣ башкиръ вообще и объ обученіи башкирскихъ дѣтей.

— **В. Юматовъ**. Нѣсколько извѣстій о службѣ башкирцевъ. «Орен. Губ. Вѣд.» № 50 [1]).

— Грамоты Уфимскому во сводѣ Головину о томъ, чтобы башкирскихъ земель русскимъ пришлымъ людямъ не отдавать. «Оренб. Губ. Вѣдом.» № 38.

Указъ данъ царевичами Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ 1682 г.

— **В. Юматовъ**. Мысли объ исторіи Оренбургской губерніи. Тамъ же № 15—18. Краткія свѣдѣнія о заселеніи Оренбург. губ.; волненія и бунты башкировъ и ихъ усмиреніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ краткія замѣчанія на книгу Рычкова. «Топографія Оренбург. губерніи».

— **Его же**. О названіи башкирцевъ. Тамъ же № 24.

— **В. Зефировъ**. Соколиная охота въ Башкиріи. Тамъ же № 27.

1848. В. Юматовъ. Древнія преданія у башкирцевъ Чубалинской волости «Оренбург. Губ. Вѣдомости» № 7.

— **Его же**. Древніе памятники на землѣ башкирцевъ Чубалинской волости. Тамъ же №.№. 1, 2, 5, 7, 37. Между прочимъ описывается памятникъ, находящійся въ 40 в. отъ д. Чишма, Бирскаго у. Авторъ вкратцѣ разбираетъ существующія названія башкиръ и останавливается на словѣ «башъ—куртъ» т. е. пчеловодъ.

— Этнографическое путешествіе Кастрена по Западной Сибири. Изв. Имп. Р. Геогр. Общ. вып. V.

— **А. Архиповъ**. Замѣтки о кумысѣ и айранѣ «Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній» т. III. Дѣлается сравненіе между этими напитками.

— Нѣчто изъ описанія нравовъ башкирцевъ былого времени, «Оренбург. Губ. Вѣдомости», № 37.

1849. Краткій историческій взглядъ на первобытныхъ жителей Оренбургскаго края. «Оренбур. Губ. Вѣдом.» № 12, 13, 14, 15, 17.

1850. Небольсинъ. Замѣтки о башкирцахъ. «Отеч. Запис.» т. LXXIII, 8 стр. 1. Хотя статья небольшая, но въ ней очень интересныя приводятся свѣдѣнія о башкирахъ, какъ то: о количествѣ башкиръ за 1849 г., раздѣленіи ихъ на **степныхъ** и **лѣсныхъ**, о типѣ башкиръ, объ обязанностяхъ женщины, о кочевкахъ, одеждѣ и т. п.

---

[1]) Начало службы башкиръ относятъ къ 1675 г. Сначала участвовали башкиры въ войнѣ съ Швеціей. Служили безъ жалованья, но если кто изъ нихъ убьетъ непріятеля и голову принесетъ, или привезетъ плѣннаго, тому выдавали награду деньгами или сукномъ. (П. С. З. Р. Ц. т. IX. № 6576).

— **И. Казанцевъ.** Описаніе башкирцевъ. «Оренб. Губ. Вѣдом». № 10, 15—20.

1851. Иванинъ. Описаніе закамскихъ линій. «Вѣстн. И. Русс. Геогр. Общ. томъ I.

— Взглядъ на семейный бытъ башкирца. «Оренб. Губ. Вѣдом.» № 3, 4.

— **А. Архиповъ.** Замѣтки о кумысѣ и айранѣ. «Вѣстн. И. Русс. Геогр. Общ.» ч. 2, отд. X, стр. 45—48.

Авторъ опровергаетъ мнѣніе Кастрена, который говоритъ, что айранъ и кумысъ приготовляются совершенно одинаковымъ образомъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что айранъ выдѣлывается изъ кобыльяго молока, а кумысъ—изъ коровьяго. Затѣмъ описываются способы приготовленія кумыса, или «кымыза».

1852. П. Кеппенъ. Этнографическая карта Россіи.

— **П. И. Небольсинъ.** Отчетъ о путешествіи въ Оренбургскій и Астраханскій край. «Вѣст. Им. Геогр. Общ.», кн. I от. V. Раздѣленіе башкиръ на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Полукочевые раздѣляются на горцевъ, лѣсовиковъ и на степняковъ. Описаніе кантоновъ.

— О жительствѣ башкиръ на ихъ земляхъ. «Оренб. Губ. Вѣд.» № 26.

— О мѣстоположеніи г. Уфы и каковы были обитатели во время жительства башкиръ. Тамъ же № 26.

1853. Военно-энциклопедическій лексиконъ. т. II стр. 198. Проводится отожествленіе башкиръ съ остяками (иштякъ).

1854. Huschke. Schaedel, Hirn und Seele. Jena. Seit. 37. Краткія свѣдѣнія о строеніи башкирскаго черепа. Краніологическія измѣренія двухъ башкирскихъ череповъ отъ солдатъ, умершихъ во время кампаніи 1812 г. въ Берлинѣ и Лейпцигѣ.

— **Свящ. В. Плотниковъ.** О башкирахъ и мещерякахъ, живущихъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, Пермской губ. Запис. Имп. Каз. Эконом. Общ. № 2, стр. 22—27; № 3, стр. 39—44. Довольно полныя свѣдѣнія о мѣстныхъ башкирахъ.

— О кумысѣ. «Земледѣльческая Газета», № 25.

— О томъ же. «Пермск. Губ. Вѣдомости», № 2627: говорится о приготовленіи кумыса, закваскѣ, мѣстахъ храненія, различіи по сортамъ.

1855. Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ. «Вѣст. Им. Р. Геог. Общ.», кн. XI.

— **Березинъ.** Мухаммеданская религія въ отношеніи къ образованности. «Отечеств. Записки», т. 98, от. II, стр. 100. Подвергается критикѣ ученіе Магомета, затѣмъ описываются обрядовыя стороны.

1858. D-r. B. Krebel. Volksmedicin und Volksmittel verschiedener Völkerstämme Russlands.

— **Л. Суходольскій.** Легенда о Тулякѣ (башкирцѣ). «Вѣстн. Им. Р. Геогр. Общ.», ч. XXIV, смѣсь.

1859. В. М. Черемшанскій. Описаніе Оренбургской губерніи въ хозяйственномъ, статистическомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Это

одно изъ лучшихъ сочиненій того времени о башкирахъ. См. разборъ въ «Оренбур. Губ. Вѣдом.» 1861 г. № 32.

— **Свящ. Т. Успенскій.** Очеркъ юго-западной части Шадринскаго уѣзда. «Пермскій сборникъ». кн. I. Болѣе останавливается на описаніи кургановъ и названіи русскихъ селеній башкирами.

— **Беръ.** Извѣстія о собраніи череповъ разныхъ народовъ въ Имперіи. «Рус. Вѣстн.» т. XXI. Май. 28.

1860. А. Зыряновъ. Нѣсколько словъ о курганахъ Шадринскаго уѣзда Пермской губ. «Пермск. Губ. Вѣдом.» № 5.

— **Пекеръ.** Очерки г. Уфы. «Вѣст. Им. Геогр. Общ.» № 8.

— О томъ же въ Уфим. Губ. Вѣдом.» 1883 г. №№ 38. 39. 40. 41. 43—47. 49. 50.

— **Г. Городской.** Замѣчанія о мѣстности и жителяхъ третьяго стана Красноуфимскаго уѣзда. «Пермскій сборникъ». кн. II. Какъ заняли башкирію мещеряки, тептяри и татары. Слишкомъ поверхностно.

— Историческія бумаги XVIII вѣка, временъ Анны Іоанновны. «Рус. Бесѣда» кн. 2. 204 ст.

1861. П. Кеппенъ. Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи. — Башкиры. Сравнительно полный указатель историческихъ данныхъ о башкирахъ съ древнихъ временъ русской исторіи до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія.

— **Кузнецовъ.** Башкирцы. «Сѣв. Пчела». № 282. 283. Въ фельетонномъ духѣ, отрывочныя свѣдѣнія; говорится болѣе о воровствѣ башкиръ.

— **А. В. Д.** Башкирскія земли «Оренб. Вѣдом.» № 30. 31. Краткія свѣдѣнія о количествѣ земель у башкиръ: богатство рудою, золотомъ.

— Съ Урала. «С.-Петерб. Вѣдом.» № 110. О смертности башкиръ (до 37—39‰).

— **Сахаровъ.** Замѣтки относительно земледѣлія въ Башкиріи. «Вѣстн. Промышлен.» № 1. Выясненіе причинъ плохого состоянія земледѣлія.

— Критическія замѣчанія по этому поводу. «Оренб. губ. Вѣдом.» №№ 15. 16.

— Башкиры и распространеніе грамотности между ними. «Жур. Мин. Народ. Просвѣщенія». CX, отд. 4, стр. 64. Говорится о школахъ въ каждомъ селеніи, гдѣ ѣсть муллы; результаты обученія и самый способъ обученія. Воспріимчивость мальчиковъ. Недостаточность обученія.

— О томъ же. Оренб. губ. Вѣдом.» № 14.

1862. Правила для пользованія башкирскимъ лѣсомъ. «Оренб. губ. Вѣдом.» № 9.

— **Д. Зеландъ.** О лѣченіи чахоточныхъ кумысомъ. «Совр. Мед.» № 52 и 1863 № 1.

Указываетъ авторъ на отсутствіе чахоточныхъ среди башкиръ и киргизовъ, при сравненіи съ русскимъ населеніемъ, объясняя это разницей расы и болѣе первобытнымъ образомъ жизни первыхъ сравнительно съ послѣдними, т. е. русскими.

— **Игнатовичъ**. Башкирская Бурзянская волость. «Оренб. Губ. Вѣдом.» №№ 6. 7. 8. 9. 12.

— О томъ же. См. въ «Архивѣ» Калачева 1860—61 г. кн. 5, изд. 1883 г.

— Башкиры. «Калейдоскопъ» № 25.

— **П. Семеновъ**. Географическій словарь Россійской Имеріи.

— **Долинскій**. Неудавшееся поученіе. «Экономистъ» № 7. 8. По поводу статьи Сахарова: «Замѣтки относительно землевладѣнія въ Башкиріи».

— О томъ же были статьи въ «Оренб. Губ. Вѣдом.» №№ 26. 32.

— **Коноплевъ**. О кумысѣ у башкиръ Оренбургской губерніи. «Протоколы засѣданій Общ. Рус. Врачей» № 12.

— Нѣсколько актовъ къ исторіи башкирскихъ бунтовъ при Аннѣ Іоанновнѣ. «Памятн. книж. Казан. губ.,» на 1861—1862 г.

— **А. В. Д**. Башкирскіе лѣса. «Оренб. Губ. Вѣдом.» № 49.

— О томъ же. «Экономистъ» № 12. Приводятся данныя о количествѣ лѣсовъ,—у башкиръ до 1862 г. ихъ считалось до 4 мил. десятинъ. Далѣе—объ истребленіи лѣсовъ русскими или самими башкирами.

— **А. В. Д**. Образованіе въ Башкиріи. «Оренбург. Губ. Вѣдом.» №№ 34. 35. Краткія свѣдѣнія о постановкѣ обученія у башкиръ вообще.

1863. Инструкція комиссіи, Высочайше утвержденной для надѣленія землею вотчинниковъ башкиръ и ихъ припущенниковъ. С.П.Б. Памятная книжка Самарской губерніи на 1863 г.

— **Назаровъ**. Башкирія и башкиры. «Современникъ» № 11.

— **В. Г**. Письма изъ Башкиріи. «Сѣв. Пчела» № 41.

— **А. В. Д**. О башкирахъ. «Оренб. Губ. Вѣдом.» № 41.

1864. Вельяминовъ-Зерновъ. Источники для изученія тарханства, пожалованнаго башкирамъ русскими государями. «Зап. Акад. Наукъ» т. IV. кн. 2, въ приложеніи.

— Башкирія. «С. Петерб. Вѣдомости», № 192. Касается болѣе землевладѣнія у башкиръ.

— **М—съ**. Отвѣтъ г. Михайлову относительно статьи о развитіи золотопромышленности на башкирскихъ вотчинныхъ земляхъ. «Народное Богатство» № 15.

— **В. Флоринскій**. Усовершенствованіе и вырожденіе рода человѣческаго.

1865. Башкиры до 1865 г. «С.Петерб. Вѣдомости». № 235.

— **Игнатьевъ**. Царскія грамоты о челобитьяхъ о земляхъ башкиръ, Тархана, Акинчика, Таникѣева въ XVII вѣкѣ «Оренб. Губ. Вѣдом». №№ 8. 33.

— **Р. Игнатьевъ**. Курганы въ при-уральскихъ мѣстахъ Оренбургской губерніи. «Оренб. Губ. Вѣд.» №№ 43, 44, 45, 47, 48, 49. Говорится о чудскихъ племенахъ—теграхъ, маджарахъ, какъ о древнихъ народахъ, жившихъ здѣсь и оставившихъ послѣ себя памятники въ видѣ кургановъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія сообщаются объ югорскомъ народѣ.

— О томъ же см. въ «Уфимскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» №№ 43. 44. 45.

— Коранъ Магомета. Переводъ съ арабскаго. Подробное изложеніе жизни и ученіе Магомета.

— **А. Зыряновъ** Матеріалы для описанія Шадринскаго уѣзда. «Пермск. губ. Вѣдом.» № 71. 73 и 1861 г. № 1.

— **Р. Игнатьевъ** Гора Ауткуль и озеро того же имени. «Оренб. Губ. Вѣдом». № 9. Находятся въ Троицкомъ у. и считаются у башкиръ священными; сюда стекается много богомольцевъ и больныхъ. Предварительно купаются въ озерѣ.

1866. Д-ръ В. Лотинъ. О возвратной горячкѣ у башкиръ. «Медиц. Вѣстн.»

— **П. Ѳирсовъ.** Положеніе инородцевъ сѣверовосточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. (Ученыя Записки Казанскаго Университета).

— **Ешевскій.** Колонизація сѣверо-восточныхъ окраинъ Россіи. «Вѣстн. Европы» т. I.

— **Маловъ.** Статистическія свѣдѣнія о крещеныхъ татарахъ Казанской и нѣкоторыхъ другихъ эпархій въ Воложскомъ бассейнѣ. «Ученыя Записки Казанскаго Универ.»

— **М. Михайловъ.** О башкирахъ. «Недѣля» № 11. Общія свѣдѣнія о башкирахъ и объ упадкѣ экономическихъ условій; причины этого. упадка.

— Съ Урала. Статистическія свѣдѣнія о башкирахъ. «С.Петерб. Вѣд.» № 110.

— **Д-ръ И. Билярскій.** О зимней поѣздкѣ отъ Уфы до Верхнеуральска по рѣкѣ Инзеру. «Оренб. Губерн. Вѣдомости» №№ 10, 11, 12, 16. Въ видѣ путевыхъ записокъ сообщаются интересныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ деревняхъ горной Башкиріи, объ образѣ жизни живущихъ здѣсь башкиръ, ихъ занятіяхъ и промыслахъ; о продовольствіи, умственномъ развитіи, болѣзняхъ и т. д.

— **Герберштейнъ.** Rerum Moscoviticarum commentaria V. 229, c. XIV. Авторъ въ качествѣ посла въ первой четверти XVI стол. (1517-1526) два раза былъ въ Россіи и на основаніи изустныхъ и рукописныхъ источниковъ составилъ обстоятельное описаніе Россіи.

— По поводу извѣстій въ «Сѣв. Пчелѣ» о положеніи башкиръ. «Биржевыя Вѣдомости» № 24.

1867. Магометанскія училища. «Москов. Вѣдомости» № 101.

— Историческія записки о мѣстности прежней Уфимской провинціи, гдѣ былъ центръ древней Башкиріи. От. оттискъ.—О томъ же см. «Перм. Губ. Вѣд.» 1870 № 53.

— **Г. Медвѣдскій.** Башкирская лошадь. «Земледѣльческая Газета» № 10. Раздѣляетъ на луговую и горную породу лошадей; отличіе той и другой; причины упадка коневодства и попытки со стороны администраціи поддержать эту породу.

— О томъ же. Жур. «Конезаводство» № 9.

— О томъ же. «Земледѣльческая Газета № 29.

— **А. Аксаковъ.** Буйство башкиръ д. Исергановы Бугульминскаго уѣзда, Самарской губ. «Самар. Листокъ» № 69.

— Башкиры. «Воскресный досугъ» № 229, 230. Общія въ популярной формѣ свѣдѣнія о башкирахъ.

— **А. Н—въ.** Волжскіе инородцы: Башкиры. «Чтеніе для солдатъ» № 14.
— О томъ же. «Мірской Вѣстникъ» № 3.
— **Игнатьевъ.** Могильное поле. «Уфим. Губ. Вѣдом.» 1867 № 1.
— Уроза-Байрамъ. Магометанскій праздникъ. Тамъ же № 12.
1868. Прозоровъ Карлыкъ. Бѣдная башкирская деревушка. «Астрах. справ. лист.» № 10.
— **Н. П.** Лѣто въ Башкиріи. «Рус. Инвалидъ» № 79.
— **Д-ръ Барлинскій.** Саратовскій уѣздъ. Этнографическій очеркъ.
— **Н. Устряловъ.** Сказанія князя Курбскаго.
1869. Д. Хвольсонъ. Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, булгарахъ, мадьярахъ, руссахъ.
— **Н. Ѳирсовъ.** Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель въ это время (211, 304, 305, 415).
— **Миръ-Салихъ - Бекчуринъ.** Начальное руководство къ изученію арабскаго, персидскаго и татарскаго языковъ съ нарѣчіями бухарцевъ, башкиръ съ разговорами и произношеніями. Казань 2-е изд.
1870. И. Покровскій. Сборникъ башкирскихъ и татарскихъ пѣсенъ. «Записки Оренб. Отд. Им. Рус. Георг. Общ.» вып. 1 Напечатаны по-татарски и русски. Главный сюжетъ этихъ пѣсенъ—любовь и удаль.
— О сходцахъ на башкирскихъ земляхъ «Перм. Губ. Вѣд.» № 93.
— О томъ же въ «Оренб. Губ. Вѣд.» № 47.
— Челобитная царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, отъ жителей сибирскихъ слободъ на Башкирцевъ. «Тобольскъ. Губ. Вѣдом.» №№ 6, 7. Съ примѣчаніями и поясненіями Н. Чупина).
— О томъ же см. въ «Пермскахъ Губ Вѣдом.» №№ 12, 13, 15.
— **А. Зыряновъ.** Матеріалы для исторіи заселенія Зауральскаго края. «Перм. Губ. Вѣдомости» № 71.
— О правахъ башкиръ и ихъ припущенниковъ на землю. Отчетъ по Государственному совѣту за 1869 г. С.П.Бургъ.
— Что такое Башкирія и кто владѣетъ нынѣ? «Дѣятельность» №№ 141, 148, 156, 183, 185, 195. Приводятся интересныя историческія данныя по этому вопросу.
— По вопросу о конокрадствѣ и о башкирахъ. «Дѣятельность» № 105.
О предоставленіи Оренб. Генералъ-Губернатору права высылать конокрадовъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ.
— **А. Зыряновъ.** Нѣсколько словъ о курганахъ въ Шадринскомъ уѣздѣ. «Пермск. Губ. Вѣдом.» №9. Замараевскіе курганы въ Шадринскомъ уѣздѣ.
— **Игнатьевъ.** Грамоты царя Алексѣя Михаиловича 1676 Башкирцамъ нынѣшняго Осинскаго уѣзда. «Перм. Губ. Вѣдом.» № 40.
— О томъ же см. «Уфим. Губ. Вѣд.» № 24.
— **Его же.** Одинъ изъ примѣровъ отвода башкирскихъ земель въ XVIII вѣкѣ, «Уфим. Губ. Вѣдом.» № 21.
— **Его же.** О сходцахъ на земляхъ башкиръ и уральскихъ казаковъ. «Орен. Губ. Вѣдом.» № 46.

— **Чупинъ**. Замѣчанія на записку неизвѣстнаго автора. «Историческія записки о мѣстности прежней Уфимской провинціи, гдѣ была устроена Башкирія. «Перм. Губер. Вѣдом.» №№ 53, 60, 61, 62, 63, 64.

— **Игнатьевъ**. Примѣры отвода башкирскихъ земель въ XVII вѣкѣ. «Уфимск. Губер. Вѣдом.» № 26.

1871. **Киселевъ**. Башкиры въ окрестностяхъ Усть-Катавскаго завода. «Уфим. Губ. Вѣдом.» № 43.

— Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. Оренбургская губернія. Стр. 87, т. XXVIII. Приводится характеристика нравственныхъ качествъ башкиръ.

— **А. Зыряновъ**. Раскопки кургановъ. «Перм. Губ. Вѣд.» № 92.

— **Его же**. Матеріалы для исторіи башкирскихъ властей въ Зауральскомъ краѣ. «Перм. Губ. Вѣд.» №№ 25, 26, 28, 30, 32, 34. Историческіе документы, касающіеся набѣговъ башкиръ на русскія поселенія и донесенія о томъ воеводъ.

— Грамоты царей Θеодора, Іоанна и Петра Алексѣевичей, данныя башкирскому народу въ 1689 и 1698 г. «Тобольск. Губерн. Вѣдом.» № 28. 29.

— **Игнатьевъ**. О томъ же «Оренбур. Губ. Вѣдомос.» №№ 21, 22, 23.

— Статистическій очеркъ современнаго состоянія сельскаго хозяйства и промышленности въ Оренбургской губ., заключающій въ себѣ отвѣты на вопросы, предложенные Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ «Оренб. Губ. Вѣдом.» №№ 45, 46, 47. Въ отвѣтахъ о башкирахъ заключаются свѣдѣнія о жилищѣ ихъ, о величинѣ комнатъ, оконъ, крышахъ, дверяхъ и т. д

— Записки И. И. Неплюева. Изд. Л. Н. Майковымъ. «Рус. Архивъ.» №№ 4, 5.

— Историческія и административныя свѣдѣнія о башкирскомъ народѣ, составленныя по приказанію графа Панина въ 1775 г. «Уфим. Губ. Вѣд.» № 45, 46. О количествѣ волостей и дворовъ по дорогамъ (четыремъ) и сравнительныя данныя съ этими по переписи 1739 г.

— «Пермскія Губ. Вѣдом.» №№ 33, 34. О томъ же.

— The book of Sir Marco Polo the venetian, translated and edited by col Henry Jule. London.

1872. Башкирская степь лѣтомъ. «Всемір. Иллюстр». № 12.

— Историческія свѣдѣнія для исторіи Уфимскаго края г. Уфы, башкирскаго населенія и пугачевщины. «Памятн. книжка Уфимск. губ.» на 1873 г. Изд. 1872.

— Уральскіе башкиры. «Нива» № 43, стр. 852.

— **Welcker**. Ueber Wachsthum und Bau des menschlichen Schädels. Leipzig. Приводятся главные результаты измѣреній 5 башкирскихъ череповъ неизвѣстнаго происхожденія.

— **Дашковъ**. Продажа башкирскихъ земель. «Голосъ» № 84.

1873. **Л. Сабанѣевъ** Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирскихъ земляхъ.

— Находимъ свѣдѣнія о количествѣ башкиръ въ Екатеринб. и Шадринскомъ уѣздахъ, количествѣ земли у нихъ, арендованіе русскими, описаніе озеръ и ихъ богатства. Эксплоатація башкиръ русскими. Скотоводство.

— **Р. Игнатьевъ**. Историко-административныя свѣдѣнія о башкирскомъ народѣ, составленныя по циркулярамъ графа Панина въ 1775 г. «Памят. книжка Уфим. Губ.» на 1873 г., ч. 2, стр. 139—166.

— О томъ же см. въ «Уфим. Губ. Вѣдом.» 1872. №№ 1—4, 7, 9, 10, 13, 15, 17.

— **Гурвичъ**. Племенной составъ населенія Уфимской губерніи и численность въ 1873.

1874. А. Альтгаузенъ. Химическій составъ крута. «Военно-Медицин. Журналъ». Сентябрь, от. VIII, стр. I. Говорится объ одномъ изъ пищевыхъ продуктовъ башкиръ. Способъ его приготовленія, количественный анализъ, питательность крута.

— Свѣдѣнія объ инородцахъ, обитающихъ въ Пермской губерніи, преимущественно въ религіозномъ отношеніи. «Перм. Епархіал. Вѣдом.» №№ 39, 40.

— **В. М. Флоринскій**. Башкирія и башкиры. «Вѣстн. Европы» т. XII. Наиболѣе полныя свѣдѣнія о башкирахъ вообще, начиная съ исторіи ихъ и по настоящее время. Приводится и литература о башкирахъ.

1875. Распредѣленіе населенія Оренбургской губерніи въ 1873 году. «Оренб. Губ. Вѣдом.» № 30. Башкиръ было 25,7%., русскихъ 68 %, татаръ 3,6 %.

— **Р. Игнатьевъ**. Сказанія, сказки и пѣсни, попадающіяся въ рукописяхъ татарской письменности и устныхъ пересказахъ у инородцевъ-магометанъ Оренбургской губерніи. «Записки Оренб. Отд. Импер. Геогр. Общ.» вып. III, стр. 283.

— **В. Татищевъ** Соч. Бестужева-Рюмина. «Древ. и новая Россія». № 2 стр. 126—133.

— **Н. Штиглицъ**. Пермская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи по свѣдѣніямъ 1869 г. Изд. Цен. Ст. Комит. М. В. Д. Есть указанія на этнографическій составъ населенія

— **И. Н. Березинъ**. Русскій Энциклопедическій словарь т. III от. 1 стр. 358—360.—Очень краткія свѣдѣнія о башкирахъ.

— Русскіе инородцы «Листокъ сельскихъ хозяевъ и естествознанія». №№ 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 17, 18. О башкирахъ очень краткія свѣдѣнія (№ 7).

— **В. Новиковъ**. Лѣсная промышленность въ Уфимскомъ уѣздѣ. «Уфим. Губерн. Вѣдом.» № 19, 20, 21—26.

— **М. Лосіевскій**. Изъ нравовъ и обычаевъ инородцевъ Уфимской губерніи. Тамъ же № 43 (Праздникъ «Сабантуй»).

— **Леббокъ**. Начало цивилизаціи, гл. V, стр. 90.

1876. Д-ръ Маліевъ. Антропологическій очеркъ башкиръ «Труды Казан. Общес. Естествознанія», т. V, вып. 5. От. оттис. 8, 28, IV и 2 таб.

— Рецензія на означенный трудъ. «Знаніе» № 9, стр. 22—23 и отвѣтъ на нее въ № 12 (тамъ же), стр. 8—9.

— **Musik,** Gesang und Tänze der Baschkiren und Kirgissen, «Das Ausland» № 31.

— **Лосіевскій.** Встрѣча весны инородцами Оренбургскаго края. «Оренб. Листокъ» №№ 40, 41, 43, 44.

— Колонизація башкирскихъ земель. «Оренб. Листокъ» № 8, 30—32.

— **А. Емельяновъ.** Бурзянская Башкирія (географическій и этнографическія очеркъ), «Оренб. Листокъ» № 34.

— **М Лосіевскій.** Башкирская легенда о мѣсяцѣ. «Оренб. Листокъ» № 24.

— **Его же и Игнатьева.** Шайтановы мухи. Башкирская легенда. «Оренб. Листокъ». № 31.

— О покупкѣ башкирскихъ земель въ Уфимской губерніи. «Кронштад. Вѣстн.» № 20.

— **В. Васильчиковъ.** Землевладѣніе и земледѣліе, т. 2, стр. 968. Объ арендованіи земель башкирами у русскихъ, расхищеніе этихъ земель.

— **K. Uyfalvy.** Ueber die Galtschen, Baschkiren Meschtscheriaken und Tepteren. «Globus» № 16, 17.

— Уфимская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. Изд. Цент. Статист. Комит. М. В. Д. т. XXXII.

— **Мордовцевъ.** О вымираніи некультурныхъ расъ. «Отечест. Записки» № 3.

— **Уйфальви.** Башкиры, мещеряки, тептери. «Извѣс. Им. Рус. Геог. Общ.» № 2 (118—120).

— **М. Лосіевскій.** Присяга инородцевъ язычниковъ Оренбургскаго края. «Оренбур. Листокъ» № 17.

— Лѣшній. Заводъ Преображенскій (по поводу образованія мусульманъ). «Оренбур. Листокъ» № 36.

— Отвѣтъ на эту статью см. въ «Оренбур. Листкѣ» № 38.

— **Лосіевскій.** Башкирскія преданія о лунѣ въ связи съ представленіемъ другихъ народовъ о солнцѣ и лунѣ. «Изв. Имп. Общ. Люб. Естеств. Антроп.» и Этн. т. 28.

— **Его же.** Солнце и луна въ легендахъ и заговорахъ. «Оренб. Листокъ» № 33—35, 37—41.

1878. Очеркъ колонизаціи Башкирскаго края. «Историч. Библіотека» № 12.

— Буринская башкирская волость. «Перм. Губерн. Вѣдом.» № 80. Громадныя природныя богатства—руды, озера, луга и т. д. не эксплоатируются башкирами, благодаря лѣности; мало скота. Сильное конокрадство.

— Башкирскія земли и арендованіе ихъ у башкиръ (Красноуфимскій уѣздъ). Тамъ же № 104.

— **К. Л.** Очерки башкирской жизни. «Сѣверная звѣзда» № 10.

— **Рыбаковъ**. Что можетъ способствовать развитію и усовершенствованію русско-башкирскихъ школъ. «Оренб. Листокъ» № 16.

— **Его же**. Замѣтки о башкирской деревнѣ Арасланковой, Стерлитамакскаго уѣзда Уфимской губ. Тамъ же № 11.

— Статистическіе очерки Уфимской губерніи. «Памятн. книж. Уфимской губ.» на 1878. О числѣ населенія вообще и башкиръ въ частности, движеніи населенія, о полигамическихъ бракахъ, разводахъ у магометанъ.

— Историческія и административныя свѣдѣнія о башкирскомъ народѣ (изъ архива Тургайской области) «Памятная книж. Уфимской губ.» на 1878 г.

— **Литуновскій**. Медико-топографическое описаніе Оренбургской губерніи. 1878 изд.

— **Лосіевскій**. Изъ суевѣрій и легендъ мусульманъ Оренбург. края. «Оренб. Листокъ» № 27, 36, 38.

— Раскопки въ Пріуральскомъ краѣ. «Протоколы комитета Антропологической выставки въ Москвѣ 1878—79.

— **Рыбаковъ**. Два—три слова о русско-башкирскихъ школахъ. «Оренбург. Лист.» № 4. Авторъ рекомендуетъ введеніе въ русско-башкирскія школы обученія учителей русскимъ пѣснямъ.

— Возраженіе на это см. «Оренбург. Листокъ № 6. Считаетъ авторъ такое предложеніе не политичнымъ и даже вреднымъ для развитія дѣтей.

1879. **Шиле**. Башкиры. Этногр. очеркъ. «Природа и Люди» № 3. Краткій этнографическій очеркъ о башкирахъ; написанъ очеркъ легко, и свѣдѣнія вѣрны.

— **А. Берже**. Могилы святыхъ и другія мѣста, уважаемыя мусульманами. Пятый Археологическій съѣздъ, стр. 82, 84.

— Лѣто въ Башкиріи. «Сибирь» № 9.

— Уральскіе башкиры. «Нива» № 43.

— **Нефедовъ**. Отчетъ о поѣздкѣ въ Башкирію. Антроп. выставка 1879 г. т. III, ч. II. «Извѣстія Импер. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этнографіи».

— Матеріалы для сельско-хозяйственной статистики Пермской губерніи. Красноуфимскій уѣздъ. Работа Статистич. бюро. Есть интересныя свѣдѣнія о башкирахъ.

— **F. Ukke**. Die Rekrutenauslebungen in Gouv. Samara in Russland in den Jahren 1875—77 г. «Deutsche medic. Wochenschrift» № 45.

1880. **Д-ръ Гурвичъ**. Племенной составъ Уфимской губерніи и приблизительная численность по 1878 г. «Уфимск. Губ. Вѣдом». №№ 21, 22.

— О башкирскихъ земляхъ. «Голосъ» № 288, и 1881 г. № 103.

— **Р. Игнатьевъ**. Ааракселъ, лжеханъ Башкиріи. «Оренб. Листокъ» № 7, 17.

— **Народы Россіи**—башкиры. «Досугъ и Дѣло» № 2. Изъ популярныхъ очерковъ о башкирахъ названный очеркъ—лучшій.

— Матеріалы для сельско-хозяйственной статистики Пермской губерніи. Вып. II Шадринскій уѣздъ. Работы статистич. бюро.

— **Нефедовъ**. Движеніе среди башкиръ передъ Пугачевскимъ бунтомъ. «Русское Богатство» № 10. О Салаватѣ, башкирскомъ богатырѣ.

— **Д. Н. Анучинъ**. О нѣкоторыхъ аномаліяхъ человѣческаго черепа и преимущественно объ ихъ распространеніи по расамъ. «Извѣс. Импер. Московъ. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этног.» т. XXXVIII, в. 3. Капитальное сочиненіе по вышеуказанному вопросу и занимаетъ видное мѣсто не только въ русской литературѣ, но и Западно-Европейской. Объ аномаліяхъ у башкирскихъ череповъ см. 30, 31, 91, 115 стр.

— **Д-ръ Змѣевъ**. Бугульминскій уѣздъ Самарской губ. Диссер. Отводится очень мало мѣста башкирамъ. Авторъ считаетъ ихъ аналогичными съ татарами, относя ихъ къ аборигенамъ. Совсѣмъ ни на чемъ не основано мнѣніе автора, что будто башкиры произошли отъ черемисовъ.

— Среди селеній и деревень (башкиры). «Екатеринб. Недѣля» № 47.

— **И. С. Поляковъ**. Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію, исполненная по порученію Академіи наукъ. Отд. оттискъ 86 стр.

— Инородческія селенія Пермской губерніи. «Памятн. книж. Перм. губ.» на 1880 г. стр. IV.

— **Ф. Нефедовъ**. О курганахъ при-Уральскаго края «Извѣстія Москов. Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этногр.» т. XXXV, вып. 1, 2. Стр. 169—181.

— **А. Богдановъ**. Описаніе башкирскихъ череповъ Антроп. выставка 1872 г. «Извѣстія Имп. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр.» т. XXXV, ч. I, 286 стр.

— **М. Лосіевскій**. Къ населенію башкиръ изъ неизданныхъ арабскихъ и татарскихъ хроникъ. «Оренб. Лист.» №№ 47, 50, 51.

— О томъ же перепечатано въ «Памятн. книж. Уфим. Губ.» за 1883 г

— **В. Бензенгръ**. Антропологическій очеркъ касимовскихъ татаръ. Изв. Имп. Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этног.» т. XXXV, ч. I, вып. 1—2, стр. 160. Измѣрено 30 человѣкъ.

— **Р. Игнатьевъ**. Ив. Ив. Кирилловъ, основатель Оренбургскаго края. «Уфим. Губ. Вѣдомости» №№ 14, 15, 16, 18, 20, 23, 24, 25, 27, 28, 30, 32—34.

— Описаніе Караякуновской волости Уфимск. уѣзда. Тамъ же №№ 48, 50, 51. Авторъ говоритъ о вымираніи башкиръ; вліяетъ, помимо плохихъ экономическихъ условій, дурное устройство домовъ и особенно освѣщенія—болѣе четверти избъ не имѣетъ стеклянныхъ оконъ.

1881. А. Ивановъ. Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края. «Труды Казанскаго Общ. Естеств.» т. X, вып. I, стр. 52.

— Разборъ этой работы см. «Екатерин. Нед.» №№ 9, 10.

— **С. Р-въ**. Изъ Оренбургскаго края. «Русскія Вѣдом.». Письма (I—VII). Краткая исторія башкиръ; настоящее ихъ положеніе—экономи-

ческое и нравственное. Времяпровожденіе у башкиръ, вымираніе ихъ и отсутствіе медицинской помощи.

— **Д-ръ Укке**. Рекрутскій наборъ въ Самарской губ. въ 1875—1877 годахъ «Врачебныя Вѣдомости» №№ 38, 39, 40.

— **Е. И. Красноперовъ**. Сельско-хозяйственныя нужды Пермскаго края. Краткія указанія и на сельскій бытъ башкирскаго населенія въ губерніи.

— Антропологическія изслѣдованія на Уралѣ. «Екатерин. Недѣля» стр. 484—485.

— **Меккензи Уолессъ**. Россія, т. II, стр. 56—60.

— **М. Малаховъ**. Антропологическія изслѣдованія на Уралѣ въ 1881 г. «Рус. Вѣдом.» № 283.

— **Д-ръ Филатовъ**. О нѣкоторыхъ племенныхъ различіяхъ русскаго женскаго таза. «Протоколы Засѣд. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этног.» т. XXXVII, вып. I.

— **Р. Игнатьевъ**. В. Н. Татищевъ, второй начальникъ Оренбургскаго края. «Уфимск. Губер. Вѣдом.» №№ 2, 6, 26—34, 35—38, 40, 42, 46.

— **Гурвичъ**. Статистическіе очерки Уфимской губерніи за 1880 г. «Уфимск. Губерн. Вѣдом.» № 45, 47, 48, 49, 51, 52.

— **Р. Игнатьевъ**. Взгляды на исторію Оренбургскаго края «Оренб. Губ. Вѣдом.» № 29, 33, 37, 40—52.

1882. О томъ же (продолженіе) № 1, 2, 3, 5, 7, 10, 15, 16, 21, 23.

Въ описаніи башкирскаго населенія авторъ между прочимъ останавливается на выясненіи вліянія кочеванія башкира на его здоровье и питаніе, которое быстро возстановляется послѣ зимняго житья.

— **Д-ръ Д. Каррикъ**. О кумысѣ и его употребленіи въ легочной чахоткѣ и другихъ изнурительныхъ болѣзняхъ. «Врачъ». Отдѣльн. изданіе.

— Отзывъ о брошюрѣ. «Историческія записки о мѣстности прежней Уфимской провинціи, гдѣ былъ центръ древней Башкиріи». «Сборникъ статей, касающихся Пермской губ.» Пермь, 1882 г.

— **А. Зыряновъ**. Курганы и городища Шадринскаго уѣзда. «Перм. Губ. Вѣдом.» № 40, 42 и **1884 года**—№ 33.

— **А. П. Богдановъ**. Жители древнихъ Болгаръ (Булгаръ) по краніологическимъ признакамъ. «Изв. Моск. Общ. Люб. Естеств. Антр. и Этног.» т. XXXV, ч. I, вып. 4. Антропологическая выставка 1879 года. Т. III, ч. I, стр. 363. Приводятся краніологическія данныя 49 булгарскихъ череповъ и сравниваются съ измѣреніями череповъ нынѣшнихъ болгаръ.

— **В. Л.** О башкирахъ Красноуфимскаго уѣзда. «Екатер. Нед.» № 15. Краткія свѣдѣнія о жизни башкиръ, живущихъ въ 3-хъ волостяхъ. Домашняя обстановка, пища; низкая степень культуры, отсутствіе грамотныхъ.

— О башкирскихъ земляхъ. «Новое Время» № 2306.

— **Ф. Нефедовъ**. Въ горахъ и степяхъ Башкиріи (изъ путевыхъ впечатлѣній и разсказовъ) «Рус. Мысль» № 2, 5, 12.

— О продажѣ и уступкѣ Башкирскихъ и другихъ земель «Отеч. Зап.» кн. I, стр. 124.

— **М. Лосіевскій**. Пугачевскій бригадиръ Салаватъ Юлаевъ и Фиризи. «Волж. Камское Слово» № 221.

— **М. Малаховъ**. Краткое сообщеніе о результатахъ поѣздки на Уралъ въ 1880 г. для антропологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. «Извѣстія Импер. Рус. Географ. Общ.» вып. IV.

— **Р. Игнатьевъ**. Князь В. А. Урусовъ, третій начальникъ Оренбургскаго края. «Уфим. Губ. Вѣдом.» №№ 10, 14, 17, 20, 24, 27, 29, 30, 31.

— **Его же**. Взгляды на исторію Оренбургскаго края. «Оренбург. Губ Вѣдом.» №№ 1, 2—5, 14, 16, 18, 19, 23, 27, 30, 46, 47.

— Исторія Оренбургской губер. «Оренб. Лист». № 36, 37, 38.

— Башкирское землевладѣніе и земельные порядки въ Красноуфимскомъ уѣздѣ. «Екатеринб. Недѣля» № 32.

1883. Д-ръ Д. П. Никольскій. Опытъ санитарно-статистическаго изслѣдованія деревни Старо-Соболевой. Саранской вол. Екатеринб. уѣзда. «Перм. Губ. Вѣд.» № 85—89.

— **Н. Ядринцевъ**. Инородцы Сибири и ихъ вымираніе. «Рус. Мысль» № 3.

— **М. Лосіевскій**. Былое Башкиріи и башкиръ по легендамъ, преданіямъ и хроникамъ. «Справочная книжка Уфимской губ.» на 1883 г. Сообщаются интересныя свѣдѣнія о происхожденіи башкиръ, религіи древнихъ башкиръ, о родѣ, ихъ жизни, объ образѣ правленія древнихъ башкиръ, ихъ домашней жизни и нѣкоторыхъ особенныхъ обычаяхъ, объ умственной жизни.

— **Р. Игнатьевъ**. Памятники до-историческихъ древносчей Уфимской губерніи. «Памятная книга Уфимской губ.» на 1883 г.

— **Е. Красноперовъ**. Енапаевская (татарско-башкирская) волость, Красноуфимскаго уѣзда Пермской губ. «Сбор. Пермскаго Земства», отд. III, кн. I.

— **А. Алекторовъ**. Исторія Оренбургскаго края, 2-е изд., Оренбургъ.

— **Э. Реклю**. Европейская Россія, т. VII.

1884. Д-ръ Д. Никольскій. Описаніе башкирскихъ школъ Екатеринб. уѣзда въ санитарно-педагогическомъ отношеніи. «Перм. Губ. Вѣд.» Отд. отт. Впервые сообщаются свѣдѣнія о санитарныхъ условіяхъ въ башкирскихъ школахъ: размѣръ помѣщеній, оконъ, внутренняя обстановка, обученіе дѣтей и т. д.

— **Его же**. Опытъ санитарно-статистическаго описанія деревни Утюбаевой Саранской вол., Екатеринб. у. «Перм. Губерн. Вѣдомости». № 16 — 19, отд. отт.

— **Башъ-Куртъ**. Письма съ Урала. „Новости", № 107, 108, 137, 140, 145, 148, 157, 158, 162, 168, 181, 191, 202, 217, 225,

231, 246. Между прочимъ встрѣчаются въ указанныхъ письмахъ не безынтересныя свѣдѣнія объ исторіи башкиръ, ихъ заселеніи, волненіяхъ, образѣ жизни и т. д.

— **Алекторовъ**. Географическій очеркъ Оренбургской губерніи. «Оренбург. Лист.» № 34, 35, 38 (Описаніе жилища башкира, нечистоты ихъ; выѣздъ на конѣ; занятіе).

— **Н-въ**. На восточной окраинѣ, Башкирская старина (изъ путевыхъ записокъ). Русскія Вѣдомости №№ 201, 203, 227, 268, 326.

— **П. Н. Распоповъ**. О движеніи населенія въ Оренбургской губерніи. «Справочная книга по Оренбур. губерніи» на 1884 г. стр. 30—62. Говорится о смертности и рождаемости башкиръ.

— **А. Романовъ**. Антропометрическія свѣдѣнія о населеніи Кузнецкаго уѣзда. «Вѣст. Судеб. Мед. и Общ. Гигіены» т. III. Продолж. въ 1885 г. № III.

— **Лаврскій**. Татарская бѣднота (Статистическо-экономическій очеркъ двухъ татарскихъ деревень Казан. губерніи). Казань.

1885. Д-ръ А. Смородинцевъ. Очеркъ врачебно-санитарнаго дѣла въ Осинскомъ уѣздѣ. «Сборникъ Пермскаго Земства» № 9. Краткія свѣдѣнія о смертности и бракахъ башкиръ.

— **А. Алекторовъ**. Башкиры (Этнографическій очеркъ). «Оренб. Листокъ» № 42. 46. 48. 49. 50. 51. 52. Продолж. въ 1886 г. № 1. 2. О названіи башкиръ, ихъ происхожденіи, которое, по мнѣнію автора, покрыто мракомъ неизвѣстности, отличіе отъ татаръ, но ближе къ финнамъ (?). Далѣе характеристика физическихъ признаковъ башкиръ, описаніе одежды, пищи, вліяніе сношеній съ другими народами; описаніе выѣзда на кочевку, праздниковъ, суевѣрій, обычаевъ и т. д.

— **Г. Краснопёровъ**. Самарская Башкирія. «Труды В.-Эк. Общ.» Іюль. Сообщаются интересныя свѣдѣнія объ экономическихъ условіяхъ современныхъ башкиръ, обѣднѣніе ихъ. Въ краткихъ словахъ говорится о домашней жизни.

— **Э. Ю. Петри**. Причины вымиранія народовъ низшей культуры. «Восточное Обозрѣніе» № 6—7. Отд. отт.

— **Н. Маліевъ**. О черепахъ узбековъ. «Проток. Засѣд. Общ. Люб. Естеств. въ Казани». 1888—96 г. стр. 40.

— **Wanbery**. Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen geschildert. Leipzig. Baschkiren, 496—517 стр. Заимствовано больше у Черемшанскаго. Авторъ относитъ башкиръ къ смѣшанной расѣ. Сходство съ татарами. Описаніе деревень, жилища, пищи, семейной жизни и т. д.

— **Д. П. Никольскій**. Описаніе раскопокъ при нахожденіи 2 башкирскихъ череповъ. «Проток. Засѣд. Общ. Естествоисп. при Импер. Каз. Унив.» 1885—86, стр. 17.

— **Д-ръ Зеландъ**. Киргизы. Этнологическій очеркъ. «Запис. Западно-Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.» вып. VII.

1886. Краснопёровъ. Сельско-хозяйственныя мѣры къ его улучше-

нію въ Шадринскомъ уѣздѣ. «Сбор. Перм. Земства». № 17—20. Указанія о башкирахъ и мещерякахъ по новѣйшимъ даннымъ.

— Труды Статистическаго отдѣленія Екатеринбургской земской Управы. Подробныя свѣдѣнія о башкирахъ Екатеринб. уѣзда; главнымъ образомъ объ экономическихъ условіяхъ, составѣ населенія, физическихъ недостаткахъ.

— **А. Алексѣевскій**. О болѣзненности новобранцевъ-башкиръ. «Военно-Санитарное Дѣло» № 45.

— **Д-ръ Кенигсбергъ**. Опытъ медикотопографическаго изслѣдованія города Оренбурга. Диссертація.

— Народная медицина (магометанская) «Земская Мед.» № 21. 22.

— **Д-ръ Благовидовъ**. Матеріалы къ изслѣдованію здоровья инородцевъ Сембирской губ. Буинскаго уѣзда. Диссер.

— **С. Пономаревъ**. Съ Урала. О башкирахъ и киргизахъ «Сѣв. Вѣст.», кн. 2. Говорится о колонизаціи Башкиріи, эксплоатаціи населеннія пришедшими, объ отчужденіи башкирскихъ земель, о вымираніи башкиръ, о голодовкѣ въ 1880.

1887. Di Stephen Commier. Fra i Baschkiri. Estratto all' Archivio per l'Antropologia e la Etnologia di Firenze. Volume XI.

— **Д. Никольскій**. Изъ поѣздки по Башкиріи. «Екатер. Нед.» №№ съ 32 и далѣе. Медико-статистическое описаніе деревень башкирскихъ.

— **Н. Ремезовъ**. Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. Москва, 2-е изд. 1889 г. Рядъ крайне интересныхъ очерковъ, наглядно выясняющихъ современное состояніе башкирскаго землевладѣнія и расхищеніе башкирскихъ земель подъ видомъ аренды, покупки, раздачи и т. д. съ указаніемъ лицъ.

— **Д. Н.** Съ Урала. «Восточ. Обозр.» № 6. 17. О покупкѣ земли у башкиръ уральскими заводчиками.

— **В. Г-ль**. Поземельная собственность въ Пермской губерніи «Календарь Перм. губ.» на 1887 г. Есть свѣдѣнія о башкирахъ.

— Къ исторіи башкирскихъ земель. «Волж. Вѣст.» № 222.

— О томъ же. «Экономическій Журналъ» № 5. 6.

— **А. Дмитріевъ**. Кунгурская лѣтопись Шишкиныхъ 1648 г. «Пермскія Губ. Вѣдом.» № 13. 14. 15. 17. Есть указанія о набѣгахъ башкиръ и кунгуръ въ 1708.

— **Fr. Müller**. Uebersichts-karte der etnographishen Verhältnisse von Asien und von der angrenzenden Theilen Europa bearbeitet auf Grundlage. Wien.

— **А. Жакманъ**. На Башкирскихъ земляхъ. «Сѣв. Вѣстн.» № 7.

— **В. Малаховъ**. Башкиры. «Записки Урал. Общ. Люб. Естест.», т. XI, в. I, стр. 75. Трудъ не оконченъ, носитъ компилятивный характеръ.

— **Д-ръ Далингеръ**. Медико-статистическое изслѣдованіе татарскаго населенія Астраханскаго уѣзда. Диссер.

— **П. И. Рычковъ**. Топографія Оренбургской губ., изд. 1887 г. О башкирахъ излагается въ третьей главѣ (56—71 ст.).

— **А. Шпеккеръ**. О башкирахъ Уфимской и Оренбургской губ. «Перм. Губ. Вѣдом». № 44.

— **В. Миллеръ**. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго музея. Вып. I стр. 85—87. Краткій указатель литературы о башкирахъ. Для характеристики башкиръ мало свѣдѣній. Авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ, что башкиры — отатарившіеся финны. Общее число башкиръ опредѣляется въ 575 т. обоего пола.

— Экономическія условія Самарскихъ башкиръ. «Рус. Вѣдомости» № 37.

— Забытый законъ (о владѣніи земли башкирами). «Волжск. Вѣстн». № 65.

— **М. Венюковъ**. О вырожденіи рода человѣческаго. «Рус. Мысль». Сентябрь.

— Краткій очеркъ современнаго быта инородцевъ Красноуфимскаго уѣзда. «Перм. Губ. Вѣдом.» № 4. 5. 6.

1888. Д-ръ Соколовъ. Условія происхожденія и теченія цинготной эпидеміи Мензелинскаго уѣзда въ 188⁶/₇ г.

— О конокрадствѣ башкирами. «Сбор. Перм. Земства», № 7, стр. 218.

— Баш-Куртъ. Письма съ Урала. «Новости». О башкирскихъ бунтахъ, причины, ихъ вызвавшія, казнь башкиръ.

— **Д. Никольскій**. О раскопкахъ древнихъ башкирскихъ могилъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. «Запис. Уральск. Общ. Люб. Естеств.» т. XII.

— **Д-ръ Ершовъ**. Матеріалы для санитарной статистики Свіяжскаго уѣзда, Казанской губ. Дис. Есть интересныя свѣдѣнія объ инородцахъ и въ томъ числѣ о татарахъ.

— **Желѣзновъ**. Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. О башкирахъ есть свѣдѣнія, хотя и не новыя, въ I т., стр. 211.

— **Д-ръ Гурвичъ**. Статистич. данныя о движеніи населенія. «Памят. кн. Уфим. губ.» на 1888 г. О башкирахъ см. 18. 10. 24 стр.

1889. Д-ръ Никольскій. О башкирахъ. Труды VII съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ. Предварительное сообщеніе о башкирахъ.

— **Р. Рума**. Составъ башкирскаго крута. «Сборникъ работъ Пермской земской санитарной станціи», вып. I, стр. 221—232. Приводятся историческія свѣдѣнія о вышеупомянутыхъ пищевыхъ продуктахъ и подробный химическій анализъ его.

— **Г. Успенскій**. Отъ Оренбурга до Уфы. «Рус. Вѣдом.» № 194. О продажѣ башк. земель, безправіе башкиръ и бѣдственное ихъ положеніе.

— Матеріалы по статистикѣ, географіи, исторіи и этнографіи Оренбургской губерніи. Изд. Статис. Комит. вып. II.

— **Д. Н**. Изъ недавняго прошлаго Башкиріи. «Екатер. Нед.» № 30. 31. 32. По поводу книги Ремезова «Очерки изъ жизни дикой Башкиріи».

— **В. Заваринъ**. О башкирахъ и башкирскомъ молочномъ хозяйствѣ. «Вѣстн. Рус. Сельскаго Хозяйства» № 9.

— Труды Медицинской комиссіи Казанскаго земства.

— **Д-ръ В. Демичъ**. Очерки русской народной медицины. «Врачъ»

2*

№ 7. 10. 9. 11. Краткія свѣдѣнія на способы и пріемы, которые практикуются среди башкиръ при родахъ, нѣкоторыхъ болѣзняхъ.

— **Его-же.** О томъ-же (гинекологія). «Медицина» № 12.

— **Ф. Нефедовъ.** Археологическое значеніе Оренбургскаго края. «Уфим. Губ. Вѣдом.» № 4. 5. 6.

— **И. Витевскій.** Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1750 г., вып. I. II. III. IV. V. Наиболѣе свѣдѣній о башкирахъ въ III и V-мъ выпускахъ.

1890. **I. Шаховскій.** На башкирскомъ кумысѣ. Кн. «Недѣли».

— **Проф. Доброславинъ.** О кумысо-лѣчебныхъ заведеніяхъ. «Сѣверъ» № 1. 2. О заведеніяхъ, находящихся вблизи Уфы; ихъ санитарные недостатки; вліяніе кумыса на организмъ.

— «Судебная газета», № 15.

— **П. Назаровъ.** Къ антропологіи башкиръ. «Днев. Антроп. Отд. Москов. Общ. Люб. Естест., Антроп. и Этногр.» вып. II, 37 стр. Измѣрено 85 башкиръ Оренб. губ. Раздѣлены по родамъ, что очень важно для выясненія типа башкира. Работа очень интересна и по своимъ результатамъ цѣнна въ антропологическомъ отношеніи.

— **А. Харузинъ.** О вліяніи тюркской крови на иранскій типъ осетинъ. Тамъ же, вып. V, стр. 191.

— **Его же.** Татары Гурзуфа (кефалометрическія наблюденія надъ татарами южнаго берега Крыма). Тамъ же, вып. VII (249), VIII (303); 1891 г. вып. II (59) вып. III (80).

— **П. Назаровъ.** Къ антропологіи башкиръ (на основаніи новыхъ матеріаловъ). Тамъ же, вып. IX. Авторомъ измѣрено 163 субъекта съ подраздѣленіемъ по родамъ.

— **Его-же.** Къ этнографіи башкиръ. «Этногр. Обозр.».

— **Д. Никольскій.** Изъ поѣздокъ по Башкиріи. «Уфим. Губ. Вѣдом.» № 34, 38 и 1891 г. 11, 12, 16, 21. Перепечатка изъ «Екатеринб. Нед.». 1887 г.

— «Уфимскія Губернскія Вѣдомости» № 17, 18, 19, 20, 21, 22. Краткія свѣдѣнія о движеніи магометанскаго населенія.

— **Н. Скалозубовъ.** Къ башкирскому вопросу (о расхищеніи лѣсовъ). «Экономич. Жур.» № 3. (Эксплоатація башкиръ арендаторами. Плохое волостное начальство).

— Расхищеніе лѣсовъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ. «Екатер. Нед.» № 35. Изъ «Экономич. Жур.».

— **А. Харузинъ.** Замѣтка къ статьѣ П. Назарова «Къ Антропологіи башкиръ», «Дневи. Антропол. Отд.» вып. II.

— **Сунтангальевъ.** Башкирскія пѣсни Стерлитамакскаго уѣзда. Казанская выставка 1890 г.

— Объ эксплоатаціи башкиръ. «Волж. Вѣстникъ» № 11.

— **Д. Никольскій.** Объ одномъ изъ питательныхъ продуктовъ у башкиръ—крутѣ. «Листокъ Норм. Столовой Р. Общ. Охр. Нар. Здр.». № 3.

— **Его же**. О раскопкахъ башкирскаго кладбища въ Екатеринб. уѣздѣ. «Протоколы Засѣданій Антроп. От. Москов. Общ. Люб. Естеств.» вып. III. стр. 632—633.

— **П. Назаровъ**. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Башкирію. «Дневникъ Антропологич. отд.» вып. I. II.

— **Проф. Пешель**. Народовѣдѣніе. Перев. подъ редак. проф. Петри, т. III, 72, 397. Башкирамъ удѣлено всего 5—6 строкъ, да и то вмѣстѣ съ мещеряками и тептерями.

— **Грѣховъ**. Описаніе 3-го стана Оренбургскаго уѣзда. «Оренб. Губ. Вѣдом.» 31—33.

— **П. Юдинъ**. Башкирія и башкирцы. «Оренбург. Губ. Вѣдом.» № 34, 35, 36, 37. Довольно подробно говорится о физическихъ свойствахъ башкиръ, селахъ, домахъ, скотоводствѣ, бунтахъ и т. д., хотя новаго—ничего.

1891. Д. Никольскій. О размѣрахъ женскаго башкирскаго таза. «Дневникъ Антропол. Отд.» вып. I. Тазъ хранится въ музеѣ Уральск. Общ. Любит. Естеств. въ Екатеринбургѣ.

— О башкирахъ, профессора **Соммье**. Перев. съ итальянскаго подъ редакціей Д. Никольскаго. «Записк. Уральскаго Общ. Люб. Естеств.», т. XIII. Отдѣл. оттиски.

Н. Маліевъ. Письмо по поводу статьи П. Назарова «Къ Антропологіи башкиръ». «Дневникъ Антроп. Отд.» вып. IV.

— **П. Звѣревъ**. Сборникъ статист. свѣдѣній по Екатеринб. уѣзду Отдѣлъ хозяйственной статистики. Краткое описаніе всѣхъ башкир. деревень Екатер. уѣзда.

— **Н. Лыжинъ**. Антропологическія наблюденія надъ Таврическими татарами. «Дневн. Антропол. Отдѣл.» вып. I, стр. 6.

— Докладъ Общему собранію Губернскаго Статист. Комитета. «Уфим. Губер. Вѣдом.» № 25, 27. О движеніи населенія по племенамъ.

— **Д**. Новый способъ расхищенія башкирскихъ земель «Екатеринб. Нед.» № 14.

— Конецъ расхищенія башкирскимъ землямъ Оренбургской губерніи. «Новости», августа 8-го. Было въ 2—3 года расхищено до 2 мил. десятинъ.

— Башкиры. Словарь Брокгауза и Эфрона т. III, стр. 225—240.

—**Д-ръ Яновичъ-Чаинскій**. Обрядъ обрѣзанія у магометанъ и антисептика при этомъ обрядѣ. «Журн. Рус. Общес. Охр. Народ. Здравія». № 8, 9.

— **Н. С. Л**. Мусульманскій постъ «Іроза». «Новости» № 110.

— Источники мусульманскаго права. «Кавказъ» 179.

— **Д. Никольскій**. О физическомъ развитіи учащихся въ народныхъ школахъ—заводскихъ, сельскихъ и *башкирскихъ*. «Санитарное Дѣло» №№ 33 и далѣе. От. отт.

— **Д-ръ В. Демичъ**. Педіатрія у русскаго народа. «Вѣст. Общ. Гиг. и Суд. Мед.» т. IX—XII.

— **Н. Ядринцевъ**. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и временное положеніе. Петерб. Стр. 13.

— **Тюнинъ**. Итоги XVII призыва новобранцевъ по Уфимскому уѣзду. «Уфимск. Губ. Вѣдомости.» № 9 и слѣд.

— Волостное правленіе въ Башкиріи. «Сибирск. Вѣстн.» № 13. О томъ же. «Оренбург. Листокъ»

— **К. Иковъ**. Къ краніологіи татаръ южнаго Крыма. «Днев. Антр. Отд.» I, стр. 3.

— **Ѳ. Гинкуловъ**. Черепа изъ древнихъ могилъ южнаго берега Крыма. «Дневн. Антропол. Отд.» вып. VI—VII.

— **Г. Н. Потанинъ**. Дочь Моря въ степномъ эпосѣ. «Этнограф. Обозрѣніе» № 1.

— **Д. Маминъ** (Сибирякъ). Письма съ Урала. «Сибирскій Листокъ» № 12, 14.

1892. Е. Старцевъ. Магометъ и его ученіе. «Каспій» № 25, 86, 52, 71, 79, 87, 106, 113. Довольно подробная характеристика названнаго ученія и самого Магомета.

— **Шерифъ-Мирзаевъ**. Наврузъ-Байрамъ. «Кавказъ» № 66.

— **D-r. Weissenberg**. Ein Betrag zur Antropologie der Türkvölker, Baschkiren und Meschtscherjaken. «Zeitschrift für Ethnologie». Сообщаются антропометрическія свѣдѣнія о башкирахъ и мещерякахъ съ сопоставленіемъ данныхъ Маліева и Назарова.

— **Алибековъ**. Мусульманскія суевѣрія. «Каспій» № 92.

— Бѣдствія деревни. «Самарскій Вѣстн.» № 194. Неизвѣстный авторъ описываетъ бѣдственное положеніе нѣкоторыхъ башкирскихъ деревень, говоритъ о ихъ замкнутости, лѣни, безпечности и смертности башкиръ. Послѣдняя очень велика.

— Коранъ и его ученіе о смерти. «Правительств. Вѣстн.» отъ 31 янв.

— **Батыръ-Гарей** Мухамедовъ Юлуевъ. Къ этнографіи башкиръ. «Этногр. Обозр.» № 2, 3.

— **Добротворскій**. Причины обѣднѣнія башкиръ. «Рус. Вѣдом.» № 97.

— Башкиры. «Русская Жизнь» №№ 200, 217, 227, 253, 256. Краткое описаніе жизни башкиръ (неизвѣстно какой мѣстности), ихъ жилища, семейныя отношенія, обрядовыя стороны, занятія, кумысъ, чай, табакъ и водка.

1893. Н. Скалозубовъ. Очеркъ экономическаго положенія башкирскаго населенія Красноуфимскаго уѣзда, Перм. губ. Отд. изд. Очень интересная и полная работа объ экономич. условіяхъ башкиръ. Приводятся историческія свѣдѣнія и частію антропометрическія.

— **Н. Дингельштедтъ**. Мусульманская семья въ коментаріяхъ къ Корану. «Кавказъ» № 195, 202, 203. По поводу сочин. Городкова (4 т.): Коментаріи мусульманскаго права подъ названіемъ «Хидая».

— **Д-ръ Вейсенбергъ**. Антропологическія наблюденія надъ башкирами и мещеряками «Днев. Антропол. Отд.» № 1. Краткое сообщеніе.

— Матеріалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда, вып. IV. Описаніе башкирскихъ деревень въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

— **Н. Скалозубовъ.** Изъ замѣтокъ во время разъѣздовъ по Красноуфимскому уѣзду (1887). «Памятн. книж. и Адресъ-календарь Пермской губ.» на 1893 г. Характеристика башкиръ Бѣлянковской волости.

— **I. Гаури.** Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. Изд. въ Ташкентѣ. Рецензія Крымскаго на эту книгу въ «Этног. Обозр.» кн. XXVII (1895).

— **Масульманинъ.** Кое-что о мѣстномъ мусульманствѣ. «Волж. Вѣстникъ» № 26, 34, 61.

— **Э. Ю. Петри.** Магометанскій міръ и магдисты. «Новости» № 239, 247.

— **Д-ръ В. Загорскій.** Нѣсколько словъ объ уходѣ за дѣтьми Челябинскаго уѣзда Оренб. губ. «Записки Уральск. Мед. Общ.» вып. 2. Въ немногихъ словахъ говорится объ уходѣ за дѣтьми у башкиръ.

— **Л. фонъ-Берхгольцъ.** Горные башкиры-катайцы. „Этн. Обозр." XVIII.

1894. С. Рыбаковъ. Этнографическая характеристика татаръ (*башкиръ* и тептерей). Пѣсни уральскихъ инородцевъ (башкиръ). «Отчетъ Императ. Рус. Геогр. Общ.». за 1894 г., стр. 28—51.

— **Н. Штейнфельдъ.** Малмыжскіе татары, ихъ бытъ и современное положеніе. «Календарь Вятской губ.» на 1894 г.

— **М. Вожевъ.** Кое-что о башкирскихъ земляхъ въ Уфимской губерніи, въ «Екатер. Нед.» № 9.

— **С. Рыбаковъ.** О народныхъ пѣсняхъ татаръ, башкиръ и тептрей. «Живая Старина» вып. III, IV, стр. 325, 364.

— **Д-ръ Арнольдовъ.** Санитарно-бытовой очеркъ жизни башкиръ юго-восточной части Стерлитамакскаго уѣзда. «Дневникъ Общ. Казанскихъ врачей» вып. IV.

— Русскіе народы. Подъ редак. Н. Зографа, съ рисунками Л. Бѣлянкина, вып. III, стр. 41—42.

— Древніе обитатели Уфимской губерніи. «Правит. Вѣстн.» № 187.

— Прошлое племени башкиръ. «Вятскія Губ. Вѣдом.» № 77 (переп. изъ Прав. Вѣст.)

— **Р. Игнатьевъ.** Башкиръ Соловатъ Юлаевъ, пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. «Извѣс. Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи» при Казанск. университ. т. XI, стр. 147 — 166; 227 — 240; 528—534 Начало въ 1893 г.

— **Н. Катановъ.** Этнографическій обзоръ турецко-татарскихъ племенъ. «Ученыя записки Импер. Казанскаго Университета» № 5—6.

— **Н. Штейнфельдъ.** Пятница у малмыжскихъ татаръ. «Вятскія Губ. Вѣдом.» № 84.

1895. В. Арнольдовъ. Пища башкиръ, реф. въ «Жур. Рус. Общ. Охр. Нар. Здравія» № 6.

— Количество башкиръ въ Вятской губерніи въ 1893 г. «Календарь и памятная книжка Вятской губ.» на 1895 г., стр. 14.

— **Д-ръ Н. Шмидтъ.** Къ гигіенѣ рыболовнаго промысла въ устьѣ Волги. Дис. Москва. Приводятся антропометрич. свѣдѣнія о тептеряхъ, калмыкахъ, киргизахъ и русскихъ.

— **Н. Дмитріевъ.** По башкирскимъ деревнямъ. «Перм. Губ. Вѣдом.» № 95. Описаніе праздника «Байрама».

— «Сабантуй» (праздникъ) въ башкирской деревнѣ. Тамъ же № 114.

— **Д-ръ Treille.** О Рамаданѣ (Ромазанѣ). «Вѣстн. Общ. Гиг. и Суд. Мед.» № 7, стр. 237.

— **Н. Загоскинъ.** Начало Казани и Казанскаго царства (опытъ начальной исторіи Казанскаго края). «Волж. Вѣстн.» № 81, 91, 103, 110, 121, 132.

— **П. Б.** Очерки золотопромышленности южнаго Урала. «Рус. Богатство» кн. 6, 7, 8. Краткія свѣдѣнія о башкирахъ, какъ работникахъ, объ отношеніи къ нимъ русскихъ, о нѣкоторыхъ нравственныхъ качествахъ башкиръ, ихъ вымираніи.

— **С. Рыбаковъ.** Очеркъ быта и современнаго состоянія инородцевъ Урала. «Наблюдатель» № 7, 8. Говорится о башкирскихъ кочевкахъ, пищѣ, занятіяхъ. Описываются главнымъ образомъ *горные* башкиры Верхнеуральск. уѣзда.

— **А. Мюллеръ.** Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Перев. съ нѣмецкаго подъ редак. Н. А. Медвѣдникова, т. I, II. Одно изъ капитальныхъ изслѣдованій по исламу. Рецензія въ «Этн. Обозр.» кн. XXIV.

М. Баишевъ. Деревня Зіянгурина, Орскаго уѣзда, Оренб. губерніи. «Извѣс. Оренб. отдѣла Импер. Рус. Геогр. Общ.» вып. 7.

— **Свящ. Барсовъ.** Первые заселенцы и о первыхъ подвигахъ христіанства и гражданственности въ Уфимско-Оренбургскомъ краѣ. «Уфим. Губ. Вѣд.» № 15, 16, 29, 37, 40, 41, 42, 60, 62. Помимо топографическаго описанія мѣстности, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о домашней обстановкѣ лѣсныхъ башкиръ, одеждѣ, пищѣ, языкѣ, обученіи дѣтей, праздникахъ, обрядахъ и т. п.

— **М. Куватовъ.** Башкирскія пословицы. «Изв. Оренб. От. Имп. Рус. Геогр. Общ.» вып. VI.

— **Д. П. Никольскій.** Изъ поѣздки къ лѣснымъ башкирамъ. «Землевѣдѣніе», кн. IV.

— **Д-ръ Лисуновъ.** Матеріалы къ изученію этіологіи цинги по даннымъ заболѣваемости войскъ Московскаго гарнизона. Дисс. СПБ. Въ V главѣ авторъ говоритъ объ отношеніи различныхъ племенъ и уроженцевъ различныхъ губерній Россіи къ цинготнымъ заболѣваніямъ. Есть краткія указанія на магометанъ.

1896. Д-ръ Ганъ. Медицина и Уралъ. «Медицина» № 2. Въ краткихъ словахъ описываются жилища башкиръ, болѣзни (глазныя) и пр.

— **Д-ръ Ахуна.** Матеріалы къ вопросу о современномъ состояніи глазнаго дѣла въ Россіи. «Врачъ» № 12. Среди башкиръ, мещеряковъ и тептерей приход. на 1000 человѣкъ 35 глазныхъ больныхъ.

— **С. Рыбаковъ.** «Курай», башкирскій музыкальный инструментъ. Съ приложеніемъ 6-ти мелодій курая. «Рус. музыкальная газета». Январь.

— Объ оспопрививаніи въ Башкирско-Мещерякскомъ войскѣ. Законы и распоряженія правительства, 32 стр.

— Башкирскій поселокъ въ Вилюйскомъ округѣ «Восточ. Обозр.» № 45. Башкиры были выселены сюда изъ Уфимской губ. въ началѣ 1870-хъ годахъ. Потомъ всѣ разошлись, оставивъ по себѣ сказочную память у инородцевъ, которыхъ почти разорили конокрадствомъ.

— **Д-ръ Михайловъ**. Очерки современныхъ условій кумысолѣченія на востокѣ Россіи. «Врачъ», №№ 16, 17, 18, 19, 20. Отд. изд. Риккера, ц. 60 к. Есть краткія свѣдѣнія о башкирахъ какъ то: образѣ жизни, домашней обстановкѣ, нравственныхъ качествахъ башкиръ, характерѣ и. т. д. (немного идеализируются башкиры), о способахъ приготовленія кумыса и храненіи его.

— **В. Соловьевъ**. Магометъ, его жизнь, религія и ученіе. Изд. Павленкова, ц. 25 к.

— **А. Баязитовъ**. Что проповѣдуетъ Исламъ. «Недѣля» № 36.

— **Н. Харузинъ**. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи. «Этн. Обозр.» № 1, 2. Отдѣльное изд. 124 стр. Авторъ сгруппировалъ имѣющіяся свѣдѣнія о башкирскихъ постройкахъ, начиная съ шалаша и кончая настоящимъ видомъ башкирской избы. См. стр. 12, 37, 47, 68, 69, 75, 82, 84, 86, 98, 123.

— **Н. Аристовъ**. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. «Живая Старина», вып. III и V, стр .405.

1897. **А. Е**. Современное положеніе башкирскихъ припущенниковъ, «Уралъ» №№ 40, 41, 49, 51, 52, 53, 55, 57, 71, 75, 76, 78, 83, 88, 91, 92, 94, 95. Авторъ подробно разсматриваетъ положеніе припущенниковъ на башкирскихъ земляхъ и находитъ ихъ положеніе крайне незавидпымъ; башкиры по отношенію къ нимъ являются настоящими князьками. Между прочимъ касается исторіи башкиръ и заселенія края выходцами изъ средней Россіи.

— **Д. П. Никольскій**. Санитарно-гигіеническія условія башкирскихъ школъ. Докл. въ Рус. Общ. Охран. Народ. Здравія.

— **С. Матвѣевъ**. Изъ инородческаго быта. «Волжско-Камскій край». № 351.

— **А. Е**. Къ вопросу объ улучшеніи быта башкирскихъ припущенниковъ. «Уралъ» № 126, 128, 129.

— **М. В-въ**. О колонизаціи башкирскихъ земель. «Уралъ» № 175.

— **Н. Борисовъ**. По поводу землеустройства обезземеленныхъ вотчинниковъ. «Уралъ» № 143. 144.

— Описаніе селеній Балтаевской вол. Мензелинскаго уѣзда «Уфимск. Губ. Вѣд.» № 179. Есть указанія на экономическое положеніе башкиръ.

— Деревня Уракъ - Тау Стерлитам. уѣзда «Уфим. Губ. Вѣд.» № 183, 184. (Перепечатано изъ «Вѣстника Птицеводства» за 1896. № 7, 8, 9.) Описаніе птицеводства у башкиръ и ихъ любовь къ охотѣ.

— Русскіе классы при медрессе въ г. Уфѣ. «Уфим. Губ. Вѣдом.» № 81.

— О медрессѣ. Тамъ же, № 100, 106.

— **Н. Оленинъ**. Системы власти административной въ Оренбургской губерніи до 1865 г. Тамъ же, № 198.

— Вопросъ о «трудовомъ воспитаніи молодого башкирскаго населенія». «Уралъ» № 267.

— **Д-ръ Споршинцевъ**. Очеркъ земскаго кумысо-лѣченія въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. «Записки Уральск. Мед. Общ.» въ Екатеринбургѣ.

— **С. Г. Рыбаковъ**. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта. 204 мелодіи съ текстами и переводомъ, характеристики музыкантовъ съ портретомъ башкира-музыканта; очерки путешествія, съ картою Уфимской и Оренбург. губ. «Записки И. Академіи Наукъ», VIII серія, по ист.-филологич. отд. т. II, № 2.

1898. Школьное дѣло у мусульманъ. «Черномор. Вѣстникъ» Перепеч. въ «Сынѣ Отеч.» № 194.

— **А. А. Калачевъ**. Экономическое положеніе башкиръ Уфимской губерніи. Сообщ. въ И. Р. Геогр. Общ. 4 дек.

— Проф. **Н. М. Маліевъ**. О происхожденіи лѣсныхъ башкиръ. Сообщ. въ Антропол. Общ. при Имп. Военно-медиц. Акад. 26 окт.

— **Н. Оленинъ**. Празднества и увеселенія у башкиръ. «Уфим. Губ. Вѣд.» № 267—272.

— Записки о приступѣ къ эксплоатаціи башкирскихъ лѣсовъ. Суплярской вол. вотчины Байкибашевской вол. на артельномъ началѣ. №№ 255, 269, 262, 266, 275.

— **Н. Ѳ. Катановъ**. Отчетъ о поѣздкѣ, совершенной съ 1-го іюня 97 г. по 20 авг. того же года въ Белебеевскій и Мензелинскій уѣзды Уфим. губерніи. Казань 1—32 стр.

1899. **Д. П. Никольскій**. Башкиры. Санитарно-этнографическое и антропологическое изслѣдованіе. Дис. 376 стр.

Сочиненія и матеріалы о башкирахъ безъ обозначенія года:

— Исторія башкиръ. Въ «Историч. Актахъ» т. II, № 113, т. III, № 178, т. VI, №№ 58, 84, 175, 201 и др.

— «Дополненія къ Актамъ историч.» т. 9—11.

— «Акты Археографич. Экспедиціи.» Т. III, № 82, т. IV, № 2262.

— **Проф. Эйхвальдъ**. О чудскихъ копяхъ. «Запис. Импер. Русск. Археологич. Общ.» т. IX, стр. 269—370.

— Башкиры. Этнографич. очеркъ. «Народы Россіи». Изд. Ильина.

— Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1880—1887 гг. Въ нихъ же находятся свѣдѣнія о судимости и преступности башкирскаго населенія (вмѣстѣ съ мещеряками).

— **Н. Маліевъ**. О строеніи черепа народовъ восточнаго края Россіи. «Проток. Общ. Естествоиспыт. при Импер. Казанскомъ университетѣ».

Кромѣ того см. Указатели къ „Этнографическому Обозрѣнію", составл. *Г. И. Куликовскимъ* (s. v. башкиры). *Примѣч. Ред.*

DO NOT REMOVE FROM POCKET

